

ISSN 2224-1620

16+

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 2(44)
2021

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 2(44)
2021

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
(Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории
Российской Федерации.
Подписной индекс
Объединенного каталога
«Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году.
Выходит 2 раза в год

Очередной номер журнала
можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И.,
Пенькова Н. В.

Оригинал-макет подготовлен
и тираж отпечатан
в Издательском центре
Ульяновского государственного
университета
Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Адрес издательства

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Адрес типографии

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 14.12.2021.
Дата выхода в свет 17.12.2021.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 2000 экз. Заказ 105

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Список редколлегии по специальности 13.00.00**

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чжэнчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилава Георгий Валерьевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмшина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы.
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
- Рукописи авторам не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

© Ульяновский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
Точеный М. Д. А. Я. ВЫШИНСКИЙ: ПРОКУРОР? ОБВИНИТЕЛЬ? ИЛИ?.....	7
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	12
Афанасьева В. М., Седунова А. С. САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ.....	12
Гемранова А. Д. ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ КАК СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	18
Добрецов А. В. СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. НУЖНА ЛИ НАМ КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА?.....	25
Каленик Е. Н., Самылина А. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ У СТУДЕНТОВ И ОТКАЗА ОТ ВАКЦИНАЦИИ ПРОТИВ COVID-19	31
Митин С. Н., Архипова И. А. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АСПЕКТЕ HARD SKILLS И SOFT SKILLS.....	38
Платонова Е. В. ЯЗЫК И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	43
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	46
Медведев Е. В. МОШЕННИКИ И МОШЕННИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	46
Окутина Н. Н. «ГАРАНТИЯ ОТ БЕЗУЧАСТИЯ»: СИБИРСКИЙ ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	52
Окутина Н. Н. СИБИРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА: НА ПУТИ К СОВЕТАМ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН	57
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	64
Сафина Г. М. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ И РАБОТОДАТЕЛЯМИ	64

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	69
Ишкиняева Л. К. «СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» С. Т. АКСАКОВА В СВЕТЕ РОМАННОЙ И МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII СТОЛЕТИЯ.....	69
Краева А. Г., Михайлова И. В. МУЗЫКА В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ	78
Мартыненко А. В. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В АНИМЕ	86
Митин С. Н., Митина Т. С. ПУТИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЧАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	92
Митина И. Д., Ефремова Д. Н. РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	99
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	103
Егорова Э. В., Крашенинникова Е. И., Ускова С. В. КОРОНАВИРУС И ОБЩЕСТВО.....	103
Ходжаян Е. Г. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО	109
ФИЛОЛОГИЯ	117
Крашенинникова Н. А., Крашенинникова Е. И. ПРОБЛЕМЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	117
ИНФОРМАЦИЯ	124
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	124
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. УПУЩЕННЫЙ ШАНС. РЕЦЕНЗИЯ на книгу И. Е. Дронова «СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ. ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III» (М.: Духовное преображение, 2018. 736 с.)	124
Знаменательные даты, юбилеи	133
Петрова Г. И. ИЗДАТЕЛЬСТВУ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА — 30 ЛЕТ!	133
Наши авторы	135
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	138

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY	7
Tocheniy M. D. A. Ya. VYSHINSKY: PROSECUTOR? ACCUSER? OR?.....	7
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS	12
Afanasyeva V. M., Sedunova A. S. SELF-PRESENTATION OF OWN BODY IN THE STRUCTURE OF MENTAL MODELS	12
Gemranova A. D. INNOVATIVE STUDY STRATEGIES AT UNIVERSITY AS A WAY TO INVOLVE STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS	18
Dobretsov A. V. CONTEMPORARY MUSIC EDUCATION. DO WE NEED CLASSICAL MUSIC?..	25
Kalenik E. N., Samylina A. A. INTERRELATION BETWEEN THE LEVEL OF THE COGNITIVE COMPONENT OF HEALTH BEHAVIOR AMONG STUDENTS AND REFUSAL OF COVID-19 VACCINATION.....	31
Mitin S. N., Arkhipova I. A. FORMATION OF GENERAL COMPETENCIES OF STUDENTS OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN TERMS OF HARD SKILLS AND SOFT SKILLS.....	38
Platonova E. V. LANGUAGE AND SOCIOCULTURAL ASPECT.....	43
JURISPRUDENCE	46
Medvedev E. V. SCAMMERS AND FRAUDULENT BEHAVIOR STYLE IN THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL DIMENSION	46
Okutina N. N. "GUARANTEE AGAINST NON-PARTICIPATION": SIMBIRSK PROJECT OF THE ORGANIZATION OF CITY ADMINISTRATION IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	52
Okutina N. N. SIMBIRSK CITY DUMA: ON THE WAY TOWARD ADVICE IN THE CHANGING TIMES.....	57
ECONOMICS AND MANAGEMENT	64
Safina G. M. ECONOMIC CAUSE OF LABOR CONFLICTS BETWEEN EMPLOYEES AND EMPLOYERS	64
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY	69
Ishkinjaeva L. K. "FAMILY CHRONICLE" BY S. T. AKSAKOV IN THE LIGHT OF NOVELISTIC AND MEMOIR LITERATURE OF THE XVIII CENTURY	69

Kraeva A. G., Mikhailova I. V. MUSIC IN THE COGNITIVE SPACE OF TRANSDISCIPLINARITY.....	78
Martynenko A. V. FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF VISUAL IMAGES IN ANIME	86
Mitin S. N., Mitina T. S. WAYS OF PRESERVING TRADITIONAL CULTURE AS PART OF ARTISTIC CULTURE.....	92
Mitina I. D., Efremova D. N. THE DEVELOPMENT OF INCLUSION IN THE MUSEUM SPACE.....	99
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE	103
Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Uskova S. V. CORONAVIRUS AND SOCIETY	103
Khodzhayan E. G. CULTURE AND SOCIETY.....	109
PHILOLOGY	117
Krasheninnikova N. A., Krasheninnikova E. I. EQUIVALENCE PROBLEMS IN TRANSLATION RESEARCH	117
INFORMATION	124
Summaries of scientific articles, reviews, responses	124
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. "A MISSED CHANCE" REVIEW ON THE BOOK OF I. E. DRONOV "STRONG, SOVEREIGN. LIFE AND REIGN OF EMPEROR ALEXANDER III" (Moscow, 2018. 736 p.).....	124
Memorable dates, jubilees	133
Petrova G. I. ULYANOVSK STATE UNIVERSITY PRESS TURNS 30 YEARS OLD!	133
Our authors	135
Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the "SIBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"	138

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

М. Д. Точеный

Ульяновский институт
гражданской авиации
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

**А. Я. ВЫШИНСКИЙ:
ПРОКУРОР? ОБВИНИТЕЛЬ? ИЛИ?..**

Статья посвящена одной из самых ключевых и вместе с тем самых мрачных фигур Большого террора — прокурору РСФСР (в дальнейшем — СССР) — Андрею Януарьевичу Вышинскому. Человек, возможно, самый образованный среди сталинского окружения, он оказал весьма существенную помощь руководству страны в расправе над наиболее известными «врагами народа» — М. Н. Тухачевским, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым, А. И. Рыковым, К. Б. Радеком и другими. В 1937—1938 гг. А. Я. Вышинский и Н. И. Ежов в составе Комиссии НКВД СССР и прокурора Союза ССР еженедельно осуждали к расстрелу тысячи ни в чем не повинных людей. Мы попытались ответить на вопрос: что же двигало «Януарьевичем» — карьеристские мотивы, желание услужить «хозяину», страх за свою жизнь или банальная человеческая жестокость?

Ключевые слова: сталинские репрессии, Большой террор, Московские процессы, А. Я. Вышинский, И. В. Сталин, Прокуратура СССР, враги народа.

Андрея Януарьевича Вышинского по праву считают одной из ключевых фигур Большого террора в СССР.

«Низкого роста, плотно сбитый, благоухающая красивая проседь, почти слившаяся с мундиром мышиного цвета и погонями цвета надраенной стали. Тогда этот странный наряд казался верхом вкуса и элегантности. Щеточка тонких усов, очки в изящной оправе, за стеклами цепкий, колючий, пронзающий взгляд. Чуть прищуренные глаза, тоже стальные», — такое описание внешности сталинского прокурора дал Аркадий Ваксберг, адвокат и публицист, воочию видевший «героя» нашей публикации [6]. Наряду с этой, не самой лестной характеристикой, Аркадий Иосифович добавляет, что Вышинский был не только самым, но единственным образованным человеком в сталинском окружении: «Вышинский говорил не только на языке матери (русском) и отца (польском), но и на очень хорошем французском, усвоенном в первокласс-

ной царской гимназии. Он знал хуже, но тоже неплохо, еще и английский, и немецкий».

Тем более удивительно, что Сталин, ненавидевший тех, кто был выше него в любом отношении, не только сохранил жизнь А. Я. Вышинскому, но и позволил сделать ему поистине головокружительную карьеру.

Андрей Януарьевич Вышинский родился в 1883 году в Одессе. Его отец, выходец из старинного рода, был провизором, а мать — учительницей музыки.

В 1901 году будущий «Андрей Януарьевич» поступил на юридический факультет Киевского университета, но процесс получения диплома несколько затянулся. После участия в студенческой забастовке он был исключен. Затем вступил в партию меньшевиков и с началом революции 1905 года активно включился в нелегальную работу. В начале 1908 года Тифлисский суд приговорил его к одному году лишения свободы.

В «местах не столь отдаленных» Вышинский познакомился с грузином невысокого роста по кличке «Коба». Возможно, они даже сидели в одном помещении. Также утверждают, что Вышинский делился с сокамерником продуктами, и Сталин это запомнил.

В партию большевиков Вышинский вступил только в 1920 году. Чем это объяснить — осторожностью, расчётливостью? Или, наоборот, отсутствием неких качеств, наличие которых считается нормой среди представителей рода человеческого? Преподаватель МГУ, затем ректор, а вскоре и заместитель министра наркома просвещения. Параллельно герой нашей статьи рьяно искал практическое применение своим знаниям. «Шахтинское дело», «Дело Промпартии», «Московские процессы», расправа над М. Н. Тухачевским — на этих и многих других судилищах звучал его грозный голос, призывавший уничтожить «поганых псов», «бешеных собак» и прочих «проклятых помесей лисицы и свиньи».

Вот тут-то и пригодилось Михаилу Януарьевичу его прекрасное образование и знание иностранных языков! Большинство современных служителей Фемиды — судей, прокуроров, адвокатов — и близко не сравнятся в ораторском искусстве, широте кругозора и накале страстей с Вышинским. В своих выступлениях он демонстрирует глубокие познания в области истории, политологии, философии, русской и зарубежной литературы, иностранного законодательства и криминологии. Он одинаково легко цитирует и фрагменты басен Крылова, и часть произведения Стефана Цвейга, и труды Николы Макиавелли, с идентичной простотой толкует и английские законы начала XX века, и средневековое законодательство, одинаково живо повествует и об итальянских отравителях, и о своем современнике — американском гангстере Аль Капоне.

Вышинский активно использует риторические приемы. Он приписывает все мыслимые положительные качества людям, якобы пострадавшим от действий «врагов народа», и все немыслимые отрицательные — их подлым убийцам. Словно вдохновенный поэт, взявший в руки мольберт и кисть, Вышинский высокопарно характеризует А. М. Горького как «гордость русской и мировой литературы» и «гениального художника»:

«Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных действий. Недаром он всю свою жизнь связал с великим Лениным и великим

Сталиным как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всему пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький — безусловно, крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чувствовал грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в большое сердце великого человека погиб лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких светильников человеческого разума и человеческой красоты» [4, с. 172].

А далее он яростно обличает преступников — С. А. Бессонова (реабилитирован в 1966 году), А. И. Рыкова и Г. Л. Пятакова (реабилитированы и восстановлены в партии в 1988 году) и других — как «изменников, человекообразных зверей, хладнокровно и предательски остановивших горячее и благородное сердце великого человека» [4, с. 172].

И все это — ради одной цели. Обличить врагов народа как самых страшных злодеев в истории человечества, показать участникам процесса, что гнуснее их не видела еще земля.

Причем риторика его меняется по мере обострения классовой борьбы, по мере усиления репрессий, по мере ускорения «Красного колеса». Вместе с высокопарностью и витиеватостью в его речах появляется откровенная грубость и неприкрытая ненависть.

В 1933 году с сидящими на скамье подсудимых В. А. Гусевым, Л. А. Сухоручкиным, А. Т. Лобановым и другими подсудимыми по «Делу о вредительстве на электрических станциях в СССР» он вел себя, конечно, не как английский джентльмен, а как опытный государственный обвинитель, не применявший личные оскорбления, но использующий разрешенные словесные приемы, дабы доказать суду виновность преступников. Он говорил об обвиняемых как о «ничтожных, продажных и продавшихся, изменивших и предавших социалистическую родину людям», а о содеянном ими — как о «ничтожных», «постыдных», «отвратительных» и «гнуснейших преступлениях».

Но спустя несколько лет, в августе 1936 года, нашего прокурора будто подменили. Выступая с обвинительной речью на процессе «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновья-

евского центра», он обрушивает на подсудимых громы, молнии и миллион ругательств: «Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки, взъярившиеся на слона, — вот что представляет собой эта компания!» [4, с. 42]. Итог его пламенного выступления закономерен: «Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!» [4, с. 70].

Отдельных циничных насмешек «Ягуаревич» удостоивает наиболее «провинившихся» «врагов народа». Так, в прошлом «любимца партии» и, по мнению В. И. Ленина, «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии» Н. И. Бухарина А. Я. Вышинский охарактеризовал как «проклятую помесь лисы и свиньи». Л. Б. Каменев, когда-то видный большевик и один из старейших советников Ленина, удостоился звания «притворщика в ослиной шкуре».

Но вот современный «Кодекс этики прокурорского работника» (а нет сомнения, что подобный нормативно-правовой акт существовал и тогда) требует от служителей закона «руководствоваться... общепринятыми нормами морали и нравственности». И уж точно не следует называть «взбесившимися собаками» и «ничтожными шавками» людей, чья вина еще не установлена (на момент выступления государственного обвинителя) вступившим в законную силу приговором суда.

Но весь парадокс и одновременно ужас сталинского «правосудия» состоял в том, что исход процесса был известен заранее, еще до его начала. И государственный обвинитель, и судьи, и даже защитники-адвокаты, и, вероятно, большинство присутствующих в зале суда уже знали участь людей, сидящих на скамье подсудимых. И даже последние не сомневались в том, что их признают виновными. Они лишь могли лелеять робкую надежду, что им сохранят жизнь, что их приговором будет не расстрел, а десятки лет лагерей. И зачем было Михаилу Януарьевичу столь изощренно издеваться над обреченными людьми, унижать их, откровенно глумиться над ними вместе с периодически смеющимися над остротами прокурора зрителями постановочного «судебного процесса»? Демонстрировал ли он таким образом преданность вождю или считал себя, подобно древнеримскому деспоту Нерону, выдающимся артистом, или ему просто нравилось унижать беззащитных — на этот вопрос мы пока ответить не можем.

Именно Вышинский возродил принцип средневековых инквизиторов, гласивший, что признание является «царицей доказательств», который, к сожалению, применяется и в наше

время. С данным тезисом пытались спорить и видный юрист Евгений Пашуканис, противник концепции «пролетарского права», и даже председатель Верховного трибунала Николай Крыленко. И тот и другой закончили свою жизнь как «враги народа». «Карающий меч партии», возможно, не испытал никаких эмоций, отправляя на эшафот своих оппонентов. В те годы в течение суток он мог приговорить к смерти почти тысячу человек, а на следующий день отправиться с женой в театр.

Справедливости ради следует заметить, что некоторые «рыцари пера», как ученые мужи, так и журналисты, справедливо указывают на то, что подлинной фразы о «царице доказательств» ни в сочинениях, ни в речах героя данной статьи обнаружить не удалось [1]. Тем не менее в ряде случаев, оценивая доказательную базу дела, именно признание подсудимых Андрей Януарьевич ставил на первое место. «Я отвечу, раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли и в какой степени совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями...» [4, с. 181].

Стремительная карьера Вышинского, к концу 30-х получившего звание академика, в 1949-м — министерский портфель, перешла на бреющий полет только после кончины Сталина. Его сняли с должности, вывели из состава Президиума ЦК и отправили в почетную ссылку, назначив постоянным представителем СССР при ООН.

Он оставил сей мир в возрасте 70 лет, в Нью-Йорке, столице мирового капитала. Активно работавший до последних дней, он, видимо, не мог вынести известий о реабилитации невинных людей, злодейски и подло убитых при его непосредственном участии [2]. А может и сам он отчасти разделил их участь — уж слишком много мрачных тайн унес с собой в могилу этот умный, образованный, невероятно работоспособный и столь же аморальный человек. Некоторые исследователи и вовсе утверждают, что герой нашей статьи застрелился [5, с. 350].

В наше время большинство исследователей оценивает роль Андрея Януарьевича Вышинского в истории почти исключительно с отрицательной стороны. Они лишь задаются вопросом: а что двигало им, каковы были его мотивы? Зачем он столь рьяно обличал людей, чья печальная участь была предreshена, почему глумился и издевался над ними? Так, В. Бычков объясня-

ет это тем, что Вышинский был человеком системы, которая была создана революцией, и одновременно — ее заложником [3]. В. Эрлихман полагает, что Вышинский просто доказывал свою верность вождю, знавшему о его меньшевистском прошлом и, главное, о том, что Андрей Януарьевич, будучи в далеком 1917 году комиссаром милиции, отдал приказ об аресте В. И. Ленина [6].

Но находятся и те, кто хвалит и даже превозносит возможного автора фраз «был бы человек, а статья найдется» и «в СССР нет невиновных, а есть только неосужденные». Например, автор предисловия к книге Андрея Януарьевича «Сталин и враги народа», увидевшей свет в 2021 году, характеризует нашего государственного обвинителя чуть ли не как правозащитника. Исследователь пишет о том, что А. Я. Вышинский настаивал на строгом соблюдении за-

конности, добивался пересмотра дел, реабилитации несправедливо осужденных и восстановления их в правах. Только вот реабилитацией Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, М. Н. Тухачевского и многих других «врагов народа», которых Вышинский любезно помог отправить на тот свет, занимались совсем другие люди лишь многие годы спустя.

И здесь возникает интересный вопрос: что побуждает человека, ознакомившегося с трудами и биографией одного из непосредственных участников жестоких репрессий, старательно оправдывать его и окрашивать в белый цвет? Видимо, то же, что подталкивает возлагать горы цветов к бюсту И. В. Сталина, устанавливать памятник Л. П. Берии, превозносить других тиранов. Собственная жестокость? Запрос на мифические «справедливость» и «порядок»? Или?..

Литература

1. Андрей Януарьевич Вышинский. — URL: <https://quotesbook.info/quotes/person/Andrejj-JAnuarevich-Vyshinskij> (дата обращения: 04.10.2021).
2. Бржестовская Н. Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) / Н. Бржестовская. — URL: <http://odessa-memory.info/index.php?id=402> (дата обращения: 04.10.2021).
3. Бычков В. Андрей «Януарьевич» Вышинский: революционная совесть прокурора / В. Бычков. — URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20181210/1543517069.html> (дата обращения: 04.10.2021).
4. Вышинский А. Я. Сталин и враги народа / А. Я. Вышинский. — М.: Алгоритм, 2012. — 336 с.
5. Лаврин А. П. Хроники Харона / А. П. Лаврин. — М.: Московский рабочий, 1993. — 511 с.
6. Эрлихман В. Андрей Вышинский: человек, пытавшийся арестовать Ленина / В. Эрлихман. — URL: <https://rg.ru/2017/06/06/rodina-vyshinskij.html> (дата обращения: 04.10.2021).

A. Ya. VYSHINSKY: PROSECUTOR? ACCUSER? OR?..

M. D. Tocheniy

Ulyanovsk Institute of Civil Aviation (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

The article is devoted to one of the key and, at the same time, the most gloomy figures of the "Great Terror" — the prosecutor of the RSFSR (and later — the USSR) — Andrei Yanuaryevich Vyshinsky. A man, perhaps the most educated among the Stalinist entourage, he rendered very significant assistance to the country's leadership in reprisals against the most famous "enemies of the people" — M. N. Tukhachevsky, G. E. Zinoviev, L. B. Kamenev, A. I. Rykov, K. B. Radek and others. In 1937—1938 A. I. Vyshinsky and N. I. Yezhov as part of the Commission of the NKVD of the USSR and the Prosecutor of the USSR weekly condemned to the execution of thousands of innocent people. We tried to answer the question — what drove "Yaguarevich" — careerist motives, a desire to serve the "owner", fear for one's life or banal human cruelty?

Key words: Stalinist repressions, Great terror, Moscow processes, A. Ya. Vyshinsky, I. V. Stalin, Prosecutor's Office of the USSR, Enemies of the People.

References

1. Andrey Yanuaryevich Vyshinsky [Andrey Yanuariyevich Vyshinskij]. URL: <https://quotesbook.info/quotes/person/Andrejj-JAnuarevich-Vyshinskij> (access date: 04.10.2021).
2. Brzhestovskaya N. Vyshinsky Andrey Yanuaryevich (1883—1954) [Vyshinsky Andrey Yanuariyevich (1883—1954)]. URL: <http://odessa-memory.info/index.php?id=402> (access date: 04.10.2021).

3. Bychkov V. Andrey "Yaguarevich" Vyshinsky: revilyutsionnaya sovest prokurora [Andrey "Yaguarevich" Vyshinsky: the revolutionary conscience of the prosecutor]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20181210/1543517069.html> (access date: 04.10.2021).
4. Vyshinsky A. Ya. (2012) Stalin i vragi naroda [Stalin and the enemies of the people]. Moscow: Algorytm, 336 p.
5. Lavrin A. P. (1993) Khroniki Kharona [The Chronicles of Charon]. Moscow, 511 p.
6. Erlikhman V. Andrey Vyshinsky: chelovek, pytavshiysya arestovat Lenina [Andrey Vyshinsky: a man who tried to arrest Lenin]. URL: <https://rg.ru/2017/06/06/rodina-vyshinskij.html> (access date: 04.10.2021).

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

В. М. Афанасьева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
marly616@mail.ru

А. С. Седунова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
asedunova@mail.ru

САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Ментальные модели — это обобщенное представление об окружающем мире, которое позволяет человеку эффективно взаимодействовать в среде. Существует несколько подходов к объяснению формирования и использования ментальных моделей, которые по-своему рассматривают сущность этого понятия. В статье описана история изучения ментальных моделей, определены внутренние противоречия данного понятия. Указаны множественные точки зрения на сущность ментальных моделей, обосновывается различная направленность ментальных моделей. Обозначается место ментальных моделей в структуре когнитивных процессов, делается предположение о связи ментальных моделей и рабочей памяти. Описаны базисные, основополагающие характеристики ментальных моделей. Целью статьи является теоретический анализ современных подходов и рассмотрение построения ментальных моделей субъектом в отношении собственного тела. Рассматриваются две ведущие теории, объясняющие механизмы узнавания собственного отражения в зеркале на основе построения ментальной модели. Первая теория основана на том, что субъект делает индуктивный вывод, направленный на понимание зеркального соответствия. Вторая теория базируется на том, что организм делает дедуктивный вывод и что необходимыми и достаточными условиями для зеркального самопознания являются полное понимание постоянства объекта, понимание соответствия зеркалу и объективация частей тела. В статье раскрываются механизмы и теории построения ментальной модели собственного тела. В заключение приводятся гипотеза об уровнях построения ментальных моделей.

Ключевые слова: ментальные модели, познание, самопознание, самосознание.

Вместе с расцветом когнитивной психологии в нее приходят такие понятия, как репрезентация, схема, модель окружающего мира, которой пользуется субъект для объяснения явлений и взаимодействия с внешней реальностью. Для активно действующего субъекта важно иметь представление о мире, в котором он существует. Ментальные модели — это когнитивные мелкомасштабные представления о внешней реальности, которыми пользуется каждый человек. Понимание механизмов формирования, разрушения и управления ментальными моделями позволит более эффективно и реалистич-

но подходить к взаимодействию с миром не только одному человеку, но и всему человечеству, что немаловажно для решения некоторых экологических, экономических и социальных проблем. Изучение механизмов хранения, формирования и использования ментальных моделей актуально в областях прикладных исследований, включая организационные исследования [10, 20, 19], коммуникации [2, 15, 13] и образование [6]. Изучению ментальных моделей собственного тела, самосознания и иных внутренних конструкций посвящено достаточно мало исследований. Целью статьи является раскры-

тие понятия «ментальная модель», а именно механизмов формирования ментальной модели субъектом не только внешней действительности, но и своего тела.

Понятие ментальной модели первоначально было введено Кеннетом Крейком в 1943 году, который предположил, что люди формируют в своем сознании мелкомасштабную модель того, как устроен мир [4]. Ментальные модели используются для прогнозирования событий, обоснования и формирования объяснений, позволяющих взаимодействовать с миром. Достаточно крупное направление исследований, основанное на конструкции ментальной модели, известно как «наивная теория», также называемая «наивной физикой». Данное направление рассматривает, как люди развивают понимание причинно-следственных связей внутри физических или механических систем. Экспериментальные данные привели исследователей к утверждению, что ментальные модели строятся с помощью формирования аналогий. Согласно исследованиям, когда человек объясняет область, с которой он не знаком, он, как правило, апеллирует к знакомой области, которую воспринимает как похожую [3]. Это включает в себя подключение к существующей ментальной модели и перенос ее структуры в другую область. Например, мысленная модель потока воды может быть использована для объяснения электрического тока. Понятия и отношения, соответствующие первому, сопоставляются с моделью, представляющей последнее. Исследования показывают, что явления, которые не могут быть восприняты непосредственно, часто объясняются таким образом [17]. Особое место в исследовании ментальных моделей занимает изучение формирования ментальных моделей в младшем школьном возрасте. Исследования подтверждают, что на том месте, где знание должно отсутствовать, формируется ментальная модель мира, построенная на наивных и аналогических представлениях субъекта. После 13 лет ребенок переходит на более логический уровень в формировании ментальных моделей [11].

В дальнейшем исследователи задались вопросом, используют ли люди аналогии как удобный способ говорить о другой области или они действительно мыслят аналогиями. Экспериментальные исследования, изучающие объяснение электричества людьми [9] и строение молекул воды [3], предоставляют доказательства в поддержку идеи о том, что люди действительно используют аналогии в своих когнитивных процессах. Мышление по аналогиям позволяет лю-

дям «создавать новые ментальные модели, которые они затем могут запускать для создания прогнозов о том, что должно произойти в различных ситуациях в реальном мире» [3, р. 243].

Определяющей особенностью ментальной модели с точки зрения психологии является то, что она представляет собой вычислительную структуру [17]. Ментальные модели строятся в рабочей памяти и затем могут быть запущены как некий процесс компьютерного моделирования, позволяющий индивидууму мысленно изучить и проверить различные возможности, прежде чем действовать. По мнению исследователей, рабочая память — это система, отвечающая за отбор и обработку информации с целью рассуждения и обучения, которая применяется в использовании ментальных моделей [11]. Исследования показывают, что непрофессиональное понимание более конкретно, в то время как понимание экспертов более абстрактно [5]. Это подчеркивает идею о том, что формирование ментальной модели в сознании человека является результатом как биологии, т.е. способности, присущей человеческому разуму, так и «обучения» [16]. Ментальные модели, как правило, являются функциональными, а не полными или точными представлениями о реальности. Ментальная модель — это упрощенное представление реальности, которая позволяет людям взаимодействовать с миром. Из-за когнитивных ограничений невозможно и нежелательно представлять каждую деталь, которая может быть найдена в реальности. На представленные аспекты влияют цели и мотивы человека для построения ментальной модели, а также его базовые знания или существующие структуры знаний, которые могут быть концептуализированы как ментальные модели, существующие в долговременной памяти. Следовательно, ментальные модели играют определенную роль в фильтрации поступающей информации. Теория «предвзятости подтверждения» [12] предполагает, что люди ищут информацию, которая соответствует их нынешнему пониманию мира. Поступающая информация может подкреплять существующие ментальные модели или быть полностью отвергнута. Таким образом, основные характеристики ментальных моделей — формирование на базе аналогий, наличие самого процесса моделирования, позволяющего в дальнейшем принимать решения, являются ли биологическими и одновременно социально научаемыми по своей природе функциональные, неточные и неполные репрезентации окружающей действительности.

Ментальная модель собственного тела обладает несколько иной конфигурацией и механизмом действия. Классический эксперимент, направленный на выявление способности к самоузнаванию, предполагает оставление отметины на лбу или ином участке тела, которую невозможно выявить без наличия зеркала. На данный момент известно, что только некоторые из высших приматов и человек имеют способность к узнаванию своего тела в зеркале. Традиционное объяснение способности организмов различать свое собственное тело в зеркале состоит в том, что они обладают «существенной когнитивной способностью для обработки отраженной информации о себе» [7]. Г. Гэллп характеризует эту особую когнитивную способность как самосознание, чувство собственного «я» и самооценку [8]. Г. Гэллп и его коллеги утверждают, что организмы, которые узнают свое собственное тело в зеркале, могут сделать это, потому что обладают самосознанием, тогда как другие организмы нет [20]. Г. Андерсон предполагает, что распознавание изображения своего тела в зеркале является результатом «ментального представления о себе, на которое... отображается восприятие (зеркального) отражения» [1, с. 36]. Зеркальное самопознание подразумевает «наличие внутреннего представления о собственной физической внешности, то есть знание того, как выглядят черты лица «оттуда» [1]. Такое знание получается только при зеркальном самопознании: саморепрезентация организма не может быть полностью сформированным визуальным самоизображением, потому что без внутреннего самосознания, признанного данным организмом, он не имеет полностью сформированного визуального представления о себе. Р. Митчелл высказывает три предположения: саморепрезентация — это 1) визуально основанный, неполный образ той части организма, которую он может видеть, 2) невизуальный образ себя, 3) или смесь этих образов [14].

Если бы визуальное распознавание сегмента тела, который виден самому себе, и сопоставление его с помощью сходства с зеркальным отражением было бы единственным, что требовалось для зеркального самоопознания, можно было бы ожидать, что большинство приматов и несколько других млекопитающих узнают себя в зеркалах, поскольку они способны к визуальному сопоставлению и могут сформировать частичное визуальное представление о себе.

Митчелл Р. выделяет две основные теории построения ментальной модели собственного тела. Первая теория — индуктивная, которая

основана на предположении, что организм в первую очередь имеет кинестетико-визуальное представление о том, как должно двигаться его отражение в зеркале. Эта кинестетико-визуальная способность к сопоставлению, таким образом, обеспечивает организм кинестетико-визуальной саморепрезентацией для сопоставления с его визуальными ощущениями своего тела [14]. Вторая, дедуктивная теория зеркального самопознания предсказывает три необходимых и достаточных условия для зеркального самопознания: 1) понимание свойства зеркального соответствия, так что каждый знает, что зеркальные изображения объектов (кроме собственного тела) за пределами зеркала являются случайными точными изображениями этих объектов; 2) полное понимание постоянства объекта и 3) восприятие частей своего тела, а также частей тел других людей как отдельных объектов [14]. Таким образом, для человека важно осознавать непрерывность и постоянство всех своих частей, объективируя их в отражении в зеркале и отличая их от других предметов.

Для построения ментальной модели мира человек склонен использовать аналогии, не полностью заполняя знание, ставя мысленные эксперименты. Для того чтобы распознать свой образ в зеркале, человеку нужно понимание свойств зеркала, а именно понимание свойств отражения предметов. Непосредственный опыт взаимодействия позволяет человеку понять и осознать наличие отражательных свойств, которые, однако, не обязательно объяснять на абстрактном уровне. Для самовосприятия в зеркале человеку требуется и ментальная модель собственного тела, которая позволила бы ему распознать себя и отделить свой образ от множества иных предметов. Непосредственный опыт восприятия себя в зеркале позволяет воздержаться от глубоких и абстрактных объяснительных конструкций, которые человек склонен формировать без непосредственного воздействия с предметом. Однако человек обладает выраженной способностью к самосознанию, самопознанию и самовосприятию. Вероятно, для того чтобы узнать себя в зеркале, человек прибегает к порождению сложносконструируемых гипотез, которые находят свое подтверждение в непосредственном опыте — явно и сразу. Ментальная модель внешнего мира отличается тем, что она не всегда может быть доступна для непосредственного восприятия и требует работы логических и абстрактных конструктов. В непосредственном опыте человека чаще всего присутствует факт подтверждения его «гипотез»,

однако это может привести к неточному восприятию окружающего мира и формированию неполных ментальных моделей. Для проверки

гипотезы об уровнях формирования ментальных моделей требуется проведение дальнейших экспериментальных исследований.

Литература

1. Anderson J. R. (1984). The development of self-recognition: A review. *Developmental Psychobiology*, 17, 35—49.
2. Breakwell G. M. (2001). Mental models and social representations of hazards: the significance of identity processes. *Journal of Risk Research* 4: 341—351.
3. Collins A. and Gentner D. (1987). How people construct mental models. Pages 243—268 in D. Holland and N. Quinn, editors. *Cultural models in language and thought*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
4. Craik K. J. W. (1943). *The nature of explanation*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
5. DiSessa A. A. (1983). Phenomenology and the evolution of intuition. Pages 15—34 in D. Gentner and A. Stevens, editors. *Mental models*. Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, New Jersey, USA.
6. Dove J. E., Everett L. A. and Preece P. F. (1999). Exploring a hydrological concept through children's drawings. *International Journal of Science Education* 21: 485—497.
7. Gallup G. G., Jr. (1982). Self-awareness and the emergence of mind in primates. *American Journal of Primatology*, 2, 237—248.
8. Gallup G. G., Jr. (1983). Toward a comparative psychology of mind. In R. L. Mellgren (Ed.), *Animal cognition and Behavior* (p. 473—510). Amsterdam, The Netherlands: North-Holland.
9. Gentner D. and Gentner D. R. (1983). Flowing waters or teeming crowds: mental models of electricity. Pages 99—130 in D. Gentner and A. Stevens, editors. *Mental models*. Lawrence Erlbaum, Hillsdale, New Jersey, USA.
10. Hall R. I., Aitchison P. W. and Kocay W. L. (1994). Causal policy maps of managers: formal methods for elicitation and analysis. *Systems Dynamics Review* 10: 337—360.
11. Jones N. A., Ross H., Lynam T., Perez P. & Leitch A. (2011). Mental models: an interdisciplinary synthesis of theory and methods. *Ecology and Society*, 16(1).
12. Klayman J. and Ha Y.-W. (1989). Hypothesis testing in rule discovery: strategy, structure and content. *Journal of Experimental Psychology* 5: 596—604.
13. Lowe T. D. and Lorenzoni I. (2007). Danger is all around: eliciting expert perceptions for managing climate change through a mental models approach. *Global Environmental Change* 17: 131—146.
14. Mitchell R. W. (1993). Mental models of mirror-self-recognition: Two theories. *New Ideas in Psychology*, 11(3), 295—325.
15. Morgan M. G., Fischhoff B., Bostrom A. and Atman C. J. (2002). *Risk communication: a mental models approach*. Cambridge University Press, New York, USA.
16. Nersessian N. J. (2002). The cognitive basis of model-based reasoning in science. Pages 133—153 in P. Carruthers, S. Stich and M. Siegal, editors. *The cognitive basis of science*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
17. Rickheit G. and Sichelschmidt L. (1999). Mental models: some answers, some questions, some suggestions. Pages 9—40 in G. Rickheit and C. Habel, editors. *Mental models in discourse processing and reasoning*. Elsevier, Amsterdam, The Netherlands.
18. Rutherford A. and Wilson J. R. (2004). Models of mental models: an ergonomist-psychologist dialogue. Pages 309—323 in N. Moray, editor. *Ergonomics major writings: psychological mechanisms and models in ergonomics*. Taylor and Francis, London, UK.
19. Stermann J. D. (2000). *Business dynamics: systems thinking and modeling for a complex world*. Irwin McGraw-Hill, Boston, Massachusetts, USA.
20. Suarez S. D., Gallup G. G., Jr. (1981). Self-recognition in chimpanzees and orangutans, but not gorillas. *Journal of Human Evolution*, 10, 175—188.
21. Swan J. and Newell S. (1998). Making sense of the technological innovation: the political and social dynamics of cognition. Pages 108—129 in C. Eden and J. C. Spencer, editors. *Managerial and organisational cognition*. Sage Publications, London, UK.

SELF-PRESENTATION OF OWN BODY IN THE STRUCTURE OF MENTAL MODELS

V. M. Afanasyeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
marly616@mail.ru

A. S. Sedunova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
asedunova@mail.ru

Mental models represent a generalized view of the world around them, which allows a person to effectively interact in the environment. There are several approaches to explaining the formation and use of mental models, which in their own way consider the essence of this concept. The article describes the history of the study of mental models and identifies the internal contradictions within this concept. Multiple points of view on the essence of mental models are indicated, the different orientation of mental models is substantiated. The place of mental models in the structure of cognitive processes is indicated, an assumption is made about the connection between mental models and working memory. The authors also describe the basic, fundamental characteristics of mental models. The purpose of the article is a theoretical analysis of modern approaches and consideration of the construction of mental models by the subject in relation to his own body. The authors consider two leading theories that explain the mechanisms of recognition of one's own reflection in a mirror based on the construction of a mental model. The first theory is based on the fact that the subject makes an inductive inference aimed at understanding mirroring. The second theory is based on the fact that the body makes a deductive conclusion, and that the necessary and sufficient conditions for mirror self-knowledge are a complete understanding of the constancy of the object, understanding the correspondence to the mirror, and objectification of body parts. The article reveals the mechanisms and theories of building a mental model of one's own body. In conclusion, the authors present a hypothesis about the levels of building mental models.

Key words: mental models, cognition, self-knowledge, self-awareness.

References

1. Anderson J. R. (1984) The development of self-recognition: A review. *Developmental Psychobiology*, 17, 35—49.
2. Breakwell G. M. (2001) Mental models and social representations of hazards: the significance of identity processes. *Journal of Risk Research* 4: 341—351.
3. Collins A. and Gentner D. (1987) How people construct mental models. Pages 243—268 in D. Holland and N. Quinn, editors. *Cultural models in language and thought*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
4. Craik K. J. W. (1943) *The nature of explanation*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
5. DiSessa A. A. (1983) Phenomenology and the evolution of intuition. Pages 15—34 in D. Gentner and A. Stevens, editors. *Mental models*. Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, New Jersey, USA.
6. Dove J. E., Everett L. A. and Preece P. F. (1999) Exploring a hydrological concept through children's drawings. *International Journal of Science Education* 21: 485—497.
7. Gallup G. G., Jr. (1982) Self-awareness and the emergence of mind in primates. *American Journal of Primatology*, 2, 237—248.
8. Gallup G. G., Jr. (1983) Toward a comparative psychology of mind. In R. L. Mellgren (Ed.), *Animal cognition and Behavior* (p. 473—510). Amsterdam, The Netherlands: North-Holland.
9. Gentner D. and Gentner D. R. (1983) Flowing waters or teeming crowds: mental models of electricity. Pages 99—130 in D. Gentner and A. Stevens, editors. *Mental models*. Lawrence Erlbaum, Hillsdale, New Jersey, USA.
10. Hall R. I., Aitchison P. W. and Kocay W. L. (1994) Causal policy maps of managers: formal methods for elicitation and analysis. *Systems Dynamics Review* 10: 337—360.
11. Jones N. A., Ross H., Lynam T., Perez P. & Leitch A. (2011) Mental models: an interdisciplinary synthesis of theory and methods. *Ecology and Society*, 16(1).
12. Klayman J. and Ha Y.-W. (1989) Hypothesis testing in rule discovery: strategy, structure and content. *Journal of Experimental Psychology* 5: 596—604.
13. Lowe T. D. and Lorenzoni I. (2007) Danger is all around: eliciting expert perceptions for managing climate change through a mental models approach. *Global Environmental Change* 17: 131—146.
14. Mitchell R. W. (1993) Mental models of mirror-self-recognition: Two theories. *New Ideas in Psychology*, 11(3), 295—325.

15. Morgan M. G., Fischhoff B., Bostrom A. and Atman C. J. (2002) Risk communication: a mental models approach. Cambridge University Press, New York, USA.
16. Nersessian N. J. (2002) The cognitive basis of model-based reasoning in science. Pages 133—153 in P. Carruthers, S. Stich and M. Siegal, editors. The cognitive basis of science. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
17. Rickheit G. and Sichelschmidt L. (1999) Mental models: some answers, some questions, some suggestions. Pages 9—40 in G. Rickheit and C. Habel, editors. Mental models in discourse processing and reasoning. Elsevier, Amsterdam, The Netherlands.
18. Rutherford A. and Wilson J. R. (2004) Models of mental models: an ergonomist-psychologist dialogue. Pages 309—323 in N. Moray, editor. Ergonomics major writings: psychological mechanisms and models in ergonomics. Taylor and Francis, London, UK.
19. Sterman J. D. (2000) Business dynamics: systems thinking and modeling for a complex world. Irwin McGraw-Hill, Boston, Massachusetts, USA.
20. Suarez S. D., Gallup G. G., Jr. (1981) Self-recognition in chimpanzees and orangutans, but not gorillas., Journal of Human Evolution, 10, 175—188.
21. Swan J. and Newell S. (1998) Making sense of the technological innovation: the political and social dynamics of cognition. Pages 108—129 in C. Eden and J.-C. Spencer, editors. Managerial and organisational cognition. Sage Publications, London, UK.

А. Д. Гемранова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Shabrova94@gmail.com

ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ КАК СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Статья посвящена актуальной проблеме внедрения инновационных стратегий в процесс обучения студентов в вузе. В настоящее время ведется интенсивный поиск новых форм и методов преподавания, что позволяет говорить об интерактивной модели обучения, ориентированной на личность обучающегося. Автором сделана попытка осмысления преимуществ инновационных стратегий обучения, предложенная Открытым университетом Великобритании, в рамках обучения студентов в университете. Суть инновационных стратегий университетского образования состоит в том, чтобы организовать учебный процесс в формате диалога, что поможет студентам научиться выражать свои мысли, анализировать проблемные ситуации и находить эффективные пути их решения. Наличие таких методов в арсенале преподавателя вуза позволит не только повысить уровень образования обучающихся, но и поможет развитию креативности у студентов, сформирует знания, умения, навыки, которые будут использоваться ими в дальнейшей профессиональной деятельности. Автором описывается план мероприятий, необходимых для эффективной интеграции инновационных стратегий обучения в университетское образование. Объектом исследования выступают инновационные стратегии обучения как новая педагогическая технология. Предметом исследования является интеграция стратегий обучения в университетское образование. Методология исследования представлена общенаучными методами, такими как анализ и синтез информации из открытых источников, аналитическое обобщение теоретических данных, а также сравнительный анализ. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что университетское образование претерпевает изменения в ходе своего развития, отвечая на запросы эпохи и общества, в котором оно существует. Новизна данного исследования состоит в анализе различных стратегий обучения в рамках инноваций в высшем образовании. Практическая значимость заключается в возможности использования данного исследования для наиболее полного и широкого изучения настоящей темы.

Ключевые слова: университет, образование, инновации, стратегии, студенты.

В XXI веке происходят значительные изменения, связанные с информатизацией и глобализацией. Этот век называют веком цифровых технологий и знаний. Цель нашего исследования — обобщить текущие изменения в дидактике с точки зрения использования инновационных методов обучения в вузе. Образование — это динамичный процесс. Мы живем в эпоху инноваций, где социум является заказчиком образовательных услуг, а значит, может влиять на стратегии обучения.

Теме инновационных стратегий обучения в современной педагогике посвящено много исследований, но в данной статье мы подробно остановимся на идеях Открытого университета Великобритании, где предлагается десять инно-

ваций, которые активно применяются на практике, но еще не оказали глубокого влияния на образование [2].

Открытый университет был учрежден Королевской хартией в 1969 году как независимый университет, существующий наравне с другими. Университет занимается инновациями в области образования и является ведущим учебным заведением дистанционного обучения в Великобритании.

Отчет, в котором описаны инновационные стратегии обучения, представляет собой серии докладов, которые рассматривают новые формы преподавания, обучения и оценки и могут быть полезны преподавателям в их инновационной деятельности. В этом документе предлагается

десять нововведений, которые уже имеются в педагогической практике и оказывают все большее влияние на образование. Для его создания группа ученых из Института образовательных технологий в Открытом университете (Великобритания) сотрудничала с исследователями из Центра технологий обучения в SRI International. Они предложили длинный список новых образовательных терминов, теорий и практик, из которых только десять могут спровоцировать серьезные сдвиги в образовании. С полным отчетом, подробными объяснениями и примерами каждой стратегии обучения в действии можно ознакомиться в 4-м Инновационном отчете Открытого университета «Изучение новых форм преподавания, обучения и оценки в качестве ориентира для преподавателей» [1].

Нами предпринята попытка переосмыслить инновационные стратегии обучения для современной педагогики, представленные в данном отчете, с точки зрения университетского образования. Поскольку отчет делает упор на школьном образовании, тем самым не раскрывая тему высшего образования, которая является ключевой в становлении личности, нами было принято решение рассмотреть все десять «инноваций» для дальнейшего анализа процесса обучения в вузе. Инновации — это «нововведения, преобразования, связанные с новыми идеями, изобретениями, открытиями и т. п., а также коммерческое использование новшеств» [5].

Первым из списка инновационных стратегий обучения является «*перекрестное обучение*». Перекрестное обучение — обучение в неформальной обстановке посредством тесной связи изучаемых дисциплин с вопросами, которые имеют значение для учащихся в их профессиональной деятельности. Эти связи работают в обоих направлениях. Обучение в вузе может быть обогащено опытом повседневной жизни, в то время как неформальное обучение может быть углублено путем добавления вопросов и знаний из вуза. Этот связанный опыт вызывает дополнительный интерес и мотивацию к обучению. Эффективным этот метод является ввиду того, что преподаватель предлагает и обсуждает вопросы в аудитории, а затем изучает их во время посещения, например, музея — места практики студентов творческих специальностей, собирая фотографии или заметки в качестве доказательства, делится своими выводами с обучающимися, чтобы получить индивидуальные или групповые ответы.

Такие перекрестные учебные процессы используют сильные стороны как преподавателей,

так и студентов и предоставляют учащимся подлинные и привлекательные возможности для обучения. Поскольку обучение происходит в течение всей жизни человека и носит непрерывный характер, то опираясь на опыт в разных условиях, он получает широкую возможность в обмене знаниями и применении их на практике.

Студенты могут улучшить свое понимание изучаемых дисциплин посредством «*обучения через аргументацию*», рассуждая как профессиональные ученые. Аргументация помогает учащимся следить за противоречивыми идеями, которые могут углубить их знания. Она способствует тому, чтобы сделать рассуждения публичными для всех студентов, а также позволяет студентам обсуждать идеи друг с другом, что дает возможность понять, как ученые работают вместе над определенной проблемой. С латинского слово «аргументация» переводится как суждение, т. е. «рациональный способ убеждения, опирающийся на специальное тщательное обоснование и оценку силы доводов, выдвигаемых в защиту определенного тезиса» [7]. Преподаватели могут стимулировать содержательное обсуждение в аудиториях, побуждая учащихся задавать открытые вопросы, пересказывать замечания с использованием профессиональной терминологии. В процессе дискуссии студенты используют аргументы, которые им необходимо найти научным образом, активно слушают собеседников и преподавателя, развивая при этом навыки конструктивной реакции на аргументацию других. Обучение через аргументацию может помочь преподавателям изучить эти стратегии и решить трудные вопросы, такие как умение грамотно делиться своими знаниями с обучающимися.

Вовлеченность студентов в образовательный процесс должна иметь смысл и соответствовать способностям обучающихся, а также их развитию, что является ключевыми целями системы образования. Следует учитывать и культурный уровень студентов, их возрастные и психофизические особенности. Игровой подход, а также искусство, культура и цифровые медиа — вот некоторые из ключевых элементов, использование которых педагогами способно повысить уровень вовлеченности студентов в образовательный процесс вуза. Педагогам необходимо серьезно относиться к ним, а также уважать их собственные формы организации и самовыражения. Вовлеченность обучающихся усиливается, когда университет создает возможности для выбора, совместного редактирования и совместной ответственности. Это консультации для

студентов, возможность делиться своим мнением по множеству тем, от повседневных вопросов, таких как университетская инфраструктура и занятия в классе, до более сложных вопросов, таких как изменения в учебной программе и организации университета.

Позволяя учащимся делать выбор в отношении своего образовательного процесса, будь то выбор между различными педагогическими видами деятельности или способами обучения или выбор изучаемых предметов, университет растит самостоятельную полноценную личность. Содействие участию студентов в процессах обучения, которые стимулируют авторское творчество и креативность, начиная с более простых творений и заканчивая участием в разработке более сложных проектов, таких как написание статей или монографий, создание проекта или решение проблемы в научном сообществе, позволяет культивировать в обучающихся стремление к познанию. Привлечение учащихся к инновациям в образовании, содействие их участию в обсуждениях и инициативах, направленных на улучшение их повседневной университетской жизни, необходимо в современном образовательном пространстве.

Характер незапланированного обучения носит «случайное обучение». Оно может проявляться при выполнении действий, которые не связаны с изучаемыми дисциплинами. К примеру, у современных студентов интеграция мобильных устройств в их повседневную жизнь предоставила огромную возможность для самообучения и получения новых знаний. Отличие такого типа образования в том, что случайное обучение не ведется в рамках высшего профессионального образования, не следует структурированной учебной программе и не приводит к формальной сертификации.

«В предыдущие периоды развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс накопления знаний. Не случайно, что именно в прошлом были в общих чертах созданы те системы объяснений реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе накопления объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие современной эпохи заключается в ином — сейчас неизмеримо больше коммуникаций. Тиражирование (не путать с созданием) интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством печатных изданий, телеграфа, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы всеобщего образования, а теперь еще и

сети Internet — вот что коренным образом отличает современное общество как информационное. И за словом «информация» кроется именно коммуникация, а не процесс накопления знаний», — пишет в своей статье исследователь данной проблемы Д. В. Кузнецов [6].

Тем не менее такой тип обучения может способствовать получению новых знаний. Это может быть использовано, чтобы побудить учащихся активно применять современные средства связи и коммуникации для поиска информации. Преподаватели в вузе могут использовать разнообразное интерактивное программное обеспечение для управления образовательным процессом. Студентам может быть предоставлен ряд вариантов: от традиционного обучения под руководством педагога до взаимодействия «преподаватель — студент» через обучающий видео- и аудиоконтент, учебные занятия и программы онлайн.

«Контекстное обучение» как одна из инновационных стратегий образования строится на толковании новой информации в контексте места и времени ее существования, связывая ее с тем материалом, который мы уже изучили ранее. В аудитории или лекционном зале контекст обычно ограничен фиксированным пространством и временем. За пределами учебной аудитории обучение может происходить не только в интеллектуальном, но и развлекательном контексте, например, посещение объекта культурного наследия или погружение в хорошую книгу или фильм.

У студентов также есть возможность создавать контекст, взаимодействуя с окружающей средой, проводя беседы, делая заметки и изучая конкретные объекты. Можно прийти к пониманию контекста, исследуя окружающую среду и общество. Из этого следует, что для эффективного образования требуется глубокое понимание того, как контекст формируется и определяется процессом обучения.

Инновационная стратегия под названием «вычислительное мышление» несет в себе определенно серьезный подход к мышлению и решению поставленных задач. Эта стратегия строится на разделении больших проблем на более мелкие (декомпозиция); выявлении того, как разные элементы связаны с задачами и проблемами, которые были решены ранее (распознавание образов); откладывании мелких и незначительных деталей на потом (абстракция); постановке этапов, необходимых для решения поставленных задач (алгоритмы), и уточнении конкретных шагов (отладка). Вычислительное

мышление может быть ценным во многих аспектах жизни. Цель обучения состоит в том, чтобы побудить студентов овладеть искусством мышления, которое позволит решать сложные задачи во всех аспектах их профессиональной деятельности и жизни в целом. Вычислительное мышление может преподаваться как часть математических или гуманитарных дисциплин.

Внедрение истинных научных инструментов и способов, таких как управление удаленными лабораторными опытами или телескопами, имеет возможность сформировать навыки научных исследований, улучшить концептуальное осознание проблем исследований и увеличить мотивацию обучающихся. Данному подходу соответствует пункт инновационных стратегий обучения под названием *«учиться, занимаясь наукой»*. Дистанционный формат доступа к специализированному оборудованию, изначально созданный для ученых и студентов университетов, теперь распространяется на преподавателей-стажеров и школьников. Удаленная лаборатория, как правило, состоит из устройств или оборудования, роботизированных машин для управления им и видеокамер, которые обеспечивают видимость экспериментов по мере их развертывания. При соответствующей технической поддержке доступ к лабораториям дистанционного формата сможет быть эффективен и полезен как для преподавателей, так и для студентов. Проводя практические исследования и наблюдения, которые дополняют материалы изучаемых методических пособий и учебников, важно ориентироваться на принцип доступности и открытости образовательного процесса. К примеру, учащиеся могут использовать высококачественный дистанционный телескоп для наблюдения за ночным небом во время дневных занятий по астрономии.

Все студенты разные, однако большинство образовательных презентаций и материалов одинаковы для всех. Это создает проблемы в обучении, поскольку на ученика ложится бремя выяснения того, как взаимодействовать с учебным материалом. Данный факт означает, что некоторым учащимся будет скучно, другие будут потеряны и очень немногие, вероятно, обнаружат пути, которые приведут к оптимальному обучению. *«Адаптивное обучение»* предлагает решение этой проблемы. Оно использует данные о предыдущем и текущем обучении учащегося для создания персонализированного пути через образовательные материалы. Адаптивные обучающие системы предоставляют различные механизмы для мониторинга учебно-

го прогресса. Среди механизмов подобного рода можно выделить такие методы обучения, как использование учебников, методических разработок и электронных средств обучения. Такие данные, как время, потраченное на чтение, и оценки для самооценки, могут служить основой для направления каждого ученика через учебные материалы. Адаптивное обучение может применяться к занятиям в учебной аудитории или в онлайн-среде, где учащиеся сами контролируют темп обучения.

Термин «адаптивное обучение» был введен английским исследователем Г. Паском в 60-х годах XX века. Он определил его как обучение, ход которого оперативно, непрерывно «подстраивается» к индивидуальным особенностям процесса усвоения. Возникновение адаптивного обучения обусловлено необходимостью упорядочения содержания образования, глубокой индивидуализации обучения с наиболее полным учетом психологических механизмов, повышения общей эффективности обучения с опорой на закономерности управления и использования обучающих программ [3].

Стратегии адаптивного обучения предназначены для того, чтобы все учащиеся чувствовали поддержку, чтобы они могли свободно изучать и исследовать новые идеи, чувствовать себя в безопасности, выражая свои взгляды. Намеренное включение адаптивных стратегий обучения помогает учащимся рассматривать себя как людей, принадлежащих к сообществу учащихся в классе и университете. Цель обучения состоит в том, чтобы разум и тело работали вместе, чтобы физическая обратная связь и действия усиливали процесс обучения. Благодаря адаптивному обучению студенты с ограниченными возможностями могут пользоваться учебными модулями, адаптированными к их конкретным потребностям, способам обучения и любым трудностям в обучении. Для того чтобы университеты внедрили такой тип обучения, потребуется серьезный сдвиг образовательной парадигмы. Хотя адаптивное обучение является переходом от традиционных педагогических методов, преподаватели ожидают, что со временем это станет новой нормой и курсы будут адаптированы с учетом уникальных потребностей каждого учащегося.

Инновационная стратегия *«аналитика эмоций»* подразумевает наличие автоматизированных методов слежения за глазами и распознавания лиц, что способствует анализу процесса обучения студентов, а также позволяет реагировать на свои эмоциональные и когнитивные

состояния. Типичные когнитивные аспекты образовательного процесса включают в себя следующие характеристики: как обучающийся ответил на вопрос и как он интерпретирует приобретенные знания. Процесс когнитивного обучения — это динамичный стиль обучения, который ориентирован на то, чтобы помочь узнать, как предельно выявить потенциал своего мозга. Способность мышления вбирать и сохранять информацию через опыт, чувства и мысли известна как познание. Некогнитивные аспекты позволяют установить, расстроен ли студент, смущен или отвлечен. В целом у учащихся есть мышление (например, восприятие их мозга как фиксированного или податливого), стратегии (например, размышления об обучении, поиск помощи и планирование обучения) и качества взаимодействия (такие как упорство), которые глубоко влияют на то, как они учатся. Для преподавания многообещающим подходом является объединение компьютерных систем для когнитивного обучения с опытом преподавателей в реагировании на эмоции и настроения учащихся, чтобы обучение стало более «отзывчивым» для всех обучающихся.

Согласно «Большому энциклопедическому словарю», термин «эмоции» понимается как «реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний. Связаны с удовлетворением (положительные эмоции) или неудовлетворением (отрицательные эмоции) различных потребностей организма. Дифференцированные и устойчивые эмоции, возникающие на основе высших социальных потребностей человека, обычно называются чувствами (интеллектуальными, эстетическими, нравственными)» [4].

Заключительной из списка инновационных стратегий обучения для современной педагогики является «оценка». Автоматический сбор данных, который происходит в фоновом режиме, когда учащиеся работают в насыщенной цифровой среде, может применяться для ненавязчивой, «скрытой» оценки процессов обучения. Оценка скрытности заимствует методы из ролевых онлайн-игр, в которых система постоянно собирает данные о действиях игроков, делая выводы об их целях и стратегиях, чтобы представлять соответствующие новые задачи. Эта идея внедрения оценки в моделируемую учебную среду в настоящее время распространяется по таким темам, как наука и история, а также образование для взрослых. Эффективность данной

стратегии состоит в том, что оценка скрытности может проверить трудноизмеримые аспекты обучения, такие как настойчивость, креативность и стратегическое мышление. Она также позволяет собирать информацию о состояниях и процессах обучения студентов без прохождения опроса или сдачи экзамена. В принципе, методы оценки скрытности могут предоставить преподавателям постоянные данные о том, какого прогресса достигает каждый обучающийся.

В «Современном психологическом словаре» под креативностью понимаются «творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом или ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания» [9]. При этом следует подчеркнуть, что креативность как особый вид человеческой деятельности наряду с «новизной» характеризуется и «прогрессивностью». Педагогическую креативность следует рассматривать как высокий уровень педагогического мастерства, т. е. совокупности педагогических умений, основанных на глубоких педагогических убеждениях. Основой педагогического искусства, как известно, являются знания. Умение применять эти знания и умения на практике — основной компонент педагогического искусства [10].

Педагогам необходимо включить в свой арсенал помощь инструментов, которые способствуют стимуляции творческого потенциала обучающихся. Например, игровой формат ведения семинарских занятий в университете или формы визуальных упражнений, которые притягивают внимание и вовлекают в образовательный процесс. Это проверенный временем метод выявления творческих способностей каждого студента и поощрения его творческого вклада, а также способ выявления креативности самого педагога. Привнесение аспектов творчества во все свои предметы, будь то математика, естественные науки или история, — одна из ключевых задач современного преподавателя.

Продуманная стратегия образовательного процесса улучшит качество преподавания и способ обучения, поможет глубже усвоить фундаментальный материал и приведет к совместной учебной практике педагога и студента. Правильный подход предоставит студентам возможность выйти за рамки простых форм мышления, определенных в таксономической пирамиде Блума, таких как базовое запоминание и понимание, и перейти к сложным процессам обучения, таким как анализ, оценка и творчество.

во. Студенты могут использовать свои предпочтительные стили обучения с помощью поддерживающего их учебного процесса.

В рамках образовательной технологии Б. Блумом в 1956 году была создана первая таксономия педагогических целей. При этом Б. Блум и Д. Кратволь разделили цели образования на три области: когнитивную (требования к освоению содержания предмета), психомоторную (развитие двигательной, нервно-мышечной деятельности) и аффективную (эмоционально-ценностная область, отношение к изучаемому).

Таксономия Блума — иерархическая модель навыков мышления, состоящая из шести различных уровней. В рамках этой модели целесообразно рассматривать и развитие критического мышления у обучающихся, так как педагогу, чтобы развивать и отслеживать его, нужно понимать, мышление какого уровня развивают задания и вопросы, которые используются в процессе работы. Таксономия Блума является инструментом, который помогает отслеживать

эффективность деятельности всех типов интеллекта учащихся [8].

Существует бесчисленное множество методик, которые способствуют вовлечению студентов в образовательный процесс, с целью помочь обучающимся развить навыки мышления более высокого порядка и обеспечить более детальное понимание того, как их обучение вписывается в окружающий их мир.

На наш взгляд, студенты должны уметь соотносить концепции с реальным миром и даже с собственной жизнью. Хорошей отправной точкой является создание философии преподавания, в которой будут изложены коммуникативные цели преподавателя и профессиональное развитие будущих специалистов. Принятие во внимание всего этого — отличный рецепт успешного педагогического подхода. При анализе процесса обучения как многообразного и многоаспектного явления представляется возможным объединить все вышеперечисленные инновации для эффективного взаимодействия в вузе.

Литература

1. Innovating Pedagogy 2015: Open University Innovation Report 4. Milton Keynes: The Open University — 2015. — 40 p. — URL: https://iet.open.ac.uk/file/innovating_pedagogy_2015.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
2. The Open University. — URL: <http://www.open.ac.uk> (дата обращения: 14.07.2021).
3. Абрамовских Н. В. Адаптивные технологии профессиональной подготовки социальных педагогов в вузе / Н. В. Абрамовских // Известия ВГПУ. — 2009. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnye-tehnologii-professionalnoy-podgotovki-sotsialnyh-pedagogov-v-vuze> (дата обращения: 09.07.2021).
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая рос. энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. — 1456 с.
5. Интернет-технологии в связях с общественностью: учебное пособие / И. А. Быков, Д. А. Мажоров, П. А. Слуцкий, О. Г. Филатова; отв. ред. И. А. Быков, О. Г. Филатова. — СПб.: Роза мира, 2010. — 275 с.
6. Кузнецов Д. В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания / Д. В. Кузнецов. — URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/fio/2004_3/092-104.pdf (дата обращения: 14.07.2021).
7. Левин В. И. Философия, логика и методология науки: толковый словарь понятий / В. И. Левин. — Пенза: ПензГТУ, 2011. — 67 с. // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/62711> (дата обращения: 09.07.2021).
8. Мурзагалиева А. Е. Учебные цели согласно таксономии Блума: сборник заданий и упражнений / А. Е. Мурзагалиева, Б. М. Утегенова. — Астана: Центр педагогического мастерства АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы», 2015. — 54 с.
9. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — С. 192.
10. Чугунова И. А. Педагогическая креативность в управленческой культуре педагога / И. А. Чугунова // Молодой ученый. — 2016. — № 18(122). — С. 463—465. — URL: <https://moluch.ru/archive/122/33655> (дата обращения: 10.07.2021).

INNOVATIVE STUDY STRATEGIES AT UNIVERSITY AS A WAY TO INVOLVE STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

A. D. Gemranova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

Shabrova94@gmail.com

The article is devoted to the urgent problem of introducing innovative strategies in the process of teaching students at a university. Currently, there is an intensive search for new forms and methods of teaching, which allows us to talk about an interactive learning model focused on the student's personality. The author made an attempt to comprehend the advantages of innovative teaching strategies proposed by the Open University of Great Britain in the framework of teaching students at the university. The essence of innovative strategies is to organize the educational process in the form of a dialogue, which will help students learn to express their thoughts, analyze problem situations and find effective ways to solve them. The application of such methods in the educational process will not only improve the level of education of students, but also help to develop the students' creativity, form the knowledge, skills, and abilities that will be used by them in their future professional activities. The author describes the roadmap for the effective integration of innovative learning strategies into university education. The object of the research is innovative teaching strategies as a new pedagogical technology. The subject of the research is the integration of learning strategies into university education. The research methodology is represented by general scientific methods, such as analysis and synthesis of information from open sources, analytical generalization of theoretical data, and comparative analysis. The relevance of the research topic is due to the fact that university education undergoes certain changes in the course of its development, responding to the needs of the era and the society in which it exists. The study is novel in that it analyses various learning strategies in the framework of innovation in higher education. The practical significance lies in the possibility of using this study for the most complete and widespread study of this topic.

Key words: university, education, innovation, strategy, students.

References

1. Innovating Pedagogy 2015: Open University Innovation Report 4. Milton Keynes: The Open University — 2015. 40 p. URL: https://iet.open.ac.uk/file/innovating_pedagogy_2015.pdf (access date: 09.07.2021).
2. The Open University. URL: <http://www.open.ac.uk> (access date: 14.07.2021).
3. Abramovskikh N. V. (2009) Adaptivnye tekhnologii professionalnoy podgotovki sotsialnykh pedagogov v vuze [Adaptive technologies of professional training of social teachers at the university]. Izvestia VSPU, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnye-tehnologii-professionalnoy-podgotovki-sotsialnyh-pedagogov-v-vuze> (access date: 09.07.2021).
4. Prokhorov A. M. (2004) Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar [Big Encyclopedic Dictionary: 2nd ed., Rev. And add.]. Moscow: Bolshaya Ros. entsiklopediya ; St. Petersburg: Norint, 1456 p.
5. Bykov I. A., Mazhorov D. A., Slutsky P. A., Filatova O. G. (2010) Internet-tekhnologii v svyazyakh s obschestvennostyu [Internet technologies in public relations: study guide]. St. Petersburg: Roza mira, 275 p.
6. Kuznetsov D. V. Rol sovremennykh kommunikatsiy v formirovanii massovogo soznaniya [The role of modern communications in the formation of mass consciousness]. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/fio/2004_3/092-104.pdf (access date: 14.07.2021).
7. Levin V. I. (2011) Filosofiya, logika i metodologiya nauki: tolkovyy slovar ponyatiy [Philosophy, logic and methodology of science: Explanatory dictionary of concepts]. Penza: PenzGTU, 67 p. Lan: electronic library system. URL: <https://e.lanbook.com/book/62711> (access date: 07.09.2021).
8. Murzagalieva A. E., Utegenova B. M. (2015) Uchebnye tseli soglasno taksonomii Bluma [Learning objectives according to Bloom's taxonomy. Collection of tasks and exercises]. Astana: AOO "Nazarbayev Intellektualnye shkoly" Center for Pedagogical Excellence, 54 p.
9. Meshcheryakova B. G., Zinchenko V. P. (2007) Sovremennyy psikhologicheskiy slovar [Modern psychological dictionary]. St. Petersburg: Prime-EURO-ZNAK, p. 192.
10. Chugunova I. A. (2016) Pedagogicheskaya kreativnost v upravlencheskoy culture pedagoga [Pedagogical creativity in the managerial culture of a teacher]. Molodoy uchenyy, 18 (122), p. 463—465. URL: <https://moluch.ru/archive/122/33655> (access date: 10.07.2021).

А. В. Добрецов

ГБУДО г. Москвы «ДМШ
имени А. Д. Артоболевской»
(г. Москва, Россия)
liya.ishkinyayeva.73@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. НУЖНА ЛИ НАМ КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА?..

В статье выявляются характерные стороны работы педагогов и концертмейстеров детских школ искусств как первой и сложной ступени современного музыкального образования. Творческая команда — ученик, педагог, концертмейстер и родитель — это единая психоэмоциональная группа. Автор статьи привлекает внимание к воспитанию детей и подростков на классической музыке, а также разнообразию требований в современном музыкальном образовании к педагогам и концертмейстерам. Знание классической музыки помогает современному поколению самовыражаться, развивать художественный вкус и эрудицию. Молодое талантливое поколение — интеллектуальное богатство нации, её творческий потенциал. Работу преподавателей, концертмейстеров, всех тех, кто работает в современном музыкальном образовании, необходимо рассматривать как заботу о будущем нашего государства.

Ключевые слова: музыкальное образование, классическая музыка, преподаватель, концертмейстер, дети и подростки, детские музыкальные школы.

Российская музыкальная система образования имеет богатое историческое прошлое и своими корнями уходит в XIX век. Эта система обеспечивала полную подготовку создателей музыкальных произведений, их исполнителей, компетентных слушателей и зрителей, а самое главное, квалифицированных педагогов. В настоящее время в России идёт становление новой системы образования, ориентированной на внедрение в мировое образовательное пространство. В силу сложившихся обстоятельств, связанных с пандемией COVID-19, этот процесс сопровождается существенными изменениями и в музыкальном образовании, требующими постоянного обновления, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира.

В советское время сформировалась трёхуровневая модель подготовки творческих кадров, а именно ДМШ — СПО — ВУЗ. Эта модель была признана всем мировым профессиональным сообществом и стала основой музыкального образования. Самая сложная ступень этой модели — детские музыкальные школы, так как они выполняют не только специфически-профессиональную, но и просветительскую функцию. Задача детской музыкальной школы, как и в прошлом веке, — давать детям общее музыкальное образование, приобщать к искусству, воспитывать эстетический вкус на лучших

образцах классического русского и зарубежного искусства, подготавливать наиболее одарённых детей для поступления в СПО и ВУЗ.

Вторая половина XX века для музыкального образования была периодом расцвета. Ведь в то время занятия музыкой были престижны как для ученика, так и для преподавателя. Но с развитием ИКТ профессия педагога-музыканта потеряла свою престижность. Такие исторические изменения заставляют молодых педагогов оглянуться назад и найти точки опоры в том, что уже было сформировано многими поколениями педагогов, чтобы в эпоху перемен не разрушить накопленный ими опыт.

Музыкальное обучение — это долгий, требующий усидчивости и финансово затратный процесс. Падение престижа музыкального образования в последнее время отразилось на абитуриентах музыкальных училищ и консерваторий. И надо отдать должное многим педагогическим коллективам, которые за годы своей деятельности в детских музыкальных школах и школах искусств не превратились в кружки по интересам и сохранили традиции по подготовке кадров для отрасли культуры. Пример тому — музыкальная школа, где работает автор статьи. ДМШ носит имя выдающегося учителя и педагога современности А. Д. Артоболевской. Анна Даниловна воспитала целую плеяду замечательных музыкантов и педагогов, которые до

сих пор учат детей по её уникальной методике. Молодые педагоги школы стараются перенять опыт у старшего поколения учителей и обучать юных музыкантов по методике Артоболовской. Ведь мы, педагоги музыкальных школ, — это база современного музыкального образования.

Каждый работающий педагог и концертмейстер знает, что отклонение деятельности музыканта-педагога с образовательно-воспитательной на креативную заставило нас изменить весь процесс музыкального образования. Ведь сейчас, когда престиж классической музыки не так высок, заинтересовать ребёнка занятиями музыкой очень сложно. Педагог музыкальной школы не только учит играть на музыкальном инструменте, но и выполняет психологическую и культурно-просветительскую функцию. Он ищет новые методы и внедряет эффективные формы обучения, отвечающие запросам современного ученика и его родителей. Современный педагог музыкальной школы должен отвечать повышенным требованиям: обладать хорошей профессиональной подготовкой; иметь интеллектуальные и творческие способности; постоянно повышать свою квалификацию; создавать на уроке атмосферу, которая может вдохновлять ученика и развивать его интересы; готовить воспитанников к участию в статусных конкурсах, фестивалях, выставках и т.д.; уметь выявлять учеников с неординарными способностями; делиться опытом работы на методических секциях и в СМИ. Поэтому современный педагог музыкальной школы должен развиваться не только как музыкант, но и посещать семинары, мастер-классы по психологии, педагогике и эстетике.

Задачи перед педагогами музыкальных школ усложнились. Если раньше преподаватель учил ребят любить музыку, готовил одарённых детей для поступления в СПО и заполнял журнал, то сейчас в задачи педагога входит заполнение документаций, создание методических разработок, конспектов открытых уроков, активный набор баллов для портфолио. Старшему поколению с его огромным опытом работы тяжело конкурировать с молодёжью. И, естественно, появился новый психотип педагога-музыканта, который отличается от его же коллег с большим стажем работы.

Современный ритм жизни, компьютеризация, стрессовые перегрузки — всё это сильно влияет на неокрепшую психику ребёнка и ставит новые задачи и проблемы перед музыкальным образованием. Учёные пришли к выводу, что с 1993 года происходит обесценивание духовного богатства человека, потеря чувства

прекрасного и способности сопереживать. Сейчас над умами господствует материальное богатство. Все эти сдвиги в системе ценностных ориентаций действуют на детей отрицательно и сказываются на духовном состоянии и психическом здоровье. Современный ученик не умеет концентрировать внимание в течение длительного времени, у него повышенная нервная возбудимость, замечания педагога не всегда воспринимаются адекватно как учеником, так и родителями, и это далеко не полный перечень того, с чем приходится сталкиваться педагогу детской музыкальной школы. Современный педагог должен быть стрессоустойчивым. Сейчас считается, что прошлая модель обучения музыкой, а это многочасовое и нудное повторение, изживает себя. Педагог должен сочетать высокопрофессиональные методики, наработанные педагогами прошлых лет, с ИКТ, а по возможности модернизировать систему обучения. Каждая музыкальная школа создаёт программы, адаптируемые к учебному процессу, и в этом, безусловно, помогают молодые педагоги-музыканты.

В музыкальной школе занятия проходят индивидуально. Именно эта форма подачи знаний создаёт творческую атмосферу. Происходит многолетнее сложное общение «один на один» между педагогом и учеником. И от того, как сложатся эти взаимоотношения, зависит, полюбит ли ребёнок музыку на всю жизнь или останется к ней равнодушным. На протяжении всех лет обучения педагог становится другом, наставником, он в курсе семейных и личных проблем учащегося, формирует взгляды и вкусы в области музыки и культуры в целом, а также меняет мировосприятие ребенка в процессе взросления. Каждый педагог стремится вести своего ученика с первого до последнего класса независимо от программы обучения.

Если раньше родители приводили своих детей, чтобы научить их игре на музыкальном инструменте и приобщить к миру прекрасного, то сейчас ситуация немного изменилась. Кто-то приводит своего ребёнка, чтобы «оторвать» его от компьютера (ведь вернуть его в реальный мир очень сложно), кто-то для укрепления здоровья. Возросло количество учащихся-инвалидов, и многие преподаватели скорректировали свои занятия только под этих детей. Не все дети выдерживают такую нагрузку, ведь общеобразовательную школу никто не отменял, некоторые уходят из музыкальной школы, так и не раскрыв для себя волшебный мир музыки.

Педагог должен лавировать между одарёнными детьми, которые пришли в музыкальную

школу, чтобы учиться музыке профессионально, и детьми, у которых средние способности или они практически отсутствуют. Для этого были разработаны учебные программы, которые отличаются количеством и сложностью исполняемого репертуара. Работа педагогов музыкальных школ в современных условиях реализуется в двух направлениях:

— предпрофессиональная программа — обеспечивает профессиональную подготовку одарённых детей для получения дальнейшего музыкального образования;

— общеразвивающая программа — повышает культурный образовательный уровень детей и подростков, привлекает наибольшее количество детей к творчеству, культуре и искусству, а это активная слушательская аудитория.

Искусство и музыка шли рядом с человечеством из века в век, из эпохи в эпоху. Как и два века назад, в музыкальных школах мы учим детей классической музыке. Не все дети, которые пришли в музыкальную школу, станут профессиональными музыкантами и свяжут свою жизнь с музыкой. Задача педагогов музыкальных школ — приобщить детей и подростков к миру классической музыки, помочь полюбить её. В музыкальной школе дети изучают нотную грамоту, осваивают игру на музыкальном инструменте, знакомятся с музыкальными произведениями и композиторами, а самое главное, слушают классическую музыку [8]. Ребёнок погружается в мир классической музыки и живёт в нём, и постепенно к классической музыке приобщается его семья.

Достаточно ли эта музыка понятна в современном мире — это, конечно, вопрос спорный. В современном музыкальном образовании, как и раньше, произведения И. Баха, Л. Бетховена, Ф. Шопена, Ф. Листа, Э. Грига, К. Вагнера, К. Дебюсси, С. Рахманинова, В. Моцарта, Ф. Шумана, Ф. Шуберта, И. Стравинского, А. Шнитке и т. д. являются обязательными. Они включены в программы детских музыкальных школ, музыкальных училищ и консерваторий. У детей всегда на слуху прелюдии, инвенции, полонезы, сонаты, сюиты, симфонии и т. д. Исполнение произведений великих композиторов является обязательным условием большинства музыкальных конкурсов. Несмотря на то, что прошло уже несколько столетий и эпох со дня смерти этих композиторов, интерес к их музыке не пропал. С помощью нот композиторы передавали нам ту эпоху, в которой жили и творили. Они сочиняли свою музыку под впечатлением от каких-либо исторических фактов. Композиторы в своих

произведениях смогли на века запечатлеть важные в их жизни события.

Зачем нам в современном музыкальном образовании классическая музыка? Всё сложно и одновременно просто. Это музыка нашей истории! Классическая музыка в мировой культуре имеет большое влияние и занимает ведущее место. Её магия — это сочетание переживаний, чувств, мыслей композитора и уникальной мелодии, которая льётся рекой или бушующим океаном наполняет зал и звучит, звучит, звучит... Она открывает прекрасные стороны нашей души. Люди приходят в концертный зал, чтобы насладиться величественной красотой классической музыки и восхититься талантом композитора и музыкантов.

Классическая музыка — это огромное достояние и огромное богатство всего человечества. Классическая музыка является нескончаемым источником формирования музыкальной культуры человека, в первую очередь подрастающего поколения. Массовое музыкальное воспитание должно внести свою лепту в формирование мировоззрения современных детей, в воспитание их моральных качеств, воли и характера. Необходимо привить детям интерес и любовь к музыке, расширить их музыкальный кругозор, воспитать музыкальный вкус и научить понимать музыкальную речь. Изучение музыкального произведения предусматривает его целостное эмоциональное восприятие, суждение о нём, раскрытие его содержания и тех выразительных средств, которые особенно ярко передают его образ. Всё это вместе взятое должно научить не только слушать, но и слышать музыку и правильно оценивать её. Это способствует воспитанию художественного вкуса и усиливает значение музыки в идейном и нравственном воспитании детей.

Каждый музыкант знает, что занятия музыкой — это тяжёлый труд. И только тот, кто готов осваивать сложные пассажи часами, кто не мыслит себя без классической музыки, кто готов посвятить ей всю свою жизнь, становится профессиональным музыкантом и педагогом [7]. Не каждый профессиональный музыкант сможет стать педагогом или концертмейстером. На педагогов и концертмейстеров музыкальных школ возлагается большая задача. Как упоминалось ранее, не все дети, посещавшие музыкальную школу, станут профессиональными музыкантами. Кто-то из них помимо музыкальной и общеобразовательной школы занимается в секциях, кружках, художественных школах. Наша задача как преподавателей музыкальных школ — при-

вить детям любовь к классической музыке и воспитать культурных и образованных людей с хорошим музыкальным вкусом. Особенность и задачи современного образования должны способствовать воспитанию ребёнка и подростка в процессе обучения. Педагог должен заинтересовать юного музыканта разнообразной программой, прислушаться к ребёнку, узнать, что он хочет исполнять. Ведь не всегда желание соответствует техническим возможностям ученика. Преподаватель должен научить ребёнка творчески самовыражаться, развивать художественный вкус и эрудицию во всём разнообразии жанров и стилей классической, народной и популярной музыки. Педагог не должен заставлять полюбить классическую музыку, он должен привить эту любовь.

Много написано о пользе классической музыки, но она до сих пор привлекает не всех. Сейчас молодёжь предпочитает слушать попсу и рэп, которые в избытке предлагает массовая культура. Музыка современности, в отличие от классической, оказалась более востребованной. В наше время музыка — это фон в офисе и торговых площадках, уборка в квартире, ритм для занятий спортом и танцами, езда за рулём, саундтрек к фильму, звонок мобильного телефона и т. д. Здесь не надо вслушиваться и вдумываться. Когда звучит классическая музыка, мы вникаем в неё, сосредотачиваемся, а самое большое удовольствие мы получаем от прослушивания «живой» музыки в концертном зале. Классическая музыка учит ребёнка не только слышать, но и слушать, а также фантазировать. Благодаря этому у юного музыканта развиваются все виды восприятия и памяти, интеллект, снижается агрессия и раздражительность. Ведь классическая музыка отображает жизнь во всем ее многообразии, с доминантой добра и красоты. Слушая музыку, ребёнок учится отличать прекрасное от безобразного, возвышенное от низменного, так как классическая музыка обладает уникальным свойством формировать человеческие ценности. Учёные доказали, что чем более развита страна, тем больше людей в ней занимаются наукой и искусством. Это ещё один довод важности классической музыки, потому что без нее прогресса в обществе быть не может. Ведь развитое общество характеризуется высокими человеческими качествами, компетентностью и образованностью. Всё вышеперечисленное образует понятие «человеческий фактор», который, как установлено психологами и социологами, на 90 % зависит от эстетического воспитания личности. Воспитание, которое получает ребёнок в детстве, в дальнейшем

формирует его личность, интересы, способности и определяет, что он принесёт обществу в будущем. Психологами уже доказано, что большая часть знаний, приобретённая в этот период, усваивается и запоминается на долгие годы, и поэтому прививать любовь к классической музыке надо с «пелёнок».

Классическая музыка современности стала всё чаще звучать с экранов TV, на радиостанциях, в треках DJ, появилось много аранжировок и интерпретаций. Она выбрана учёными для представления земной цивилизации при встрече с инопланетными мирами. Считается хорошим тоном, если на конференции или презентации звучит классическая музыка, и ещё лучше, если она звучит «живая». Классическая музыка скрашивает наше быстро летящее время. И мы, преподаватели современных музыкальных школ, стараемся выпускать людей, равнодушных к ней. Ведь жить в мире классической музыки, чувствовать каждый её звук и оттенок — это прекрасно. Мы стараемся сделать так, чтобы классическая музыка являлась некой магической связью поколений. Её загадочная сила заключается в том, что, слушая эту музыку сегодня, мы испытываем те же чувства, что и первые слушатели несколько веков назад. Мы бы не сказали, что классическая музыка устарела, она и сейчас звучит так же ярко и современно. Её невозможно постигнуть до конца. Каждый раз, прослушивая и проигрывая какое-либо произведение, мы оказываемся в мире удивительных открытий и познаем что-то новое для себя. Очень бы хотелось передать эти чувства и знания своим ученикам. Педагог современного музыкального образования должен просто заражать своих учеников классической музыкой, быть её проводником и пропагандистом.

В заключение хотим сказать, что современное музыкальное образование — это система, которую не так просто уничтожить реформами. Как и в прошлых веках, она предполагает индивидуальные занятия «ученик — преподаватель» (и если необходимо, то и концертмейстер). И только очно, и только вживую. Как показала практика прошлого года (пандемия COVID-19), невозможно поставить руку ребёнку, научить извлекать звук и просто чувствовать музыкальный инструмент на расстоянии. Ну не дошёл пока до этого технический прогресс. Молодое талантливое поколение — интеллектуальное богатство нации, её творческий потенциал. Поэтому работу всех преподавателей, концертмейстеров, всех, кто работает в современном музыкальном образовании, необходимо рассматри-

вать как заботу о будущем нашего государства. «Только искусство, дополняя науки естественные и гуманитарные, проецируя весь мир человека, — только оно и может сообщить целостность восприятия мира современному человеку. Искусству замены нет...», — сказал в XX веке

советский физик-теоретик Е. Л. Фейнберг. Классическая музыка — это наше прошлое и настоящее, которое будет развиваться и двигаться вперед. Она будет ещё долго радовать нас своими звуками, ведь пока существует человечество, классическая музыка будет вечна!

Литература

1. Алексеев А. Д. История фортепианного искусства : учебник / А. Д. Алексеев. — М. : Музыка, 1988. — 415 с.
2. Артоболевская А. Д. Личность ученика и обучение / А. Д. Артоболевская // Артоболевская А. Д. Хрестоматия маленького пианиста / А. Д. Артоболевская. — М. : Советский композитор, 1991. — 136 с.
3. Астафьев Б. В. О музыке XX века / Б. В. Астафьев. — Л. : Музыка, 1982. — 199 с.
4. Бикташев В. Н. Искусство концертмейстера. Основы исполнительского мастерства : [учебное пособие] для концертмейстеров опытных и начинающих, а также студентов музыкальных колледжей и вузов / В. Н. Бикташев. — СПб. : Союз художников, 2014. — 156 с.
5. Бочкарев Л. Л. Психология музыкальной деятельности / Л. Л. Бочкарев ; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. — М. : ИПРАН, 1997. — 350 с.
6. Вельфлин Генрих. Основные понятия истории искусств: проблема эволюции стиля в новом искусстве / Генрих Вельфлин ; пер. с нем. А. А. Франковского. — М. : Шевчук, 2002. — 289 с.
7. Гутовец М. В. Некоторые особенности современного музыкального образования в детской музыкальной школе / М. В. Гутовец // Молодой ученый. — 2015. — № 22.3(102.3). — С. 6—8.
8. Добрецов А. В. Волшебная и притягательная... классическая музыка в XXI веке / А. В. Добрецов // Всероссийский образовательный портал «ИКТ педагогам», свидетельство № ПР-877-2020. — 6 с. — URL: <https://edu-ikt.ru/publikatsii/dopolnitelnoe-obrazovanie.html?page=4>.
9. Медушевский В. В. Интонационная форма музыки / В. В. Медушевский. — М. : Изд-во «Композитор», 1993. — 265 с.
10. Музыка: что о ней должен знать современный человек / ред.-сост. С. А. Хворостухина. — М. : РИПОЛ Классик, 2002. — 605 с.
11. Фейнберг Е. Обыкновенное и необыкновенное / Е. Фейнберг // Новый мир. — 1985. — № 8. — С. 228—229.
12. Фирсова Д. Великий труд — доброта / Д. Фирсова // Артоболевская А. Д. Хрестоматия маленького пианиста / А. Д. Артоболевская. — М. : Музыка, 1991. — 136 с.
13. Юдовина-Гальперина Т. За роялем без слез, или Я — детский педагог / Т. Юдовина-Гальперина. — СПб. : Союз художников, 2002. — 240 с.

CONTEMPORARY MUSIC EDUCATION. DO WE NEED CLASSICAL MUSIC?..

A. V. Dobretsov

State-financed Institution of Further Education "Children's Music School named after A. D. Artobolevskaya"
(Moscow, Russia)

liya.ishkinyayeva.73@mail.ru

The work reveals the characteristic aspects of the work of teachers and accompanists of children's art schools, as the first and difficult stage of modern music education. The creative team — student, teacher, accompanist and parent is a single psycho-emotional group. The author of the article draws attention to the education of children and adolescents on classical music, as well as the variety of requirements in modern music education for teachers and accompanists. Knowledge of classical music helps the modern generation to express themselves, develop artistic taste and erudition. The young talented generation is the intellectual wealth of the nation, its creative potential. The work of all teachers, accompanists, all those who work in modern music education should be considered as a concern for the future of our state.

Key words: music education, classical music, teacher, accompanist, children and adolescents, children's music schools.

References

1. Alekseev A. D. (1988) Istoriya fortepiannogo iskusstva [History of piano art: textbook]. Moscow: Muzyka, 415 p.
2. Artobolevskaya A. D. (1991) Lichnost uchenika i obuchenie [Student's personality and education. Reading book of a little pianist]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 136 p.
3. Astafyev B. V. (1982) O muzyke XX veka [Music of XX century]. L.: Muzyka, 199 p.
4. Biktashev V. N. (2014) Iskustvo kontsertmeystera, osnovy ispolnitel'skogo masterstva [Accompanier's art. Basics of technical mastery: study guide for accompaniers, advanced and beginners, as well as students of music colleges and universities]. St. Petersburg: Soyuz khudozhnikov, 156 p.
5. Bochkarev L. L. (1997) Psihologiya muzykalnoy deyatel'nosti [Psychology of musical activity]. Russian Science Academy, Institute of Psychology, Moscow: IPRAN, 350 p.
6. Velflin Genrih (2002) Osnovnye ponyatiya istorii iskusstv: problema evolyutsii stilya v novom iskusstve [Basic notions of History of science: problem of evolution of style in the new art]. Moscow: Shevchuk, 289 p.
7. Gutovets M. V. (2015) Nekotorye osobennosti sovremennogo muzykal'nogo obrazovaniya v detskoj muzykal'noy shkole [Some peculiarities of modern music education in children's music school]. Molodoy uchenyy, 22.3(102.3), p. 6—8.
8. Dobretsov A. V. Volshebnyaya i prityagatel'naya... klassicheskaya muzyka v XXI veke [Magic and magnetic classical music in XX century]. All-Russian Educational Internet Portal "IKT pedagogam", N PR-877-2020, 6 p. URL: <https://edu-ikt.ru/publikatsii/dopolnitelnoe-obrazovanie.html?page=4>.
9. Medushevskiy V. V. (1993) Intonatsionnaya forma muzyki [Intonational form of music]. Moscow: Kompozitor, 265 p.
10. Khvorostukhina S. A., Artobolevskaya A. D. (2002) Muzyka: Chto o ney dolzhen znat sovremennyy chelovek [Music: what a man of today should know about it]. Moscow: RIPOL Klassik, 605 p.
11. Feynberg E. (1985) Obyknovennoe i neobyknovennoe [Usual and unusual]. Novyy mir, (8), p. 228—229.
12. Firsova D., Artobolevskaya A. D. (1991) Velikiy trud — dobrota [Great labour — kindness. Reading book of a little pianist]. Moscow: Muzyka, 136 p.
13. Yudovina-Galperina T. (2002) Za royalem bez slez, ili Ya — detskiy pedagog [At the piano with no tears, or I am a children's teacher]. St. Petersburg: Soyuz khudozhnikov, 240 p.

Е. Н. Каленик

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kente@mail.ru

А. А. Самылина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kategoldenblack@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ У СТУДЕНТОВ И ОТКАЗА ОТ ВАКЦИНАЦИИ ПРОТИВ COVID-19

Широкое распространение новой коронавирусной инфекции, порой недостоверная информация, поступающая к людям из СМИ, «сарафанного радио», всеобщая тревожность и паника на фоне новых ограничений и изменения образа жизни привели к тому, что население отказывается от вакцинации против COVID-19. Новая коронавирусная инфекция — острое вирусное заболевание с преимущественным поражением верхних дыхательных путей, вызываемое РНК-содержащим вирусом рода *Betacoronavirus* семейства *Coronaviridae* [6].

Целью исследования стал анализ когнитивного компонента отношения к своему здоровью у студентов разных курсов, то есть осведомленности молодежи о новой коронавирусной инфекции, вакцинах против нее и последствиях после вакцинирования и взаимосвязи с готовностью вакцинироваться против COVID-19. Актуальность исследования определялась частым отказом от вакцинации против COVID-19 вследствие малой осведомленности населения о новых вакцинах, их действии на организм и общих и местных реакциях после нее (когнитивный компонент отношения к здоровью).

В исследовании приняли участие 249 студентов 1-го, 2-го и старших курсов Ульяновского государственного университета в возрасте до 30 лет. Респондентам было предложено исследование психологических особенностей отношения к своему здоровью, которое включало в себя опросник Р. А. Березовской «Отношение к здоровью». Вопросы были разделены на четыре шкалы: когнитивная, эмоциональная, поведенческая, ценностно-мотивационная.

Студенты первых и старших курсов имели более высокие показатели уровня когнитивного компонента и меньше испытывали страх перед вакцинацией против COVID-19 по сравнению со 2-м курсом. В ходе проведенного исследования стало очевидно, что страх перед вакцинацией против COVID-19 зависит от когнитивного компонента отношения к здоровью. Этот показатель достаточно низкий у тех, кто не вакцинировался, и у тех, кто прошел вакцинацию, испытывая страх перед ней, что привело к появлению психосоматических реакций.

Ключевые слова: когнитивный компонент, студенты, вакцинация, отношение к здоровью, коронавирусная инфекция, COVID-19, средства массовой информации, социальная реклама.

В настоящее время о серьезности и глобальном масштабе опасности новой коронавирусной инфекции свидетельствует тот факт, что в период первой волны этой проблеме уделяли внимание главные лица различных государств. Руководители ряда европейских государств делали заявления в СМИ о том, что от вируса фактически никто не защищен. 11 марта 2020 года канцлер ФРГ А. Меркель высказала мнение, что порядка 60—70 % населения окажутся заражены коронавирусом. Эту же цифру повторил глава научно-исследовательского института имени Роберта Коха Лотар Вилер. Несколькими днями позже премьер-министр Великобритании Б. Джон-

сон на пресс-конференции заявил, что из-за коронавируса «многие потеряют близких раньше времени». 8 апреля 2020 года Президент РФ В. В. Путин выступил с обращением к россиянам в связи с распространением коронавирусной инфекции [9].

Постепенно медиапространство стало наполняться сообщениями о выявленном коронавирусе у обычных людей, звезд шоу-бизнеса, политиков, чиновников, священнослужителей и т. д. Все это в совокупности демонстрировало вездесущность инфекции, которая способна поразить любого человека независимо от его статуса, профессиональной деятельности, этно-

культурной или конфессиональной принадлежности. Подобные сообщения формируют осознание беззащитности, беспомощности, тотальной уязвимости и незащищенности.

На фоне отсутствия точных научных сведений о поведении коронавируса СМИ тиражировали противоречивые сообщения относительно причин возникновения новой инфекции, путей ее распространения, способов защиты, особенностей профилактики и терапии и т. д. Выделим некоторые противоречивые тезисы медиаконтента средств массовой информации о коронавирусе в период первой волны пандемии:

1. Сроки окончания пандемии. В СМИ назывались разные сроки завершения пандемии в России — 20 мая, 1 августа, 7 августа и т. д. При этом подчеркивалось, что данные не являются точными. Исследователи Сингапурского университета технологий и дизайна (SUTD) в конце апреля сообщили, что пандемия закончится 20 июля.

2. Необходимость использовать медицинские маски и их эффективность. Противоречивые мнения циркулировали в СМИ относительно масок как средства, снижающего риск заражения коронавирусной инфекцией. В феврале 2020 года Роспотребнадзор сообщает о том, что медицинские маски являются эффективным средством защиты от коронавируса. В апреле в СМИ появляется информация от представителя ВОЗ, заявившего, что медицинские маски не спасают от коронавируса. Но уже в начале июня ВОЗ пересмотрела отношение к маскам и дала рекомендации носить маски всем.

3. Курение и коронавирусная инфекция. В феврале 2020 года в СМИ появилась информация о том, что более 80 % заболевших коронавирусом в Китае (данные опроса инфицированных) были некурящими. 4 апреля 2020 года на телеканале «Вести 24» в одном из сюжетов высокую заболеваемость коронавирусом среди молодежи объяснили тем, что молодежь много курит, «а это облегчает проникновение инфекции в легкие». В апреле со ссылкой на результаты научных исследований также появилось заявление, в котором курение связали с риском тяжелых форм коронавирусной инфекции. В начале мая 2020 года на сайте МК.RU («Московский комсомолец») сообщалось, что теперь не только зарубежные, но и российские врачи обратили внимание на «странность» коронавируса, который реже затрагивает курильщиков. В начале июня вновь появляются сообщения о том, что, по данным израильских врачей, курение снижает риск заражения коронавирусной инфекцией.

4. Температура воздуха, влияющая на активность коронавирусной инфекции. В СМИ высказывались мнения о том, что летом пандемия пойдет на спад и даже, возможно, распространение инфекции прекратится. Но в марте 2020 года научный руководитель Гидрометцентра России Роман Вильфанд выступил с критикой теории о том, что летняя жара остановит распространение коронавируса. В качестве доказательства упоминалась ситуация с заболеваемостью в теплых странах — Турции, Таиланде и т. д. («Комсомольская правда», 31 марта 2020 г.). Однако в начале мая 2020 года Роспотребнадзор распространил информацию о том, что при температуре плюс 30 градусов коронавирус теряет свою инфекционную активность.

Независимо от тех или иных причин появления в СМИ противоречивых сведений о коронавирусной инфекции подобного рода информация является источником возникновения панических настроений, не способствует преодолению тревоги, замешательства, растерянности, дезорганизации сознания и поведения.

Предполагается, что нормальное функционирование СМИ должно снижать неопределенность, существовавшую до получения информации. Именно таким образом многие россияне зачастую и относятся к СМИ. Противоречивая информация, дающая равноценные варианты развития событий (например, «медицинская маска защищает от коронавируса» и «медицинская маска не защищает от коронавируса») и потому не позволяющая принять правильное решение, дезориентирует человека, внушает ему страх, тревогу, провоцирует растерянность и замешательство [1].

Паническая ситуация повлекла за собой возникновение предрассудков, фейков, вымышленных историй. Появился подсознательный страх, который подчас приводил к включению психосоматических расстройств, влияющих на состояние здоровья населения [7].

За счет существующих мифов о заболевании сложно становится работать с населением по сохранению своего здоровья, предупреждению заболевания COVID-19, в том числе и вакцинации. Нет доступа широким массам населения к мнению авторитетных иммунологов, биологов, профессиональным медицинским изданиям. Люди ориентируются скорее на данные «сарафанного радио».

По мнению Е. Квессе, рациональные страхи граждан связаны с тем, что в обществе существует избыток информации на тему коронавируса и обывателю довольно трудно отделить прове-

ренную информацию из надежных источников от фейковых вбросов [10].

Злободневным на сегодняшний день становится частый отказ от вакцинации против COVID-19 вследствие малой осведомленности населения о новых вакцинах, их действии на организм и общих и местных реакциях после нее (когнитивный компонент отношения к здоровью).

Актуальным представляется и изучение взаимосвязи между функционированием системы СМИ и общественными настроениями, в частности, страхами и тревогами населения, поскольку, во-первых, распространение инфекции угрожает жизни и здоровью большого числа людей и провоцирует возникновение страха, а во-вторых, именно через СМИ, в том числе через новые медиа, осуществлялось информирование населения об особенностях новой коронавирусной инфекции, путях ее распространения, симптомах, профилактике, терапии.

Таким образом, целью исследования становится анализ когнитивного компонента отношения к своему здоровью, т. е. осведомленности населения о новой коронавирусной инфекции, вакцинах против нее, последствиях после вакцинирования и взаимосвязи с готовностью вакцинироваться против COVID-19.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 249 студентов 1-го, 2-го и старших курсов Ульяновского государственного университета в возрасте до 30 лет. Был использован опросник «Отношение к здоровью» Р. А. Березовской [2], состоящий из 10 вопросов, которые могут быть разделены на четыре шкалы:

- на когнитивном уровне: степень осведомленности или компетентности человека в сфере здоровья, знание основных факторов риска и антириска, понимание роли здоровья в обеспечении активной и продолжительной жизни;
- на поведенческом уровне: степень соответствия действий и поступков человека требованиям здорового образа жизни;
- на эмоциональном уровне: оптимальный уровень тревожности по отношению к здоровью, умение наслаждаться состоянием здоровья и радоваться ему;
- на ценностно-мотивационном уровне: высокая значимость здоровья в индивидуальной иерархии ценностей (особенно терминальных), степень сформированности мотивации на сохранение и укрепление здоровья.

В исследовании также использовалась авторская анкета по оценке психосоматического

состояния и готовности к вакцинированию. Анкета состояла из открытых и закрытых вопросов, которые касаются психосоматических реакций на вакцинирование: для тех, кто хочет пройти вакцинацию; для тех, кто прошел вакцинацию; для тех, кто переболел COVID-19.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Выборку сравнительного исследования составили обучающиеся 1-го курса — 80 человек, 2-го курса — 77 человек, старших курсов — 92 студента.

Исследуя психологические особенности отношения к своему здоровью респондентов, мы обратились к опроснику «Отношение к здоровью» Р. А. Березовской. Опросник состоит из 10 блоков. Каждый блок представляет собой таблицу-набор вопросов, содержащих от 5 до 10 оценочных суждений, форма ответов на которые представлена в виде 7-балльной шкалы измерений. Студентам необходимо было оценить каждое из предложенных утверждений в соответствии со степенью выраженности в них качества, заложенного шкалой: 1 балл — совершенно неважно (никогда); 2 балла — не важно (практически никогда); 3 балла — скорее не важно, чем важно (редко); 4 балла — не могут сказать; 5 баллов — скорее важно, чем не важно (иногда); 6 баллов — очень важно (часто); 7 баллов — безусловно важно (всегда).

Был изучен каждый компонент отношения к здоровью отдельно у студентов 1-го, 2-го и старших курсов. Для этого использовались методы описательной математической статистики и проверки гипотезы по t-критерию Стьюдента для каждого компонента отношения.

Когнитивный компонент включает в себя блок-вопросы об источниках информации, влияющих на информированность респондентов в области здоровья, и факторах, оказывающих влияние на здоровье человека [8].

Все четыре компонента отношения к здоровью меняются в зависимости от курса. Когнитивный показатель одинаковый на 1-м и старших курсах ($59 \pm 0,2$), в то время как на 2-м наблюдается понижение баллов ($58,2 \pm 1,3$). У этих же респондентов, используя авторскую анкету, оценивали наличие страха перед вакцинацией против COVID-19 и выяснили, что он коррелирует с уровнем когнитивного компонента. На вопрос «Испытывали (-ете) ли Вы страх перед вакцинацией?» ответили «нет» 90 % респондентов 1-го курса, 70 % 2-го курса и 90 % старших курсов. Первый и старшие курсы меньше испытывают страх перед вакцинацией

против COVID-19 по сравнению со студентами-второкурсниками.

На вопрос «Что заставило Вас пройти вакцинацию?» 80 % респондентов ответили, что сделали это по требованию работодателя или образовательного учреждения. Лишь 10 % респондентов ответили «Чтобы легче было путешествовать» и «Чтобы свободно посещать торговые центры, кинотеатры и другие заведения для отдыха». Из данных ответов делаем вывод, что у молодежи нет достоверных знаний о вакцинации. Респонденты выбрали вакцинацию лишь потому, что это касается их качества социальной жизни. Когнитивные знания по поводу профилактики COVID-19 в исследовательских группах были минимальные или неверные, не опирались на данные профессиональных медицинских изданий, авторитетных профессионалов в области иммунологии и биологии [5].

Эмоциональный компонент состоит из двух блок-вопросов, направленных на изучение переживаний студентов в ситуации, когда у них все благополучно со здоровьем и когда они узнают о том, что их здоровье ухудшилось. При отсутствии симптомов болезни у студентов достаточно часто возникает чувство полной безопасности, свободы, уверенности в себе и внутреннего удовлетворения. Если у юношей и девушек появляются недомогания, то они, как правило, расстраиваются и испытывают озабоченность [8].

На 1-м курсе у студентов эмоциональный компонент ниже ($91,7 \pm 0,4$), чем у 2-го курса ($94,5 \pm 0,07$) и старшекурсников ($96,6 \pm 0,17$). Это говорит о том, что они более спокойные и легко прошли вакцинацию без каких-либо психосоматических реакций. Видимо, эмоциональный компонент также подвержен влиянию курса обучения: багаж знаний и профессиональных умений шестикурсников дает основание лишней раз не волноваться по поводу периодически возникающих недомоганий [8]. Эта информация подтверждается данными исследования, проведенного до ситуации с коронавирусной инфекцией [3].

Поведенческий компонент включает в себя также два блок-вопроса: «Делаете ли вы что-нибудь для поддержания здоровья и насколько регулярно?» и «Если вы чувствуете недомогание, то каким становится ваше поведение?» и т. д. [8]. На 2-м курсе у студентов поведенческий компонент ниже ($60,6 \pm 0,32$), чем у 1-го курса ($64 \pm 0,16$) и старшекурсников ($64,6 \pm 0,38$). Студенты 2-го курса понимают, что уделяют недостаточно времени здоровью и малоубеди-

тельно описывают деятельность по отношению сохранения своего здоровья.

Ценностно-мотивационный компонент представлен тремя блок-вопросами: 1 — оценка студентами важности различных сфер жизни человека; 2 — оценка важности факторов, способствующих достижению человеком успеха в жизни; 3 — оценка причин, мешающих человеку регулярно заботиться о своем здоровье [6]. На 1-м курсе этот компонент составляет $101 \pm 0,3$, на 2-м — $114,4 \pm 0,42$, на старших курсах — $114,5 \pm 1,2$ баллов соответственно. В иерархии ценностей студенты мотивированы на сохранение и укрепление здоровья. Формирование ценностно-мотивационного компонента — процесс весьма сложный, противоречивый и динамичный, который обусловлен двумя группами факторов:

- внешние (характеристики окружающей среды, в том числе особенности социальной микро- и макросреды, а также профессиональной среды, в которой находится человек);
- внутренние (индивидуально-психологические и личностные особенности человека, а также состояние его здоровья).

В связи с этим особое значение приобретает целенаправленное формирование правильного отношения к здоровью на ранних этапах развития личности (особая роль отводится грамотным, научно обоснованным информационным точкам зрения).

Основная задача по борьбе с заболеванием ложится, безусловно, на сферу здравоохранения, однако не менее важен информационный аспект, связанный с формированием у населения определенных привычек по профилактике вирусных инфекций. Одним из наиболее эффективных вариантов является социальная реклама.

По определению авторов Н. П. Аржанова и Т. А. Пироговой, социальная реклама — вид некоммерческой рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения и привлечение внимания к проблемам социума.

При помощи различных каналов коммуникации размещается напоминающая или призывающая к определенным действиям информация. Наиболее популярными средствами (каналами) размещения социальной рекламы являются видеоролики, распространяемые посредством телевидения или в Интернете, баннеры, присутствующие на билбордах вдоль дорог, а также в виде картинок или анимации в Интернете, аудиоролики для трансляции по радио или в местах большого скопления людей.

В качестве объекта такой рекламы выступает идея профилактики распространения

COVID-19 и определённый призыв к изменению сознания и поведения целевых групп с использованием императива. Такая реклама, продвигающая общественные и государственные интересы, ориентирована не на узкую целевую аудиторию, а на широкую общественность, ведь проблема затрагивает всё общество без исключения.

Как своеобразная реакция на общественно значимую проблему пандемии, с марта 2020 года на улицах российских городов стала активно появляться наружная социальная реклама, посвящённая предотвращению распространения COVID-19. Рекламные постеры расположили на популярных автомобильных маршрутах, у крупных магазинов, на остановках, в парковых зонах и т. п., что позволило обеспечить максимальный охват аудитории. На большинстве билбордов (87,5 % из 24 примеров наружной социальной рекламы данной тематики) размещены призывы соблюдать режим самоизоляции, надевать перчатки и маску в местах большого скопления людей, соблюдать социальную дистанцию и т. п.: «Я дома! А ты?», «Мойте руки!», «Носите маски», «Оставайтесь дома», «Держите дистанцию!», «Самоизоляция — не просто слово. Она спасёт жизни», «Остаться дома = сохранить здоровье, а может, и жизнь!», «Тщательное мытьё рук (30 секунд) — твоя защита», «Запрещён вход в публичные места», «Останьтесь дома. Это сейчас самое безопасное место», «Избегай контактов, соблюдай дистанцию 2 метра» и др. На рекламных щитах с подобными вариантами сообщений указан адрес официального сайта «Стопкоронавирус.рф», где публикуется актуальная информация о COVID-19.

Всё это даёт возможность расставить акценты на особенно значимых социальных идеях, сформировать новые общественные ценности (например, соблюдение дистанции и профилактических мер в условиях бушующей пандемии).

Наружная реклама работает в тесном контакте с телевидением, социальными сетями, что повышает охват и, следовательно, шансы на более быстрое преодоление кризиса.

Для пожилых людей портал «Стопкоронавирус.рф» запустил серию социальных видеороликов «Бабуль, будь дома!», помогающих старшему поколению пользоваться возможностями Всемирной паутины, чтобы не скучать в период самоизоляции.

Проблема ограничения личных встреч характерна и для анимационного ролика про умного Петю, где представлен вариант развития событий в случае нарушения болеющим героем режима самоизоляции. Здесь, как и в предыду-

щих видеороликах, лейтмотивом является идея заботы о здоровье друзей и родных, соблюдения профилактических мер.

Киностудия «Союзмультфильм», МЗ РФ и Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей представили серию видеороликов по профилактике коронавируса. Благодаря легендарным и любимым героям популярных отечественных мультфильмов, рассказывающих детям о необходимости соблюдения режима самоизоляции в условиях распространения инфекции, упрощается механизм самоидентификации с персонажем рекламы и, как следствие, восприятия социально значимой информации. О том, что нужно «домоседствовать», а не «ходить в гости по утрам», напоминает ребятам Кролик из мультипликационного фильма «Винни Пух и все-все-все». Почтальон Печкин из мультфильма «Простоквашино» обосновывает значимость самоизоляции для пожилых людей. Получила новое «звучание» знакомая многим фраза Волка из мультфильма Э. Назарова «Жил-был пёс». Котёнок Гав выясняет у старших товарищей, что нужно делать в период самоизоляции, а творческая семья современного анимационного мультфильма «Оранжевая корова» убеждает, что сидеть дома с близкими совсем не скучно [4].

Государству нужно вести более активную просветительскую работу, это поможет снизить напряжение в обществе. Так, например, «в Японии вышел мультфильм, доступным языком иллюстрирующий действие вакцины. Вкалывается небольшая доза вируса, она будит иммунитет. Иммунитет с ней справляется. А если вдруг поступают угрозы в виде большой болезни, то пробужденный иммунитет начинает хорошо справляться с большой дозой. Такие вещи помогают бороться со страхом. Человек начинает понимать принцип действия вакцины», — подчеркивает Квессе [10].

Про действие вакцин и опасности коронавируса следует узнавать у авторитетных иммунологов и биологов, читать профессиональные медицинские издания, например, журнал Lancet, отметила специалист [10].

ВЫВОД

В ходе проведенного исследования стало очевидно, что страх перед вакцинацией против COVID-19 зависит от когнитивного компонента отношения к здоровью. Этот показатель достаточно низкий у тех, кто не вакцинировался, и у тех, кто прошел вакцинацию, испытывая страх перед ней, что привело к появлению психосоматических реакций.

Литература

1. Баринев Д. Н. Медиавирус страха: особенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь-июнь 2020 года) / Д. Н. Баринев. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediavirus-straha-osobennosti-reprezentatsii-rossiyskimi-smi-pandemii-koronavirusnoy-infektsii-covid-19-v-period-pervoy-volny>.
2. Березовская Р. А. Отношение к здоровью / Р. А. Березовская, Г. С. Никифоров // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. — СПб., 2003.
3. Каленик Е. Н. Влияние обучения в вузе на состояние здоровья студентов с ограниченными возможностями здоровья / Е. Н. Каленик, В. А. Каширин, Л. В. Коновалова // Адаптивная физическая культура. — 2016. — № 3(67). — С. 36—41. — URL: <https://afkonline.ru/numbers/67.html>.
4. Ёлкина М. В. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса / М. В. Ёлкина, А. Д. Паутов. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sotsialnoy-reklamy-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa>.
5. Каленик Е. Н. Психосоматические состояния у молодежи, переболевшей COVID-19, и при вакцинации / Е. Н. Каленик, А. А. Самылина. — URL: https://vk.com/doc77019930_616139032?hash=6915c7fcbbda863252&dl=1cefc74cb0cfe32460.
6. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19): клинико-эпидемиологические аспекты / В. В. Никифоров, Т. Г. Суранова, Т. Я. Чернобровкина, Я. Д. Янковская, С. В. Бурова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-koronavirusnaya-infektsiya-covid-19-kliniko-epidemiologicheskie-aspekty>.
7. Рагозинская В. Г. Особенности эмоциональных состояний психосоматических больных / В. Г. Рагозинская. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnyh-sostoyaniy-psihsomaticheskikh-bolnyh-1>.
8. Чижкова М. Б. Структурно-содержательные особенности отношения к здоровью у студентов медицинского университета разных лет обучения / М. Б. Чижкова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-soderzhatelnye-osobennosti-otnosheniya-k-zdorovyu-u-studentov-meditsinskogo-universiteta-raznyh-let-obucheniya>.
9. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news>.
10. Психолог рассказала о причинах страха людей перед вакцинацией. — URL: <https://iz.ru/1185122/2021-06-28/psikholog-rasskazala-o-strakhe-liudei-pered-vaktsinatsiei>.

INTERRELATION BETWEEN THE LEVEL OF THE COGNITIVE COMPONENT OF HEALTH BEHAVIOR AMONG STUDENTS AND REFUSAL OF COVID-19 VACCINATION

E. N. Kalenik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kente@mail.ru

A. A. Samylyna

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kategoldenblack@gmail.com

The widespread occurrence of the new coronavirus infection, sometimes inaccurate information from media, word of mouth, general anxiety and panic against the backdrop of new restrictions and a changed lifestyle has led to the population refusing to be vaccinated against COVID-19. The novel coronavirus infection is an acute viral disease with a predominant upper respiratory tract infection caused by an RNA-containing virus of the genus Betacoronavirus of the Coronaviridae family [6].

The article aims to analyze the cognitive component of health behavior among students of different courses, that is, the awareness of young people of the new coronavirus infection, vaccines against it and the response to them, as well as the relationship with the willingness to be vaccinated against COVID-19. The relevance of the study was determined by the refusal of COVID-19 vaccination due to the low population's awareness of vaccines, their effect on the body and general and local response to it (the cognitive component of health behavior).

The study involved 249 students of the 1st, 2nd and senior courses of Ulyanovsk State University up to 30 years old. The respondents were asked to study the psychological characteristics of their health behavior, which included a questionnaire by R. A. Berezovskaya. "Attitude to health". The research questions were divided into four scales: cognitive, emotional, behavioral, value-motivational.

First-year and undergraduate students had higher cognitive component scores and less fear of COVID-19 vaccination compared to the second-year students. In the course of the study, it became clear that the fear of vaccination

against COVID-19 depends on the cognitive component of health behavior. This indicator is quite low in those who were not vaccinated and in those who were vaccinated, fearing it, which led to the occurrence of psychosomatic reactions.

Key words: cognitive component, students, vaccinations, health behavior, coronavirus infection, COVID-19, media, public service announcements.

References

1. Barinov D. N. Mediavirus strakha: osobennosti prezentatsii rossiyskimi SMI pandemii koronavirusnoy infektsii (COVID-19) v period pervoy volny (yanvar-iyun 2020 goda) [Mediavirus of fear: features of the presentation by the Russian media of the coronavirus pandemic (COVID-19) during the first wave (January-June 2020)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediavirus-strakha-osobennosti-reprezentatsii-rossiyskimi-smi-pandemii-koronavirusnoy-infektsii-covid-19-v-period-pervoy-volny>.
2. Berezovskaya R. A., Nikiforov G. S. (2003) Otnoshenie k zdorovyu [Health behavior]. Psychology of Health. St. Petersburg.
3. Kalenik E. N., Kashirin V. A., Konovalova L. V. (2016) Vliyanie obucheniya v vuze na sostoyanie zdorovya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya [The impact of university education on the health of students with disabilities]. Adaptivnaya fizicheskaya kultura, 3(67), p. 36—41. URL: <https://afkonline.ru/numbers/67.html>.
4. Elkina M. V., Pautov A. D. Spetsifika sotsialnoy reklamy v usloviyakh pandemii koronavirusa [The specifics of social advertising in the context of the coronavirus pandemic]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sotsialnoy-reklamy-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa>.
5. Kalenik E. N., Samylina A. A. Psikhosomaticheskie sostoyaniya molodezhi, perebolevshey COVID-19, i pri vaktsinatsii [Psychosomatic conditions in young people who have had COVID-19 and vaccination]. URL: https://vk.com/doc77019930_616139032?hash=6915c7fcbda863252&dl=1cefc74cb0cfe32460.
6. Nikiforov V. V., Suranova T. G., Chernobrovkina T. Ya., Yankovskaya Ya. D., Burova S. V. Novaya koronavirusnaya infektsiya: kliniko-epidemiologicheskie aspekty [New coronavirus infection (COVID-19): clinical and epidemiological aspects]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-koronavirusnaya-infektsiya-covid-19-kliniko-epidemiologicheskie-aspekty>.
7. Ragozinskaya V. G. Osobennosti emotsionalnykh sostoyaniy psikhosomaticheskikh bolnykh [Features of emotional states of psychosomatic patients]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnyh-sostoyaniy-psihosomaticheskikh-bolnyh-1>.
8. Chizhkova M. B. Strukturno-soderzhatelnye osobennosti otnosheniya k zdorovyu u studentov meditsinskogo universiteta raznykh let obucheniya [Structural and substantive features of health behavior among medical university students of different years of study]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-soderzhatelnye-osobennosti-otnosheniya-k-zdorovyu-u-studentov-meditsinskogo-universiteta-raznyh-let-obucheniya>.
9. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news>.
10. Psikholog rasskazala o prichinakh strakha lyudey pered vaktsinatsiey [The psychologist told about the reasons for the fear of people before vaccination]. URL: <https://iz.ru/1185122/2021-06-28/psikholog-rasskazala-o-strakhe-liudei-pered-vaktsinatsiei>.

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

И. А. Архипова

Губернский колледж
г. Сызрани
(г. Сызрань, Россия)
irsen-da@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АСПЕКТЕ HARD SKILLS И SOFT SKILLS

Статья посвящена проблеме формирования общих компетенций в аспекте hard skills и soft skills. В работе рассматриваются современные тенденции развития среднего профессионального образования, требования рынка труда к выпускникам колледжей и техникумов. Обосновывается необходимость развития общих компетенций студентов как составляющей hard skills и soft skills. Проводятся параллели между формулировками общих компетенций, содержащимися в федеральных государственных образовательных стандартах среднего профессионального образования и необходимыми для трудовой деятельности soft skills. Осуществляется анализ содержания основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования в плане формирования общих и профессиональных компетенций в рамках освоения дисциплин и модулей. Обосновывается необходимость синхронного, параллельного, целенаправленного и выстроенного процесса формирования общих и профессиональных компетенций во всех циклах основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования. Перед колледжами ставится задача формирования специалиста, компетентного как в профессиональной, так и в социальной сфере, конкурентоспособного в жестких условиях рынка труда, творческого и мобильного в поиске решения проблем, физически здорового и обладающего качествами гражданина-патриота, отличающегося в равной степени высокоразвитыми hard skills и soft skills. В статье рассмотрены противоречия, имеющиеся между требованиями современного рынка труда и содержанием программ среднего профессионального образования.

Ключевые слова: компетенция, стандарт, знания, умения, навыки, профессионал, hard skills, soft skills.

Стремительный темп экономического роста, цифровизация, автоматизация, модернизация всех сфер жизнедеятельности общества диктуют новые требования к системе среднего профессионального образования (далее — СПО) в аспекте личности выпускника. Выпускники колледжей и техникумов — это специалисты, востребованные и конкурентоспособные в условиях жестких требований современного рынка труда. Начинаящий специалист должен быть многокомпетентным и обладать не только профессиональными навыками, но и определенными личностными качествами, позволяющими эффективно строить карьеру и профессиональную деятельность.

В системе среднего профессионального образования происходит стремительная модернизация, касающаяся как учебно-производственного процесса, так и воспитательной сферы. В Национальном проекте «Образование» перед профессиональным образованием ставятся осо-

бые задачи в рамках Федерального проекта «Молодые профессионалы». Это затрагивает многие составляющие. Меняются Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования (далее — ФГОС СПО) в сторону увеличения практико-ориентированной направленности процесса обучения, демонстрационный экзамен становится основным показателем уровня профессиональной подготовки студентов, сокращаются сроки обучения (с 2022 года начнется внедрение программы Министерства просвещения РФ «Профессионалитет»). На базе колледжей при поддержке государства создаются новые мастерские, оборудованные в соответствии с требованиями современного производства, специализированные центры компетенций. В регионах и на уровне страны активно поддерживаются конкурсы профессионального мастерства и рабочих профессий. Все это увеличивает престиж

среднего профессионального образования, интерес к нему молодежи, но в то же время ставит высокие требования перед самой системой.

В выводах ряда исследований, проведенных TargetJobs, BBC, Prospects, Центром стратегических разработок, НИУ ВШЭ и др., указывается недостаточный уровень сформированности ключевых компетенций студентов системы СПО. В регионах ежегодно проводится мониторинг развития общих компетенций студентов выпускных курсов, который также показывает недостаточные результаты.

Сейчас в профессиональной сфере появились такие термины, как *hard skills* и *soft skills*. Это два вида навыков, необходимые для организации профессиональной деятельности, — профессиональные и личностные.

Hard skills (в переводе с английского — «твердые навыки») — это синтез профессиональных умений и навыков, направленных на осуществление практической стороны профессиональной деятельности. Данные *skills* являются основополагающими в любой профессии и специальности, их содержание регламентируется должностной инструкцией.

Другой вид навыков — *soft skills* (в переводе с английского — «мягкие навыки») — связаны с личностными качествами человека (способность к обучению, коммуникативность, ответственность, пунктуальность, лидерство, владение иностранными языками, способность переключаться с одного вида деятельности на другую и т. д.).

И *hard skills*, и *soft skills* являются необходимыми составляющими профессиональной деятельности, от степени их развития зависит успешность карьерного пути человека и эффективность его трудовой деятельности. При этом *hard skills* формируются гораздо быстрее и легче, чем *soft skills*. Формирование *soft skills* — это и есть основная задача ФГОС СПО в аспекте развития общих компетенций.

Анализ ФГОС СПО нового поколения, основных профессиональных образовательных программ (далее — ОПОП) показывает, что развитие общих и профессиональных компетенций студентов осуществляется при подготовке специалиста параллельно. Если раньше общие компетенции были составляющей содержания общеобразовательного цикла, а профессиональные компетенции — профессиональных дисциплин и модулей, то в настоящее время рабочие программы всех образовательных циклов ОПОП содержат как общие, так и профессиональные компетенции. Так, например, с 2021

года во многих регионах страны (в том числе Самарской области) обязательным требованием стало наличие в программах обязательных общеобразовательных учебных предметов разделов, связанных с конкретной профессией или специальностью с учетом специфики. Таким образом, в циклы общеобразовательных предметов и дисциплин стали внедряться профессиональные компетенции, предусмотренные ФГОС конкретной специальности или профессии.

Общепрофессиональный цикл является синтезирующим звеном, объединяющим в себе как общие, так и профессиональные компетенции. Так, например, в этот раздел учебного плана обычно включены такие дисциплины, как «Экономика», «Основы предпринимательской деятельности», «Основы финансовой грамотности», а также дисциплины чисто профессиональной направленности в соответствии со специальностью или профессией.

Становится очевидной необходимость наполнения содержания рабочих программ профессиональных модулей формами, методами, технологиями, подразумевающими формирование не только профессиональных, но и общих компетенций. Если процесс формирования общих и профессиональных компетенций будет идти параллельно на протяжении всего периода обучения студентов СПО, выпускники колледжей и техникумов будут обладать *hard skills* и *soft skills* в равной степени и будут всесторонне готовы к профессиональной деятельности, построению карьеры.

В профессиональной деятельности, как и при изучении профессиональных дисциплин и модулей, необходимы такие навыки, как владение профессиональной терминологией на иностранном языке; умение выбирать верное решение, синтезировать и анализировать информацию; планирование карьеры; умение работать в команде, строить коммуникации в коллективе; обладание правовой, экологической культурой, гражданско-патриотической позицией; наличие финансовой грамотности и т. д. Все вышеперечисленное отражено в формулировках общих компетенций во ФГОС СПО по каждой специальности и профессии.

Проблема формирования общих компетенций в рамках профессионального цикла связана прежде всего с преподавателями профессиональных дисциплин и модулей. Они считают своей задачей дать узкопрофессиональные знания, умения и навыки, предусмотренные программой конкретной составляющей учебного плана. Но данная позиция не соответствует со-

временным требованиям подготовки специалиста. Поэтому необходимо не только изменение учебно-планирующей документации, содержания рабочих программ профессиональных дисциплин и модулей, но и повышение компетентности самих преподавателей в разрезе формирования hard skills и soft skills.

Освоение профессии или специальности студентами СПО в условиях современности невозможно без применения инновационных образовательных технологий, цифровых составляющих форм и методов обучения. Это могут быть и компьютерные программы, и тренажеры, и учебно-методические компьютерные комплексы, и обучающие пособия и т. д. Все эти инновационные формы и методы работы уже сами по себе подразумевают включения в процесс освоения программы тех или иных soft skills. Традиционные формы практического и теоретического обучения также должны быть направлены на одновременное развитие hard skills и soft skills.

Таким образом, можно обозначить ряд противоречий, которые имеются в современной системе СПО.

Во-первых, это недостаточное внимание к hard skills и soft skills со стороны образовательного процесса. Работодатели, даже не используя данные термины, обозначают свои требования к приходящим на работу молодым специалистам именно в аспекте наличия у них профессиональных и личностных навыков. Современному обществу необходимы специалисты, способные адаптироваться к тем или иным условиям труда, обладающие общими и профессиональными компетенциями. Образовательный же процесс пока недостаточно модернизировался в сторону отхода от традиционных форм и методов обучения, традиционного содержания.

Второе противоречие связано с содержанием самого образовательного процесса СПО. Понятна необходимость одновременного развития общих и профессиональных компетенций во всех разделах ОПОП, но при этом нет разработанных типовых программ, учебных и методических пособий, учебно-методических комплексов, синтезирующих в себе параллельное формирование hard skills и soft skills.

Третье противоречие, по нашему мнению, заключается в отсутствии контрольно-оценочных средств, позволяющих оценить именно общие компетенции в рамках освоения профессионального цикла. Это относится к традиционным процедурам аттестации. Что касается демонстрационного экзамена, который проводится как в рамках промежуточной, так и итоговой ат-

тестации, то разработанные контрольно-оценочные средства включают в себя оценку как общих, так и профессиональных компетенций (иногда прямо, иногда косвенно).

Четвертое противоречие, по мнению авторов, заключается в большом интересе общества и профессиональной сферы к развитию soft skills и недостаточном внимании к данному процессу системы СПО на практике. В Интернете, в центрах обучения, в деловых центрах, в частных компаниях можно найти множество курсов, нацеленных на развитие soft skills. Люди готовы платить деньги, чтобы специалисты помогли им в формировании, по сути, общих компетенций, которые помогут более эффективно строить коммуникативные связи в обществе и карьере, в то время как развитие данных компетенций предусмотрено ФГОС каждой специальности и профессии.

В любой профессиональной сфере происходят глобальные и стремительные изменения. Меняются технологии, оборудование, производство, появляются новые продукты деятельности, совершенствуется программное обеспечение, запросы потребителей и рынка и т. д. Все это ведет к тому, что приобретенные в стенах учебного заведения hard skills теряют свою актуальность. И именно сформированные soft skills позволяют специалисту любой специальности и профессии мобилизоваться и адаптироваться к новым условиям, занять свою устойчивую позицию в профессиональном сообществе. Только так выпускники могут оставаться компетентными и конкурентоспособными на рынке труда.

Безусловно, развитие soft skills сегодня оценивают как процесс динамического преобразования личности в течение всей ее жизни. Продуктивность жизнедеятельности и жизнеспособности человека предполагает наличие условий, которые бы способствовали, на наш взгляд, мотивированному преобразованию имеющихся у него личностных свойств и качеств соразмерно среде и окружающим его людям. Для того чтобы обучение было действительно эффективным (равно как и любая другая деятельность), необходимо эффективно сформулировать реальную цель и эффективно смоделировать процесс, базирующийся на развиваемых soft skills согласно коммуникативному полю. Правильно спроектированная образовательная среда способствует достижению поставленных целей.

Не стоит забывать, что развитие soft skills зависит не только от грамотно организованного образовательного процесса, но и от личной заинтересованности и мотивации студента, а в дальнейшем и специалиста.

Литература

1. Афанасьева Е. Г. Формирование общих компетенций у студентов учреждений среднего профессионального образования в процессе воспитательной деятельности / Е. Г. Афанасьева. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obschih-kompetentsiy-u-studentov-uchrezhdeniy-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-v-protseste-vospitatelnoy>.
2. Современные детерминанты развития soft skills / С. Н. Бацунов, И. И. Дереча, И. М. Кунгурова, Е. В. Слизова // Концепт : научно-методический электронный журнал. — 2018. — № 4 (апрель). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-razvitiya-soft-skills>.
3. Современные подходы к формированию компетенций студентов для обучения будущего специалиста / Б. С. Бейсенбаева, К. А. Сырлыбаева, Г. С. Бишаева, Н. Н. Медетбекова // Молодой ученый. — 2017. — № 13. — С. 517—519. — URL: <https://moluch.ru/archive/147/40019/>.
4. Милевски И. Личностное развитие успешного человека. Принципы soft skills — гибких навыков человека / И. Милевски. — URL: ecouniver.com.
5. Шипилов В. Перечень навыков soft-skills и способы их развития / В. Шипилов. — URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml.
6. Яркова Т. А. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога / Т. А. Яркова, И. И. Черкасова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2016. — Т. 2, № 4. — С. 222—234.

FORMATION OF GENERAL COMPETENCIES OF STUDENTS OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN TERMS OF HARD SKILLS AND SOFT SKILLS

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

I. A. Arkhipova

Syzran Provincial College (Syzran, Russia)
irsen-da@mail.ru

The article is devoted to the problem of the formation of general competencies in terms of hard skills and soft skills. The article considers the current trends in the development of secondary vocational education, the requirements of the labor market for graduates of colleges and technical schools. The necessity of developing students' general competencies as a component of the aspect of hard skills and soft skills is substantiated. The authors draw parallels between the formulations of general competencies contained in the Federal State Educational Standard and soft skills necessary for work. The analysis of the content of the main professional educational programs of secondary vocational education in terms of the formation of general and professional competencies within the framework of the development of disciplines and modules is carried out. The paper substantiates the necessity of synchronous, parallel, purposeful and structured process of formation of general and professional competencies in all cycles of the main professional educational programs of secondary vocational education. Colleges are faced with the task of forming a specialist who is competent both in the professional and social sphere, competitive in the harsh conditions of the labor market, creative and mobile in finding solutions to problems, physically healthy and possessing the qualities of a patriot citizen, possessing equally highly developed hard skills and soft skills. The article examines the contradictions existing between the requirements of the modern labor market and the content of secondary vocational education programs.

Key words: competence, standard, knowledge, skills, professional, hard skills, soft skills.

References

1. Afanasyeva E. G. Formirovanie obschikh kompetentsiy u studentov uchrezhdeniy srednego professionalnogo obrazovaniya v protseste vospitatelnoy deyatel'nosti [Formation of general competencies among students of secondary vocational education institutions in the process of educational activity]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obschih-kompetentsiy-u-studentov-uchrezhdeniy-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-v-protseste-vospitatelnoy>.

2. Batsunov S. N., Derecha I. I., Kungurova I. M., Slizkova E. V. (2018) Sovremennye determinanty razvitiya soft skills [Modern determinants of soft skills development]. Concept: scientific and methodological electronic journal, 4 (April). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-razvitiya-soft-skills>.
3. Beysenbayeva B. S., Syrlybayeva K. A., Bishayeva G. S., Medetbekova N. N. (2017) Sovremennye podkhody k formirovaniyu kompetentsiy studentov dlya obucheniya buduschego spetsialista [Modern approaches to the formation of students' competencies for training a future specialist]. (13), p. 517—519. URL: <https://moluch.ru/archive/147/40019>.
4. Milevsky I. Lichnostnoe razvitie uspehnogo cheloveka. Printsipy soft skills — gibkikh navykov cheloveka [Personal development of a successful person. Principles of soft skills — flexible human skills]. URL: ecouniver.com.
5. Shipilov V. Perechen navykov soft-skills i sposoby ikh razvitiya [List of soft-skills and ways of their development]. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml.
6. Yarkova T. A., Cherkasova I. I. (2016) Formirovanie gibkikh navykov u studentov v usloviyakh realizatsii professionalnogo standarta pedagoga [Formation of flexible skills among students in the conditions of implementation of the professional standard of a teacher]. Vestnik of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities, vol. 2, (4), p. 222—234.

Е. В. Платонова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vikinginya@yahoo.co.uk

ЯЗЫК И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Преподавание английского языка — относительно молодая сфера педагогики. В более ранние годы педагогические модели преподавания заимствовались из обучения иностранным языкам и в большинстве своем были основаны на взглядах на язык, взятых из структурной лингвистики.

По мере перехода к коммуникативным подходам и методикам обучения языку через его содержание меняются и взгляды на языковую педагогику. Социокультурный подход не замещает их и не запрещает определенные тексты или действия для изучения и преподавания языка.

Настоящая работа представляется введением в изучение социокультурного аспекта в преподавании английского языка как особого взгляда на язык и сопутствующего подхода к аудиториям как к пространству, способствующему изучению языка и грамотности, что имеет значение для структурирования учебной среды и занятий, а также для ролей, выполняемых в ней участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: английский язык, коммуникативный подход, структурная лингвистика, социокультурный подход, социокультурные теории.

Социокультурный подход, как следует из самого термина, рассматривает использование языка в его социальном и культурном контексте. Язык как коммуникативный инструмент всегда употребляется людьми и между людьми для придания смысла и значения акту коммуникации. Язык (в нашем случае английский) — это не одна монолитная сущность, а множество жанров, способов выражения, диалектов, применяемых в определенных пространствах для достижения поставленных целей. И хотя понятно, что разные люди используют разные формы английского языка — скажем, афроамериканский разговорный английский (в случае афроамериканцев) или синглиш (в случае сингапурцев), — даже это различие слишком единообразно. Свободное владение языком на уровне носителя языка требует, чтобы люди имели возможность переключаться между различными формами в разных контекстах для достижения разных целей, плавно и без усилий [2].

Например, представьте, что недавно случилось какое-либо происшествие криминального характера в соседнем районе. Вы обсудите это со своим лучшим другом. Вскоре после этого звонит ваша бабушка или кто-то из родственников. Они обеспокоены, узнав о происшествии из новостей, и хотят поговорить об этом с вами.

Сравнив эти разговоры об одном и том же событии, вы поймете, что хотя общая тема остается той же, не только содержание разговора может отличаться, но будут другими используемые фактические слова и структуры, интонация, паузы и другие аспекты употребления языка.

Различия могут быть связаны с принадлежностью собеседников к разным поколениям, формальностью/неформальностью диалога и т. д. Корень этих различий кроется в наших отношениях с теми, с кем мы общаемся, в том, о чем мы говорим (сравните, например, разговор о разрыве ваших последних отношений и о ваших профессиональных достижениях), контексте общения, целях настоящей коммуникации.

Социокультурный взгляд на язык основан на том, что использование языка связано с созданием определенных значений, а значения, конструируемые в общении, основаны не только на языке. Параллельно с языком передают смысл жесты и мимика, имеющие большое значение. Например, кто-то произносит фразу: «Мне особенно понравилась лекция по истории», за которой следует подмигивание, что полностью меняет смысл сказанного. Не менее важны и другие вещи, которые сообщают нам о том, кем люди являются (роли, которые они играют) и насколько желают быть замеченными,

например, их одежда, язык тела или используемые предметы. Эти вещи работают вкупе с языком, поскольку люди в режиме реального времени в ситуативных коммуникациях оценивают, кем являются их собеседники, каковы их намерения и что они пытаются сказать. Свободное владение языком означает больше, чем знание словарного запаса и структуры языка; это знание того, какие разновидности языка использовать в локальных контекстах в данный конкретный момент — где, когда и с какой целью.

Представим, что вы являетесь студентами и вам необходимо сделать презентацию о чем-либо. И хотя общая тема может оставаться одной и той же, используемые язык и структура могут значительно отличаться от тех, что были в предыдущих обсуждениях. То же самое может быть связано с тем, как вы одеты, где вы находитесь, в какой позе (возможно, стоите в аудитории, а не свернулись калачиком на диване с чашкой чая), какие инструменты используете (презентация в PowerPoint, статистические диаграммы или схемы). Кроме того, то, что считается знанием, и то, как вы заявляете о знании, отличается, поэтому мнения, слухи и сплетни не годятся — вы должны давать информацию из академических источников и представлять их в беспристрастном и обезличенном виде. Это очень важный момент.

Существуют формы языка и способы общения, специфичные для студенческой культуры и редко используемые вне университета (вуза) или в профессиональном контексте. Чтобы добиться успеха в освоении иностранного языка, необходимо изучить преподаваемые в школе основные формы языка и грамотности и уметь использовать их в ходе различных мероприятий, проводимых в учебном заведении.

Есть два ключевых аспекта понимания того, как социокультурные теории могут помочь нам структурировать классы таким образом, чтобы адекватно поддерживать изучающих английский язык: социокультурные теории опираются на работы Льва Выготского [1], который

утверждает, что обучение происходит через социальные взаимодействия, когда учащиеся раскрывают смысл через обсуждение новых концепций (и языка). В его работе, сфокусированной на обучении детей, отмечается, что обучение происходит в «зоне ближайшего развития» (ЗБР), где дети, поддерживая постоянное взаимодействие с более способными сверстниками и взрослыми, могут перейти к следующему этапу обучения (за пределами своего текущего этапа). Таким образом, обучение можно рассматривать как систему ученичества [5]. Навыки, знания и язык, необходимые для успешной учебы в школе, распределяются по всему классу, ими владеют учителя, персонал, ученики, они содержатся в текстах и других ресурсах. Учащиеся приходят к пониманию школьных практик, концепций и языков с помощью выстроенных социальных переговоров и взаимодействий, которые опосредуются текстами и материалами и через самих педагогов [6].

Понимание и знание сначала являются внешними, поскольку они обсуждаются с иными участниками социальной коммуникации, а затем усваиваются, поскольку становятся собственностью обучающегося. Если обучение происходит через социальное взаимодействие, то аудитории должны быть четко организованы для оптимизации возможностей постоянного поддержания коммуникаций [4]. Это означает сведение к минимуму (но не искоренение) времени, которое преподаватель тратит на чтение лекций, и организацию совместной работы учащихся, требующей обязательного использования языка для ее выполнения.

Таким образом, исследование подтверждает, что язык, мышление и культура дополняют друг друга, можно сказать, что они взаимозависимы. Кроме того, подчеркивается роль позитивных культурных представлений, которые ведут к открытости для других языковых культур и необходимости концентрации внимания на образовании как важнейшем аспекте вступления в межкультурные социальные взаимоотношения.

Литература

1. Выготский Л. С. Этюды по истории поведения / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. — М. : Педагогика-Пресс, 1993. — 224 с.
2. Hawkins M. R. 'Researching English language and literacy development in schools', *Educational Researcher*, 33(3): 2004. P. 14—25.
3. Hawkins M., Nicoletti K. 'Unpacking the science fair: Sociocultural approaches to teaching English-language learners', in C. Compton-Lilly (ed.), *Breaking the Silence: Recognizing and Valuing the Social and Cultural Knowledges of Children*. Newark, DE: International Reading Association. 2008.

4. Hawkins M. R. 'Becoming a student: Identity work and academic literacies in early schooling', TESOL Quarterly, 39(1): 2005. P. 59—80.
5. Lave J. and Wenger E. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. Cambridge: Cambridge University Press. 1991. 138 p.
6. Rogoff B. Apprenticeship in Thinking: Cognitive Development in Social Context. New York: Oxford University Press. 1990. 242 p.

LANGUAGE AND SOCIOCULTURAL ASPECT

E. V. Platonova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

vikinginya@yahoo.co.uk

Teaching English is a relatively young area of pedagogy. In earlier years, pedagogical teaching models were borrowed from the foreign language teaching and were mostly based on views on the language taken from structural linguistics. With the transition to communicative approaches and methods of teaching a language through its content, views on language pedagogy also have changed. The sociocultural approach does not replace them and does not prohibit certain texts or actions for teaching and learning the language.

This work is presented as an introduction to the study of the sociocultural dimension in teaching English, as a specific view of language and a concomitant approach to classrooms as a space conducive to language learning and literacy, which is important for structuring the learning environment and activities, as well as for the roles participants play in the educational process.

Key words: English language, communicative approach, structural linguistics, sociocultural approach, sociocultural theories.

References

1. Vygotsky L. S., Luria A. R. (1993) *Etyudy po istorii povedeniya* [Studies in the history of behavior]. Moscow: Pedagogika-Press, 224 p.
2. Hawkins M. R. (2004) 'Researching English language and literacy development in schools', Educational Researcher, 33 (3): 2004. P. 14—25.
3. Hawkins M. and Nicoletti K. (2008) 'Unpacking the science fair: Sociocultural approaches to teaching English-language learners', in C. Compton-Lilly (ed.), *Breaking the Silence: Recognizing and Valuing the Social and Cultural Knowledges of Children*. Newark, DE: International Reading Association. 2008.
4. Hawkins M. R. (2005) 'Becoming a student: Identity work and academic literacies in early schooling', TESOL Quarterly, 39 (1): 2005. P. 59—80.
5. Lave J. and Wenger E. (1991) *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*. Cambridge: Cambridge University Press. 1991. 138 p.
6. Rogoff B. (1990) *Apprenticeship in Thinking: Cognitive Development in Social Context*. New York: Oxford University Press. 1990. 242 p.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Е. В. Медведев

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Ульяновская областная
коллегия адвокатов
(г. Ульяновск, Россия)
oxumoron@rambler.ru

МОШЕННИКИ И МОШЕННИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Мошенничество — сложный комплексный социально-правовой и социально-психологический феномен, который прочно сопровождает историю человеческих взаимоотношений, не изживая себя на протяжении веков, а в последние годы набирает все большие обороты. В статье мошенничество рассматривается в социально-психологическом контексте как тип отклоняющегося человеческого поведения, выступающего разновидностью криминальной деятельности, а сами мошенники — как некая условная общность, представители которой схожи в первую очередь по характеру деятельности. При этом мошенническая деятельность анализируется прежде всего как некий вид отрицательной социальной активности, который может иметь место в самых разных сферах общественных отношений, но всегда носит паразитический характер и направлен на удовлетворение корыстных материальных потребностей мошенника за счет обманутых им лиц. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что мошеннический обман как основной признак мошеннической деятельности включает в себя: 1) расположение к себе потерпевшего; 2) введение его в заблуждение относительно имущественной стороны вопроса взаимодействия между ними и 3) побуждение потерпевшего к добровольной передаче имущества или имущественных прав мошеннику. Таким образом, в данном случае речь идет не просто об обмане, а об обмане как элементе сложного манипулятивного психического воздействия на потерпевшего, в результате которого последний передает имущество в пользу мошенника.

Ключевые слова: мошенничество, мошенник, мошеннический стиль поведения, мошеннический обман, корысть, социально-психологические особенности личности мошенника.

Мошенничество как специфический вид деятельности человека, близкий по своим параметрам как к девиантному поведению, так и к творчеству, ввиду своей многогранности представляет особый интерес для социально-психологической науки. В современной уголовно-правовой доктрине, которая формализует и закрепляет мошенничество как социальное явление, этот феномен, согласно тексту статьи 159 УК представляет собой хищение (совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и обращение) чужого имущества

путем обмана и (или) злоупотребления доверием [3, с. 18]. В адаптированном неюридическом восприятии многие авторы предлагают понимать под мошенничеством как криминальным поведенческим актом завладение чужим имуществом с использованием обмана или обманное завладение чужим имуществом [5, с. 75]. Именно такой формулы мы будем придерживаться при характеристике социально-психологических особенностей феномена мошенничества, поскольку она позволяет наиболее точно передать именно психологическую сторону межличност-

ных отношений, а также раскрыть личностные когнитивные особенности и социально-психологическую направленность личности мошенника.

Стабильность существования такого явления, как мошенничество, обусловлена рядом объективных факторов прежде всего экономического и социального порядка. При этом его рост чаще всего бывает вызван экономическим спадом в том или ином государстве и наиболее ярко проявляется в общественных формациях, имеющих низкий уровень сплоченности, социальной организованности, культуры, национального самосознания и правовой грамотности [7, с. 44; 13, с. 29].

В этом плане российское население, если рассматривать его через призму характеристик большой социальной группы, в настоящий момент представляет собой наиболее благоприятную почву. Это объясняется прежде всего отсутствием четкой универсальной системы социальных ценностей как основы формирования социальных установок и личностной направленности российских граждан, высокой степенью разобщенности и фрустрированности индивидов, составляющих значительную часть населения [2, с. 97; 8, с. 58; 9, с. 99].

Так кто же такие мошенники и каковы социально-психологические особенности этой группы представителей социума, на основании которых позволительно объединить их в некую социальную общность и исследовать как целостное социально-психологическое явление? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к анализу поведения и образа жизни мошенников, выявлению общих черт, характерных для их поведенческого стиля и особенностей мошеннической деятельности в целом.

Но прежде чем перейти к этому шагу, необходимо определиться, по какому критерию допустимо объединять мошенников в единую социальную группу. В доктрине социальной психологии малые группы принято делить на условные и реальные. В рамках данной классификации мошенников позволительно рассматривать исключительно как условную социальную группу, т. е. искусственно выделенную по признаку общности стиля поведения и образа жизни совокупность людей, реально не имеющих никаких связей между собой [12, с. 18].

Далее необходимо оговориться. Возможно, не совсем правильно так категорично высказываться об общности мошенников, поскольку многие преступления в рассматриваемой сфере требуют объединения усилий нескольких участников для достижения преступного результата

ввиду сложности, многоступенчатости действий, образующих само преступление. Для их осуществления необходимо выполнение нескольких психологических ролей, и потому довольно часто мошенничества совершаются в составе группы лиц. На языке уголовного права такие образования имеют значение либо «группы лиц по предварительному сговору», либо «организованной группы», либо «преступного сообщества». Но даже, несмотря на часто встречающийся групповой характер мошенничеств, в целом невозможно предложить такой набор признаков, по которому можно было бы выделить мошенническое сообщество, и его можно было бы отнести к самостоятельному социальному образованию, к примеру, к числу малых групп. Мошенничество нельзя назвать некой разновидностью общей социальной интеракции. Мошенники, как правило, не находятся в непосредственном личном общении, стараются не выстраивать межличностных контактов друг с другом, что не порождает эмоциональных отношений друг к другу, групповых норм, групповых процессов и т. д. [13]. Мошенники не позиционируют себя как представителей отдельной социальной группы или даже просто некой общности и, как ни странно, часто даже не относят себя к представителям преступного мира и носителям криминальной субкультуры, что исключает возможность формирования общих групповых установок, целей, социальной идентификации и т. д.

В данной связи правильнее все же рассматривать сам этот вид преступной деятельности как тип отклоняющегося человеческого поведения, выступающий разновидностью криминальной деятельности, а мошенников — как некую условную общность, представители которой схожи в первую очередь по характеру деятельности.

Что же именно позволяет обособить мошенников как условную социальную группу? Отталкиваясь от общей диспозиции рассматриваемого феномена, остановимся на том, что основной их объединяющий признак — «мошенническая деятельность», суть которой заключается в обманном обогащении преступника за чужой счет. В данном свете мошенническая деятельность рассматривается прежде всего как некий вид отрицательной социальной активности, который может иметь место в самых разных сферах общественных отношений, но всегда носит паразитический характер и направлен на удовлетворение корыстных материальных потребностей мошенника за счет обманутых им лиц [17].

Анализируя структуру мошеннических действий, можно выделить следующие социально-

психологические особенности исследуемого социально-психологического явления. Во-первых, мошенничество всегда обусловлено исключительно корыстной мотивацией, суть которой в юридической литературе чаще всего интерпретируется через формулировки «страсть к наживе» или «жажда обогащения» либо аналогичные по смыслу и значению определения, хотя иногда трактуется и в более широком смысле. В некоторых случаях о корысти говорят не только как о стремлении к деньгам, но и как о желании удовлетворить за чужой счет свои личные нематериальные амбиции, «получить личную выгоду, возможно, в ущерб другому или группе (организации)». Кроме того, в социальной психологии, даже в юридической, корысть не всегда имеет преступный оттенок. Как отмечают некоторые специалисты, в частности, в наиболее общем виде корыстная мотивация присуща поведению любого человека [12, с. 24; 14, с. 31].

С таким пониманием корысти вряд ли можно согласиться хотя бы потому, что в этом случае размываются границы между различными по своей социально-психологической природе феноменами, что может поставить исследователя в тупик. Корысть — это явление однозначно негативного содержания, поскольку его суть противоречит основам продуктивного межличностного общения, эффективного социального взаимодействия и развития отношений между людьми в целом. Оно имеет четкую предметную основу в виде денег или имущественных благ, обладающих стоимостным выражением, или иной материальной выгоды. При этом стремление обогатиться законными либо незаконными средствами, но с возмещением убытков не должно расцениваться правом как корысть, по крайней мере, в структуре мошенничества.

Иное видение корысти не позволит точно идентифицировать и категоризировать остальные компоненты психической стороны мошеннической деятельности, также как и выявить ключевые отличительные особенности личности мошенника, базовых элементов ее психической структуры, потребностей, ценностей, социальных установок, направленности и целей [15].

Например, если рассматривать корысть как стремление к личной выгоде — в широком смысле, то к ее проявлениям можно отнести и крайние формы карьеризма, в частности, в виде «шесть по головам», и недозволенные приемы в спорте ради более высокого места в рейтинге, и любые другие радикальные эгоистические действия, которые могут наблюдаться в самых различных сферах деятельности человека. Это приво-

дит к смешению представлений о психических процессах, обусловленных разной деятельностью, детерминированной различными потребностями, ценностями и т.д., т.е. различного содержания, а следовательно, и лишает возможности обеспечить чистоту экспериментальных исследований психологии мошенничества.

Теоретически мошенника может ничто не отличать от другого человека в быту и в тех сферах жизнедеятельности, которые не связаны с деньгами или не построены на имущественных интересах [16]. Более того, в юриспруденции и юридической психологии есть термин «беловоротничковая преступность», который используется для обозначения мошенников, и в контексте его смысла к данной категории часто причисляют людей с высокоразвитыми интеллектуальными способностями. По статистике они, как правило, имеют высшее образование, вежливы, общительны, проникновенны и заботливы во взаимоотношениях с другими людьми и в целом довольно часто обладают целым набором положительных человеческих качеств [11, с. 426].

Единственное «явное», в чем они проявляют себя с негативной стороны, это то, что совершают мошеннические действия, с помощью которых обогащаются за счет других людей, общества и государства. Стало быть, ключ к созданию психологического портрета мошенника лежит в исследовании особенностей проявления их психических конструкторов в самих мошеннических действиях.

Сущность мошеннических действий, безотносительно того, в какой сфере отношений по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом (далее — отношения собственности) они совершаются, заключается: первое — в обмане, второе — в завладении чужим имуществом, т.е. имуществом, которое не принадлежит и по объективным обстоятельствам не может принадлежать мошеннику по закону [6, с. 356].

В приведенной формуле можно выделить два ключевых аспекта проявления психических особенностей лиц, совершающих мошенничество.

Первый — это факт незаконного обогащения мошенника за чужой счет. Этот компонент с точки зрения психологии наиболее ценен, так как имеет корреляционную связь с потребностно-мотивационной, а также ценностно-ориентационной сферами личности мошенника, дает возможность выявления его социальных установок и личностной направленности.

Второй — использование обмана как инструмента завладения чужим имуществом. С ис-

следованием этого элемента дело обстоит не-много сложнее, поскольку на начальном этапе психологического анализа праксеологическое значение этого феномена остается неявным. Не совсем ясно то, как обман поможет сформировать представление о тех или иных элементах психической структуры личности мошенника. Данное обстоятельство обусловлено тем, что обман как социально-психологическое явление сопровождает человечество на протяжении всех этапов развития цивилизации [10, с. 215]. При этом даже сейчас он не всегда несет в себе отрицательный социальный смысл. Существует феномен лжи «во благо», когда, например, неизлечимо больного обманывают о состоянии его здоровья, чтобы хоть как-то облегчить его психологическое состояние, или когда обманывают детей, не достигших необходимого возраста и уровня социализации, о деталях половых взаимоотношений между мужчиной и женщиной, чтобы оградить их от неблагоприятных послед-

ствий воздействия соответствующих образов на неокрепшее сознание ребенка и несформировавшийся перцептивный аппарат [4]. Поэтому к феномену обмана в структуре мошенничества нужно подходить весьма осторожно.

Однако мошеннический обман имеет свои специфические особенности. В данном случае речь идет об использовании этого инструмента для совершения сложносоставного воздействия на личность обманываемого, которое включает в себя: 1) расположение к себе потерпевшего; 2) введение его в заблуждение относительно имущественной стороны вопроса взаимодействия между ними и 3) побуждение потерпевшего к добровольной передаче имущества или имущественных прав мошеннику. Таким образом, в данном случае речь идет не просто об обмане, а об обмане как элементе сложного манипулятивного психического воздействия на потерпевшего, в результате которого последний передает имущество в пользу мошенника.

Литература

1. Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения) / О. Я. Баев. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 429 с.
2. Ёров Е. Х. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество в отношении собственности граждан на примере Республики Таджикистан / Е. Х. Ёров // Закон и право. — 2011. — № 5. — С. 96—99.
3. Корябкина В. В. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве / В. В. Корябкина // Право и общество. — 2018. — № 2(26). — С. 18—20.
4. Кочкина С. П. Проблема методов исследования лжи в отечественной психологии / С. П. Кочкина // Ярмарка научно-практических инициатив студентов (ЯНПИС-2020) : материалы XVII межрегиональной студенческой научно-практической конференции. — Пермь — Уфа, 2020. — С. 131—135.
5. Менжега М. М. Проблемные вопросы разграничения мошенничества и гражданско-правовых отношений / М. М. Менжега // Юрист. — 2019. — № 8. — С. 74—77.
6. Окоркова О. А. Психологический портрет страхового мошенника / О. А. Окоркова, М. А. Лощилова // Экология и безопасность в техносфере: современные проблемы и пути решения : сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов / Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета. — 2014. — С. 355—358.
7. Петров С. А. Совершенствование правовых способов борьбы с мошенничеством / С. А. Петров // Законность. — 2018. — № 9(1007). — С. 43—47.
8. Романов В. Г. Социальное мошенничество "COVID-19" и манипулятивные технологии социальной инженерии / В. Г. Романов, И. В. Романова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2020. — Т. 26, № 9. — С. 57—67.
9. Самыгин П. С. Влияние пандемии COVID-19 на состояние преступности: общемировые тенденции и российская специфика / П. С. Самыгин, С. И. Самыгин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 7(122). — С. 98—102.
10. Светличная А. А. Искусство обмана с точки зрения психологии / А. А. Светличная // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XVI Международной научно-практической конференции : в 2 ч. — Пенза, 2020. — С. 214—217.
11. Султанбекова П. Р. Криминологический «портрет» личности мошенника / П. Р. Султанбекова, А. И. Магомедова // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 7(158). — С. 426—427.

12. Тарасов А. Н. Психология корпоративного мошенничества : учебник и практикум / А. Н. Тарасов. — М. : ЮРАЙТ, 2020. — 320 с.
13. Ханинева О. В. Общие причины и некоторые виды мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в Российской Федерации / О. В. Ханинева // Уголовная юстиция. — 2020. — № 16. — С. 28—31.
14. Цебекова Г. В. Психология страхового мошенничества / Г. В. Цебекова, А. В. Сухинин, В. В. Басанов, Э. У. Омакаева, Д. Н. Бадгаева, Е. П. Шараева. — Деп. рукопись. — 06.11.2018, № 731-113-284.
15. Шакиров А. А. Психология обмана / А. А. Шакиров, М. С. Шестакова, А. С. Рогозин, А. М. Гурбанова, О. А. Носова // Студенческий вестник. — 2019. — № 37-1(87). — С. 30—33.
16. Шатилов А. В. Нравственно-психологические характеристики личности мошенника — участника организованной преступной группы / А. В. Шатилов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 6(125). — С. 192—200.
17. Шахмуратова С. М. Особенности обмана или вербальные и невербальные признаки лжи / С. М. Шахмуратова // Прорывные научные исследования как двигатель науки : сборник статей Международной научно-практической конференции. — 2019. — С. 201—203.

SCAMMERS AND FRAUDULENT BEHAVIOR STYLE IN THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL DIMENSION

E. V. Medvedev

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
Ulyanovsk Regional Bar Association (Ulyanovsk, Russia)
oxymoron@rambler.ru

Fraud is a complex socio-legal and socio-psychological phenomenon that permanently accompanies the history of human relationships, not outliving itself for centuries, and in recent years has been on the rise. The author considers the fraud in a socio-psychological context as a type of deviant human behavior, acting as a kind of criminal activity, and the scammers themselves as a kind of conditional community, whose representatives are similar primarily in the nature of their activities. At the same time, fraudulent activity is analyzed primarily as a kind of negative social activity that can take place in various spheres of public relations, but always has a parasitic character and is aimed at satisfying the selfish material needs of the fraudster at the expense of the persons deceived by him. As a result of the research, the author comes to the conclusion that fraudulent deception as the main feature of fraudulent activity includes: 1) the location of the victim; 2) misleading him about the property side of the issue of interaction between them and 3) encouraging the victim to voluntarily transfer property or property rights to a fraudster. Thus, in this case we are talking not just about deception, but about deception as an element of a complex manipulative mental influence on the victim, as a result of which the latter transfers property in favor of the fraudster.

Key words: fraud, fraudster, fraudulent style of behavior, fraudulent deception, self-interest, socio-psychological characteristics of the fraudster's personality.

References

1. Baev O. Ya. (2010) Posyagatelstva na dokazatelnyuyu informatsiyu i dokazatelstva v ugolovnom sudoproizvodstve (pravovye i kriminalisticheskie sredstva preduprezhdeniya, presecheniya i neytralizatsii posledstviy: problemy i vozmozhnye resheniya) [Encroachments on evidentiary information and evidence in criminal proceedings (legal and criminalistic means of prevention, suppression and neutralization of consequences: problems and possible solutions)]. Moscow: Yurlitinform, 429 p.
2. Erova E. H. (2011) Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershivshego moshennichestvo v otnoshenii sobstvennosti grazhdan: na primere Respubliki Tadjikistan [Criminological characteristics of the personality of the criminal who committed fraud in relation to the property of citizens: on the example of the Republic of Tajikistan]. Zakon i pravo, (5), p. 96—99.
3. Koryabkina V. V. (2018) Moshennichestvo i ego vidy v rossiyskom ugolovnom prave [Fraud and its types in Russian criminal law]. Zakon i obschestvo, 2(26), p. 18—20.
4. Kochkina S. P. (2020) Problema metodov issledovaniya lzhi v otechestvennoy psikhologii [The problem of methods of lie research in Russian psychology]. Fair of scientific and practical initiatives of students (YANPIS-2020): materials of the XVII interregional student scientific and practical conference. Perm — Ufa, p. 131—135.

5. Menzhega M. M. (2019) Problemye voprosy razgranicheniya moshennichestva i grazhdansko-pravovykh otnosheniy [Problematic issues of distinguishing fraud and civil law relations]. *Yurist*, (8), p. 74—77.
6. Okorkova O. A., Loschilova M. A. (2014) Psikhologicheskiy portret strakhovogo moshennika [Psychological portrait of an insurance fraudster]. *Ecology and safety in the technosphere: modern problems and solutions: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, postgraduates and students. Yurginsky Institute of Technology (branch) National Research Tomsk Polytechnic University*, p. 355—358.
7. Petrov S. A. (2018) Sovershenstvovanie pravovykh sposobov borby s moshennichestvom [Improvement of legal ways to combat fraud]. *Zakonnost*, 9(1007), p. 43—47.
8. Romanov V. G., Romanova I. V. (2020) Sotsialnoe moshennichestvo "COVID-19 i manipulyativnye tekhnologii sotsialnoy inzhenerii [Social fraud "COVID-19" and manipulative technologies of social engineering]. *Vestnik of the Trans-Baikal State University*, 26(9), p. 57—67.
9. Samygin P. S., Samygin S. I. (2020) Vliyaniye pandemii COVID-19 na sostoyaniye prestupnosti: obschemirovye tendentsii i rossiyskaya spetsifika [The impact of the Covid-19 pandemic on the state of crime: global trends and Russian specifics]. *Nauka i obrazovanie; khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 7(122), p. 98—102.
10. Svetlichnaya A. A. (2020) Iskusstvo obmana s tochki zreniya psikhologii [The art of deception from the point of view of psychology]. *Modern science: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the XVI International Scientific and practical Conference. Penza*, p. 214—217.
11. Sultanbekova P. R., Magomedova A. I. (2021) Kriminologicheskiy portret lichnosti moshennika [Criminological "portrait" of a fraudster's personality]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 7(158), p. 426—427.
12. Tarasov A. N. (2020) Psikhologiya korporativnogo moshennichestva [Psychology of corporate fraud. Textbook and workshop]. Moscow: YURAYT, 320 p.
13. Khanineva O. V. (2020) Obschie prichiny i nekotorye vidy moshennichestv, sovershaemykh s ispolzovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy, v Rossiyskoy Federatsii [Common causes and some types of fraud committed using information and telecommunication technologies in the Russian Federation]. *Ugolovnaya yustitsiya*, (16), p. 28—31.
14. Tsebekova G. V., Sukhinin A. V., Basanov V. V., Omakaeva E. U., Badgaeva D. N., Sharaeva E. P. (2018) Psikhologiya strakhovogo moshennichestva [Psychology of insurance fraud]. Deposited manuscript, N 731-113-284 06.11.2018.
15. Shakirov A. A., Shestakova M. S., Rogozin A. S., Gurbanova A. M., Nosova O. A. (2019) Psikhologiya obmana [Psychology of deception]. *Studencheskiy vestnik*, 37-1(87), p. 30—33.
16. Shatilov A. V. (2018) Nravstvenno-psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti moshennika — uchastnika organizovannoy prestupnoy gruppy [Moral and psychological characteristics of the personality of a fraudster — a member of an organized criminal group]. *Vestnik of the Saratov State Law Academy*, 6(125), p. 192—200.
17. Shakhmuratova S. M. (2019) Osobennosti obmana ili verbalnye i neverbalnye priznaki lzhi [Features of deception or verbal and nonverbal signs of lying]. *Breakthrough scientific research as the engine of science: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*, p. 201—203.

Н. Н. Окутина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ocutina@mail.ru

«ГАРАНТИЯ ОТ БЕЗУЧАСТИЯ»: СИБИРСКИЙ ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрен порядок формирования и деятельности органов городского управления в пореформенный период. Именно они стали важнейшими мотиваторами для законотворческой деятельности членов представительной власти на местах. Основываясь на архивных документах, автор воссоздаёт картину формирования органов местного управления в XIX — начале XX века в Симбирской губернии. В статье детально проанализирован проект преобразования городского управления, разработанный в начале XX века Симбирской городской думой. Реформаторский по своей сути проект продемонстрировал демократические воззрения представителей органов местного самоуправления. Научная статья основана не только на результатах комплексного исследования нормативных правовых актов дореволюционного периода, но и на материалах Государственного архива Ульяновской области. Автор отмечает глубокий кризис, возникший в результате жёсткой самодержавной политики, и прогрессивность для своего времени симбирского проекта по организации власти на местах.

Ключевые слова: местное самоуправление, городское управление, Симбирская губерния, Городовое Положение 1892 года, реформирование, городская дума.

Введение Городового Положения 1892 года определило ужесточение государственного контроля за деятельностью органов городского управления. Административный контроль являлся комплексным и затрагивал практически все сферы деятельности органов управления на местах. Согласно норме статьи 86 Городового Положения глава губернии был наделён правом отмены решений думы в случаях нарушения закона или в связи с «несоответствием государственной пользе и нуждам» [5]. Также губернатор был вправе привлекать к дисциплинарной ответственности городского голову. Данным правом, например, воспользовался симбирский губернатор М. Н. Теренин, объявив выговор городскому голове в 1891 году за беспорядки при проведении заседания городской думы [2, л. 6].

Говоря о структуре органов местного самоуправления в пореформенный период, следует остановиться на порядке их формирования. В частности, процедура избрания председателя Симбирской городской думы оставалась неизменной с 1785 года и предполагала проведение так называемой баллотировки шарами. Материалы фонда № 137 содержат решение Симбирской городской думы от 15 февраля 1905 го-

да об избрании Председательствующего думы в случаях, указанных в статье 120 Городового Положения 1892 года, а также данные о порядке проведения баллотировки. В частности, отмечается, что «путём закрытой подачи голосов... был избран князь С. М. Баратаев, получив 37 избирательных, 37 неизбирательных» [4, л. 6]. Аналогичная процедура выборов применялась и к кандидатам на пост городского головы, а также на должность городского секретаря. Согласно решению Симбирской городской думы от 15 февраля 1905 года обязательной являлась процедура согласования решения гласных об утверждении кандидатуры председательствующего [там же]. Члены думы в данном случае действовали в соответствии с нормой статьи 120 Городового Положения, согласно которой председательствующего думы утверждал в столицах министр внутренних дел, а в иных городских поселениях — губернатор.

Примечательно, что в результате реформирования в малочисленных уездных городах реализовать нормы Городового Положения 1892 года просто не представлялось возможным ввиду финансовой несостоятельности населения. В частности, в Алатырском посаде Симбирской

губернии действовало упрощенное общественное самоуправление. Лица, имеющие на праве собственности недвижимое имущество, наделялись правом избрания гласных численностью до 15 человек, которые, в свою очередь, выбирали старосту.

Согласно статистическим данным, число избирателей в губернском Симбирске сократилось в 3,5 раза, в уездном Сенгилее — в 4 раза, несколько меньше в Алатыре — в 2,4 и Сызрани — 1,6 раза соответственно [6, с. 75].

Городовое Положение 1892 года, основой которого стала государственная теория местного самоуправления, существенным образом увеличило контроль за деятельностью органов управления на местах, а также преобразовало избирательную систему, сократив сословное представительство. Законодательно закрепив прямое вмешательство органов государственной власти в деятельность представительных органов управления, правительство тем самым поставило под сомнение вообще существование общественного управления как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления в рассматриваемый исторический период. Стоит согласиться с позицией Н. С. Бойко, согласно которой органы городского управления просто не могли обсуждать «неудобные» для администрации вопросы [1, с. 24]. О жесткой риторике губернских властей с принятием Городового Положения 1892 года свидетельствуют многочисленные архивные документы, в которых зафиксированы «резкие, ультимативные распоряжения губернатора» [7, с. 44].

В Симбирске наряду с другими губернскими городами Среднего Поволжья — Казанью, Самарой, Астраханью, Пензой — реализация Положения в целом имела ту же направленность, что и на территории городов Российской империи. Социальный состав городских дум губернских городов Среднего Поволжья, согласно данным, представленным в работе В. А. Тюрина, претерпел лишь незначительные изменения. Если в целом по стране в городских думах губернских городов 34 % составляли дворянство и разночинцы, 55,8 % — купечество и почётные граждане, 9,8 % — мещане, ремесленники и крестьяне, то в губернских городах Среднего Поволжья более 60 % голосов в органах представительной власти имели члены купеческих обществ [9, с. 69]. Если рассматривать сословный состав Симбирской городской думы, то в 1892 году гласными являлись: 28,6 % — дворянство и разночинцы, 60 % — купцы и почётные граждане, 11,4 % — мещане, ремесленники и кре-

стьяне [8, с. 230]. Как отмечает Е. А. Ерохина, результатом проведения новой городской реформы стало существенное сокращение гласных Симбирской городской думы до 35 человек, а в уездных городах губернии, за исключением «Курмышы, а также Алатырского посада, в городские думы стали выбирать по 20 гласных» [6, с. 60].

Исследование органов местного самоуправления на территории Симбирской губернии подтверждает преимущественное участие двух сословных групп в осуществлении власти на местах. Органы городского управления сохраняли купеческо-мещанский состав на протяжении XIX века, в то время как общероссийская тенденция сводилась к сокращению мещанского представительства в органах власти на местах.

При рассмотрении архивных материалов обращает на себя внимание доклад Симбирской городской думы о реформе самоуправления. Данный документ содержит разработанный гласными думы проект по устройству городского общественного управления. Местная дума признавала, что до введения в действие Городового Положения 1892 года органы местного управления находились исключительно под контролем общества и были ответственны только перед ним. В значительной степени их публичная деятельность являлась гарантией «от уклонения в сторону от общественных нужд и потребностей», таким образом страхуя население городов «от безучастного отношения к общественным делам» [3, л. 2]. Действительно, можно констатировать, что проведённая городская реформа последней трети XIX века уничтожила положительные стороны общественного управления на местах. Подчинив деятельность органов управления единоличной воле губернатора, реформа «похоронила» приоритет общественных интересов окончательно.

Анализ положений проекта новой реформы, содержащихся в материалах дела № 153 «По вопросам государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», позволяет высоко оценить уровень правотворческой деятельности гласных Симбирской городской думы. Документ представляет собой совершенно иную систему организации местной власти. Привычное совмещение городским головой должностей председателя думы и управы заменяется чётким делегированием полномочий, основанным на принципе разделения властей.

В первом разделе проекта «Права и обязанности думы» подчёркивается, что дума является исключительно органом управления обще-

ственными делами и «в своих хозяйственных действиях ответственна только перед населением города» [3, л. 8]. Также закреплялось положение, согласно которому дума являлась полной распорядительницей «общественных достояний» и законодательным органом. Весьма прогрессивными для законодательства начала XX века можно считать нормы, предусматривающие обязанность думы уведомлять население о своих действиях, а также публиковать в открытом доступе информацию о планах бюджетных расходов и проектах программ хозяйствования на будущий год. Пункты 6 и 7 предусматривали возможность внесения замечаний и предложений населением по поводу вышеназванных документов, а также возможность участия жителей города в заседании думы по рассмотрению спорных вопросов и наделения авторов предложений правом совещательного голоса на заседании законодательного городского органа. Проект предусматривал также процедуру обязательного согласования с населением отчёта о расходовании бюджетных средств за предыдущий год. Кроме того, граждане города наделялись правом «обозревать» материалы и документы, относящиеся к вопросам общественного хозяйства, осматривать возводимые на территории города постройки и сооружения. Предполагалось, что все замечания и предложения граждане могли фиксировать в специальных книгах для последующего рассмотрения гласными думы.

Второй раздел проекта «Состав думы и порядок ведения ею дел» содержал информацию о формировании данного органа управления на местах. По мысли симбирских законодателей, в состав законодательного органа входили председатель, секретарь и гласные. Однако в документе не было определено общее число гласных думы губернских и уездных городов.

Вероятно, изрядно устав от государственной опеки, в проекте нового городского устройства гласные Симбирской думы настаивали на важности самостоятельного принятия решений по вопросам порядка созыва и формирования повестки заседаний.

Сведения о полномочиях городской управы содержались в разделе «Исполнение постановлений думы». Управа характеризовалась исключительно как орган исполнительной власти, состав которого формировался гласными думы. В состав управы входят городской голова, секретарь, бухгалтер, а также не менее двух членов. Глава управы избирается из числа гласных думы на срок, аналогичный сроку

полномочий действующего состава законодательного органа.

Контроль за организационно-хозяйственной деятельностью управы должны были осуществлять одна или несколько комиссий, создаваемых думой. В проекте отмечается, что помимо исполнительных функций по постановлениям и поручениям думы на управе должна «лежать нравственная обязанность по возбуждению и разработке новых предложений, клонящихся к улучшению общественной жизни во всех её проявлениях» [3, л. 10]. Можно утверждать, исходя из формулировки данной статьи, что речь идёт о наличии у городской управы правотворческой инициативы.

Законодателем также была предпринята попытка урегулировать порядок принятия постановлений думы, но сделать это в полной мере не удалось.

В проекте значится, что постановления вступали в законную силу по истечении семи дней. Однако не указано, с какого момента начинается исчисляться данный срок (с момента подписания постановления, опубликования и т. д.). В отношении ряда решений думы определён исключительный порядок вступления в силу. Например, постановления думы, касающиеся предупреждения общественных бедствий или обстоятельств, грозящих нарушением общественного спокойствия, а также принятия мер по локализации явлений, приносящих вред населению, вступают в силу немедленно.

Стоит отметить, что гласные Симбирской думы в проекте документа о новом городском устройстве сформулировали ряд положений, которые относились к исключительному ведению правительства. В частности, симбиряне настаивали на необходимости упразднения сословий и ограничения в правах, заявляя о важности уравнивания всех граждан в ответственности перед судом за нарушения закона. Более того, они предлагали отменить все виды административных наказаний, установить выборность и независимость судей. Также в проекте провозглашалось следующее: «признать народное образование важнейшей обязанностью государства и органов местного самоуправления» [3, л. 22]. В проекте подчёркивалось, что в ведение органов местного самоуправления городского и земского необходимо «передать все без исключения местные дела» [3, л. 22 об.].

В рамках заседания комиссии по выработке проекта нового городского устройства было решено представить документ императору. О дальнейшей судьбе документа в архивных ма-

териалах информации не было обнаружено, помимо того, что в дальнейшем в Симбирске была создана комиссия из состава думы для пересмотра Городового Положения. Также отметим, что резолюция, разработанная симбирскими гласными, была представлена городским головой М. А. Волковым, избранным делегатом для участия в съезде земских и городских деятелей, проходившем в Москве с 6 по 8 августа 1905 года. Однако дальнейший ход истории предпо-

делил будущее не только Симбирской губернии, но и Российской империи.

Историко-правовой опыт деятельности органов местного самоуправления Симбирской губернии содержит мощный потенциал для дальнейшего общетеоретического осмысления новых идей и взглядов на участие населения в осуществлении городского самоуправления, а его столь подробное изучение восполняет существующий пробел в исследовании данного вопроса.

Литература

1. Бойко Н. С. Реализация «государственной» теории самоуправления в период действия Городового Положения 1892 года / Н. С. Бойко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — 2011. — № 3(9), ч. II. — С. 23—26.
2. ГАУО. — Ф. 76 (Канцелярия Симбирского губернатора МВД г. Симбирска). — Оп. 4. — Д. 397. Журналы Симбирского губернского по городским делам присутствия с привлечением к ответственности Алатырского городского головы за беспорядки во время заседания Алатырской городской думы.
3. ГАУО. — Ф. 137 (Симбирская городская управа г. Симбирска). — Оп. 35. — Д. 158. Дело по вопросам государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния.
4. ГАУО. — Ф. 137. — Оп. 1. — Д. 176. Дело Симбирской городской управы по отделу общих дел о выборах председательствующего, городского головы, членов управы и городского секретаря.
5. Городовое положение: закон от 12/23 июня 1892 года // ПСЗ РИ. — Собр. XXXVI. — СПб., 1895. — Т. XII, № 8708.
6. Ерохина Е. А. Органы городского самоуправления Симбирской губернии во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Ерохина. — Ульяновск, 2010. — 239 с.
7. Звягинцев Е. А. Как нужно преобразовать наши городские думы и управы / Е. А. Звягинцев. — М. : Издание Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломийцевой, 1906. — 48 с.
8. Нардова В. А. Первые выборы в городские думы по избирательному закону 1892 г. Проблемы социально-экономической истории России / В. А. Нардова. — СПб., 1991. — С. 224—236.
9. Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX—XX вв. : монография / В. А. Тюрин. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2007. — 202 с.

“GUARANTEE AGAINST NON-PARTICIPATION”: SIMBIRSK PROJECT OF THE ORGANIZATION OF CITY ADMINISTRATION IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

N. N. Okutina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

ocutina@mail.ru

In the article considers the order of formation and activity of city government bodies in the post-reform period. They have become the most important motivators for the legislative activity of members of the local representative government. Based on archival documents, the author recreates the picture of the formation of local government bodies in the XIX — early XX centuries in the Simbirsk province. The article analyzes in detail the project of transformation of the city administration, developed at the beginning of the XX century within the walls of the Simbirsk City Duma. The reformist project demonstrated the democratic views of representatives of local self-government bodies. The research is based on the results of a comprehensive study of both the normative legal acts of the pre-revolutionary period, and the materials of the State Archive of the Ulyanovsk region. The author notes the deep crisis that arose as a result of the harsh autocratic policy and the progressiveness of the Simbirsk project for its time.

Key words: local self-government, city administration, Simbirsk province, City Regulations of 1892, reformation, city Duma.

References

1. Boyko N. S. (2011) Realizatsiya "gosudarstvennoy" teorii samoupravleniya v period deystviya Gorodovogo Polozheniya 1892 goda [Implimentation of state theory of administration in the period of City Provision of 1892]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie, 3(9), p. II. p. 23—26.
2. GAUO. F. 76 (Kantselyariya Simbirskogo gubernatora MVD g. Simbirsk [Secretariat of the Simbirsk governor of Ministry for Home Affairs]) Op. 4. D. 397. Zhurnaly Simbirskogo gubernskogo po gorodskim delam prisutstviya s privlecheniem k otvetstvennosti Alatyrskogo gorodskogo golovy za besporyadki vo vremya zasedaniya Alatyrskey gorodskoy dумы [Journals of Simbirsk governor on the cases of presence with prosecution of Alatur mayor for the disorders during the session of Alatur State Duma].
3. GAUO. F. 137 (Simbirskaya gorodskaya uprava g. Simbirsk [Simbirsk city administration]) Op. 35. D. 158. Delo po voprosam gosudarstvennogo blagoustroystva i uluchsheniya narodnogo blagosostoyaniya [With regard to problems of state amenities and improving national welfare].
4. GAUO. F. 137. Op. 1. D. 176. Delo Simbirskoy gorodskoy upravy po otdelu obschikh del o vyborah predsedatelstvuyushchego, gorodskogo golovy, chlenov upravy i gorodskogo sekretarya [Case of Simbirsk city administration on the election of chairman, mayor, members of administration].
5. Gorodovoe polozhenie: zakon ot 12/23 iyunya 1892 goda [Municipal statutes: law of 12/23 June 1892]. PSZ RI. Sobr. XXXVI. SPb., 1895. T. XII, N 8708.
6. Erohina E. A. (2010) Organy gorodskogo samoupravleniya Simbirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [City government bodies of Simbirsk region in the second half of XIX century]. Dis. ... PhD in History: 07.00.02. Ulyanovsk, 239 p.
7. Zvyagintsev E. A. (1906) Kak nuzhno preobrazovat nashi gorodskie dумы i upravy [How to reform our state dumas]. Moscow: Izdanie E. V. Kozhevnikovoy i E. A. Kolomiytsevoy, 48 p.
8. Nardova V. A. (1991) Pervye vybory v gorodskie dумы po izbiratelnomu zakonu 1892 g. Problemy sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii [First election in State Duma according to the election law of 1892. Problems of social and economic history in Russia]. St. Petersburg, p. 224—236.
9. Tyurin V. A. (2007) Vlast i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'ye: opyt vzaimodeystviya na rubezhe XIX—XX vv. [Power and city government in Middle Volga region: user experience at the turn of XIX—XX centuries]. Monograph. Samara: Izd-vo "Samarskiy universitet", 202 p.

Н. Н. Окутина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ocutina@mail.ru

СИМБИРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА: НА ПУТИ К СОВЕТАМ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Результаты проведённого реформирования системы муниципального управления в России свидетельствуют о том, что ключевые задачи преобразований так и не были достигнуты. Несомненно, что, только опираясь на исторический опыт, возможно разработать эффективную систему управления на местах.

В данной статье автором рассматриваются вопросы реформирования системы местного самоуправления на территории губернского Симбирска в период революционных преобразований. Продемонстрированы устойчивые позиции городского самоуправления в начале XX века, которые за несколько лет стали весьма зрелыми в политическом плане органами управления на местах, а впоследствии были ликвидированы. Тем не менее Симбирская городская дума в период лихолетья продемонстрировала твёрдую позицию по вопросам дальнейшего развития города и его управления.

Основу публикации составили не только правовые источники, но и обзоры практической деятельности органов местного самоуправления, которыми располагают Государственный архив Ульяновской области и Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.

Рассмотренный опыт истории местного самоуправления на локальном уровне представляет как теоретический, так и практический интерес. Особенно это важно с учетом современных проблем дальнейшего развития местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, городское управление, Симбирская губерния, революция, Советы, городская дума.

После февральских событий 1917 года Симбирская городская дума уже 4 марта собралась на экстренное заседание в составе 32 гласных. Первоочередным вопросом, рассмотренным на заседании, стала подготовка приветственного адреса для председателя Государственной Думы М. В. Родзянко. Из протокола собрания следует, что такой документ был сформулирован следующим образом: «Симбирская городская дума, собравшись первый раз официально, в дни великих событий, шлёт приветствие как представителю новой власти и подчиняется исполнительному комитету. Наш низкий поклон армии и народу! Да здравствует новый порядок!» [6, л. 1].

Уже 15 апреля Временное правительство утвердило Постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», которое, в свою очередь, вводило новые правила деятельности гласных городских дум. Суть нововведений сводилась к тому, что впервые в истории России

провозглашались выборы на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права. Весьма подробно в документе был регламентирован порядок составления списков избирателей и кандидатов в гласные, формирования избирательных округов и участков [14, с. 805—832]. Действующим по Городовому Положению 1892 года думам предписывалось немедленно приступить к подготовке к проведению выборов в новые органы управления на местах. Теперь гласным городских и земских дум надлежало избираться по пропорциональной системе связанных списков. Активным и пассивным избирательным правом наделялись граждане вне зависимости от вероисповедания и национальности в возрасте от 20 лет.

На очередном заседании 28 апреля 1917 года дума Симбирска, следуя указаниям Временного правительства, приняла Постановление «О демократизации Симбирской городской думы», в котором настаивала на необходимости сохранения принципов «непрерывности и пре-

емственности» [6, л. 9 об.]. Согласно решению гласных город был поделён на 27 избирательных участков. От каждого было решено допустить в думу по три человека для представления интересов населения данных территориальных единиц. В постановлении отмечалось, что в экстренных случаях пополнять состав думы могли исключительно представители демократических слоёв населения. Также фиксировалось существенное увеличение числа кандидатов в городские гласные. В частности, если на XI четырёхлетие было допущено 350 лиц, то на XII — 1380 [6, л. 12].

Важнейшими задачами, стоящими перед Симбирской городской думой, были подготовка к очередным выборам на местах и выборам в Учредительное собрание. Кроме того, в данный период политической борьбы были намечены проблемы продовольственного обеспечения жителей, роста цен на товары первой необходимости, охраны общественной безопасности. Разумеется, все они требовали комплексного решения, однако в условиях гражданского противостояния решить их в полном объёме не представлялось возможным.

Временное правительство 9 июня 1917 года приняло новый нормативный правовой акт, касающийся деятельности органов самоуправления, — Постановление «Об изменении действующего Положения об общественном управлении городов» [16, с. 444—480]. С этого периода думы в соответствии со статьей 134 Постановления наделялись правом распоряжения сборами и налогами, что в немалой степени способствовало повышению правового статуса органов местного самоуправления. Также законодатель, действуя согласно принципу разделения властей, вводил должность председателя думы как главы распорядительного органа, таким образом закрепляя за городским головой полномочия по должности главы органа исполнительной власти. При этом надо отметить, что правительство делегировало органам местного самоуправления ряд полномочий органов государственной власти, разумеется, не обеспеченных бюджетом. В частности, речь идёт о существенном увеличении с 12 до 19 полномочий городских дум. С этого периода они должны были обеспечивать деятельность по охране труда, борьбе с безработицей, принимать меры к сокращению пьянства среди местных жителей, обеспечивать общественный порядок и безопасность.

В результате избирательной кампании в Симбирскую городскую думу 1917 года число избирательных участков было сокращено до 26.

Впервые в списках гласных в депутаты городской думы Симбирска, а также дум уездных городов губернии не упоминалась сословная принадлежность кандидатов.

В целях обеспечения охраны избирательных участков и соблюдения порядка на выборах симбирский городской голова спешно телеграфировал 2 августа 1917 года начальнику гарнизона об участии в работе межведомственной комиссии: «Имею честь покорнейше просить Вас пожаловать в Городскую управу... для обсуждения вопроса об охране избирательных помещений во время выборов гласных» [5, л. 223]. 15 августа состоялись выборы, комиссия по подсчёту голосов приступила к работе спустя двое суток. Участие в выборах по семи спискам приняло 19 359 человек [5, л. 225]. Из сообщения Симбирской городской управы в Главное Управление по делам местного хозяйства следует, что в списки избирателей было включено 36 300 горожан [5, л. 248], таким образом, явка составила 53,3 %, т. е. являлась довольно высокой.

В газете «Русские ведомости» № 210 от 14 сентября 1917 года была опубликована заметка о победе социалистических элементов. В ней значилось, что «из 65-ти гласных 33 места получили социалисты-революционеры. Прошли они главным образом голосами окраин и солдат» [15, с. 138]. Тем не менее в публикации отмечается отсутствие единой политической позиции среди избранных членов думы, а также отсутствие кандидата на пост городского головы. Уже на следующий день в газете «Симбирское слово» вышла статья о глубоком продовольственном кризисе в городе и «приближающемся голоде», а также возможных испытаниях и жертвах [17, с. 35].

Оценивая законотворческую деятельность, проведённую в 1917 году, следует отметить весьма действенные попытки по выстраиванию новой правовой отрасли для России — муниципального права. Основой новой советской теории местного самоуправления можно считать позицию В. И. Ленина. В своих трудах он писал о необходимости вовлечения всего «трудящегося населения поголовно... к самостоятельному участию в управлении государством» [12, с. 91]. Вместе с тем необходимо отметить, что разработка и принятие многочисленных правовых актов стали возможными во многом благодаря ранее проведённой работе, в том числе и органами Симбирского городского управления, в части разработки проектов реформирования управления на местах. Однако следует признать, что

реализовать на практике столь радикальные для российского общества политические и правовые преобразования в короткие сроки просто не представлялось возможным.

О кризисе управления уже на своём втором заседании в середине сентября 1917 года заявили гласные Симбирской городской думы. Они приняли резолюцию, в которой обозначили ключевые задачи и проблемы. Правительство должно быть национально-коалиционным с участием представителей всех социальных групп, которые могли бы интересы государства поставить на первый план, т. е. пренебречь в некоторой степени классовыми целями, — значилось в документе [6, л. 90]. Гласные настаивали на том, что война не может быть окончена до тех пор, пока не будут созданы условия для заключения мира в единении с демократическими союзными странами без аннексий и контрибуций. Предвосхищая глубокий экономический и политический кризис, симбиряне в резолюции отмечают, что «жизнь страны дошла до такого состояния, что грозит в недалёком будущем разрушить русскую государственность» [там же].

Еще не были реализованы положения новых законодательных актов, затрагивающих основы местного самоуправления, а 19 декабря 1917 года уже был подписан Декрет «Об учреждении комиссариата по местному самоуправлению», что фактически означало полное объединение деятельности земств, городских дум и управ, полное подчинение органам Советского правительства.

Смена политических режимов усугублялась экономическим и общенациональным кризисами. Незначительное влияние представителей большевистской партии в местных Советах рабочих и крестьянских депутатов привело к «затягиванию» процесса смены власти в Симбирске. 11 ноября 1917 года на базе Комитета спасения родины и революции в Симбирске был создан новый распорядительный орган управления [4, л. 4]. А спустя 11 дней местные Советы солдатских и крестьянских депутатов вновь отказали поддержать власть Советов. В результате дальнейшей большевизации Симбирского объединённого Совета рабочих и солдатских депутатов 10 декабря в Симбирской губернии была провозглашена советская власть [10, с. 239]. В последующем для установления власти на местах действовал революционный комитет.

Материалы Государственного архива Ульяновской области свидетельствуют о том, что Симбирская городская дума продолжала осуще-

ствлять свою деятельность до начала 1918 года. В частности, 25 января 1918 года состоялось очередное заседание распорядительного органа, на котором гласные утвердили инструкцию для Симбирской городской управы. Документ предоставлял право членам управы входить в «деловые сношения с советами» [6, л. 109].

Итогом совместного заседания гласных Симбирской городской думы и председателей районных комитетов 24 февраля 1918 года стал протест на действия местной советской власти.

«Открывается настоящее заседание при исключительных обстоятельствах. Группой лиц, захвативших власть в городе, арестованы городской голова, члены управы, а прежде них арестованы члены биржи, Союза домовладельцев, директор городского банка. Все они заключены в дом исправительных обвинений... и правильное течение жизни населения нарушено. Хотя избранные думой... члены управы вступили для ведения текущей работы и принятия возможных мер к охране города, неприкосновенности личности, но, очевидно, необходимо заявить протест против незаконности действий советской власти», — значится в протоколе заседания [6, л. 126].

Местные власти таким образом выступили с твёрдой позицией против незаконных арестов населения. Стоит отметить, что уже в это время Симбирская городская дума и управа действовали в нарушение норм Циркуляра НКВД от 6 февраля 1918 года, запрещавшего деятельность городских и земских органов местного самоуправления, выступавших против советской власти [1, с. 276].

Следующим закономерным этапом развития местного самоуправления в губернском городе становится учреждение в 1918 году Симбирского городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов согласно решению II Всероссийского съезда Советов [10, с. 8]. С принятием Декрета о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии с октября 1918 года он стал называться Симбирским городским советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [9, с. 356]. Совет находился в прямом подчинении центральным органам государственной власти. Срок полномочий депутатов Советов был предельно коротким — всего три месяца.

Говоря о полномочиях Симбирского горсовета, отметим, что архивные данные содержат их исчерпывающий перечень: реализация государственных продовольственных мероприятий; осуществление учёта запасов и продовольствия;

предоставление возможности неимущим классам получить образование, одинаковое для всех детей обоего пола; организация бесплатной юридической помощи; борьба с преступностью; «оздоровление» окраин, устройство парков, садов и канализаций; учреждение санитарного надзора, бесплатной амбулаторной и больницы помощи населению; установление размера платы за пользование помещениями; посредничество при занятии квартир; осуществление земельного контроля [7, л. 17—19].

Обращает на себя внимание тот факт, что в последующие годы Советской власти в Симбирске (Ульяновске) существенно возросла избирательная активность горожан. Статистические данные фиксируют увеличение процента явки избирателей с 1917 к 1928 году на 210,1 %, к 1929 году — на 228,8 % [5, л. 225; 8, л. 10]. Данные факты можно объяснить, во-первых, увеличением числа избирателей в связи с отменой сословного и имущественного цензов, а во-вторых, увеличением числа прибывающих в Ульяновск граждан.

Тем не менее были установлены ограничения для участия в избирательном процессе для ряда категорий граждан. В статье 65 Конституции РСФСР 1918 года было определено семь категорий граждан, которые лишались избирательного права: «...лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, члены царствовавшего в России дома; душевнобольные или умалишенные, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления» [11]. Однако архивные данные свидетельствуют о существенном расширении круга лиц, подлежащих лишению избирательных прав в Симбирске. Вероятно, это связано с правотворческой деятельностью местных органов управления. В Инструкции о выборах ВЦИК 2 декабря 1918 года значилась необходимость скорейшего «удаления из советов всех тех эксплуататорских элементов, помещиков, кулаков, мироедов», лишённых недвижимого имущества в результате конфискации [14]. Никаких пояснений о конкретных категориях нормативный правовой акт не содержал. Зато спустя три года было принято Циркулярное постановление Президиума ВЦИК, которое предписывало губисполкомам разработать местные инструкции о порядке проведения выборов в соответствии с нормами дей-

ствующей Конституции РСФСР [18], что собственно и было претворено в жизнь в Симбирске.

С введением Декрета ВЦИК, СНК от 10(23) ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» принцип сословного представительства прекратил своё действие [9, с. 72]. А сословные органы местного самоуправления Симбирска и уездных городов губернии были заменены новой системой управления. По мнению И. В. Архипкина, ограниченность «горизонтальных связей, излишняя замкнутость управления на бюрократизированный центр в значительной мере способствовали быстрому разрушению местного самоуправления после событий 1917 года» [2, с. 10].

В период с 1918 по 1925 год вводилась должность Первого секретаря (Председателя) городского комитета РКП(б), с 1926 по 1952 год — ВКП(б), а в последующем — КПСС. Фактически именно Первый секретарь осуществлял деятельность по управлению городом.

Наряду с Советами в Симбирске (Ульяновске) действовал образованный в октябре 1918 года на основании Конституции РСФСР Исполнительный комитет Симбирского (Ульяновского) городского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Исполком формировался из состава депутатов местного Совета и был ответственен перед ним. Он являлся одновременно распорядительным и исполнительным органом. В первые годы советской власти в его компетенцию входили: реализация всех постановлений высших органов советской власти, принятие мер по решению хозяйственных нужд населения и культурному развитию, разрешение вопросов местного значения. В последующем функции Горисполкома были существенно расширены. К ним добавились полномочия по финансовому планированию и учёту, рассмотрению и утверждению планов городского хозяйственного и культурного строительства, рассмотрению и утверждению бюджета Ульяновска и отчета о его выполнении, руководство развитием местной промышленности и кооперации, руководство городской торговлей и общепитом, контроль за выполнением планов товарооборота, руководство подведомственным жилищным и коммунальным хозяйством, строительством, контроль за работой городского пассажирского транспорта, решение вопросов народного образования, здравоохранения, проведение санитарно-профилактических мероприятий, организация работы милиции, исполнение закона о всеобщей воинской обязанности, содействие работе суда и органов прокуратуры и т. д.

В структуру Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Симбирска (с 1924 года — Ульяновска) входили отделы. Также действовали секции, которые являлись совещательными органами, призванными распространять коллективный опыт работы трудящихся.

Согласно архивным данным, избирательных прав в Ульяновске лишались следующие категории граждан: лица, служившие в карательных органах царского строя; служители религиозного культа; лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью и состоящие на их иждивении; лица, живущие на доходы от домовладения и состоящие на их иждивении; душевнобольные; лица, занимающиеся торговлей и состоящие на их иждивении; арендаторы и состоящие на их иждивении; эксплуататоры; бывшие в Карамзинской колонии; административно высланные лица; служившие в жандармерии и полиции; охранники; лишённые права по приговору судебных органов [9, с. 10].

С введением Конституции СССР 1924 года были расширены полномочия Советов. В частности, им делегировали право разрабатывать и утверждать городские бюджеты, обеспечивать реализацию мероприятий по охране порядка и безопасности, революционной законности. Не стоит игнорировать и значение партийной системы управления, которая существенно доминировала в рассматриваемый период. В Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области хранятся материалы,

подтверждающие активную деятельность по осуществлению «чистки» партийных рядов от «элементов, её дискредитирующих в глазах трудящихся», а также пресечению фактов «злоупотребления властью и спекуляции» [3, л. 7—8].

Таким образом, форсированного перехода от дум к Советам на территории Симбирской губернии, а главным образом в Симбирске не было осуществлено. На местах выкристаллизовывалась новая концепция развития местного самоуправления, расходившаяся с устремлениями новой власти. Желание властей на местах сохранить отдельные элементы управления расходилось с желанием советской власти создать единый государственный механизм управления, в котором не нашлось места для автономии местного управления.

Обозначенная проблематика, к сожалению, не получила своего должного научного освещения в научной литературе. В то же время потребность в этом очевидна, особенно с учетом необходимости историко- и теоретико-правового анализа нормативных правовых актов, определяющих основные направления и перспективы развития местного самоуправления. Целостное научное понимание историко-правового развития местного самоуправления Симбирского-Ульяновского края — это возможность продолжить развитие конституционных норм, затрагивающих вопросы муниципального строительства, с учётом историко-культурных особенностей развития муниципалитетов.

Литература

1. Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти / А. М. Андреев. — М. : Наука, 1983. — 334 с.
2. Архипкин И. В. Формирование структур и трансформация задач местного самоуправления в России XIX — начала XX вв. / И. В. Архипкин // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 2(45). — С. 3—10.
3. ГАНИУО. — Ф. 5 (Симбирская городская комиссия по чистке РКП(б) г. Симбирска). — Оп. 1. — Д. 3. Протоколы Губернской контрольной комиссии по чистке партии Городского собрания, Инструкция председателя цензовых комиссий по проверке чистки личного состава членов РКП(б) Симбирской организации.
4. ГАУО. — Ф. 84 (Симбирское губернское по земским и городским делам присутствие МВД г. Симбирска). — Оп. 1. — Д. 1431. Дело о выборах мировых судей в городе Симбирске и утверждении мировых участков. Об организации власти в Симбирской губернии.
5. ГАУО. — Ф. 137 (Симбирская городская управа г. Симбирска). — Оп. 36. — Д. 157. Дело об избрании гласных в Симбирскую Городскую Думу на основании временных правил.
6. ГАУО. — Ф. Р-634 (Исполнительный комитет Ульяновского городского Совета народных депутатов г. Ульяновска Ульяновской области). — Оп. 1. — Д. 2. Протоколы заседаний, списки и заявления гласных Симбирской Городской Думы.
7. ГАУО. — Ф. Р-634. — Оп. 1. — Д. 20. Протоколы заседаний Горисполкома. Списки депутатов Горсовета. — Л. 17—19.
8. ГАУО. — Ф. Р-634. — Оп. 1. — Д. 239. Статистические сведения о количестве избирателей и лиц, лишенных избирательных прав, по г. Ульяновску.

9. Декреты Советской власти / под ред. Г. Обичкина, Л. Гапоненко. — Т. I. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. — 624 с.
10. Кабытов Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 г. / Н. Н. Кабытов. — Самара : Издательство «Самарский университет», 2002. — 324 с.
11. Конституция РСФСР 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 51. — Ст. 582.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 54 т. / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М. : Издательство политической литературы, 1975. — Т. 38. — 579 с.
13. Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. — 1918. — № 86. — Ст. 901.
14. Постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. — 1 мая 1917 г. — № 95. — Ст. 529. — С. 805—832.
15. Провинциал в Великой Российской революции. Симбирская губерния в январе 1917 — марте 1918 гг. : сборник документов / отв. ред. Н. В. Липатова, отв. сост. А. В. Кобзев, Н. В. Липатова. — Ульяновск, 2017. — 384 с.
16. Сборник указов и постановлений Временного правительства. — Вып. 2. 5 мая — 24 июня 1917 г. — 1918. — Ч. 1. — 698 с.
17. Точёный Д. С. Симбирск и симбиряне в 1917 г. : хрестоматия / Д. С. Точёный, Н. Г. Точёная. — Ульяновск : УлГУ, 2004. — 77 с.
18. Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки Съездов Советов» // СУ РСФСР. — 1921. — № 11. — Ст. 72.

SIMBIRSK CITY DUMA: ON THE WAY TOWARD ADVICE IN THE CHANGING TIMES

N. N. Okutina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

ocutina@mail.ru

The results of the reform of the municipal administration system in Russia indicate that the key objectives of the reforms have not been achieved. There is no doubt that it is only possible to develop an effective system of administration through the lens of historical experience. In this article, the author examines the issues of reforming the system of local administration in the territory of the provincial Simbirsk during the period of revolutionary transformations. The article demonstrates the stable position of city government at the beginning of the XX century, which in a few years became very mature in political terms, local government bodies, and were subsequently eliminated. Nevertheless, the Simbirsk City Duma during the hard times demonstrated a firm position on the further development of the city and its administration. The research is based not only on legal sources, but also on reviews of the practical activities of local government bodies that they have at their disposal.

The history of the local city government is of great interest, both theoretical and practical. It is particularly important with consideration to the current problems of further development of local government.

Key words: local government, city administration, Simbirsk province, revolution, soviets, city Duma.

References

1. Andreev A. M. (1983) *Mestnye Sovety i organy burzhuanoy vlasti* [Local city councils and bodies of bourgeois authority]. Moscow: Nauka, 334 p.
2. Arkhipkin I. V. (2009) *Formirovaniye struktur i transformatsiya zadach mestnogo samoupravleniya v Rossii XIX — nachala XX vv.* [Structures formation and transformation of local government objectives in Russia in XIX — beginning of XX centuries]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2(45), p. 3—10.
3. GANIUO. F. 5 (Simbirskaya gorodskaya komissiya po chistke RKP(b) g. Simbirskaya [Simbirsk city commission on the purge of the Russian Communist Party of Simbirsk]). Op. 1. D. 3. *Protokoly Gubernskoy kontrolnoy komissii po chistke partii Gorodskogo sobraniya, Instruksiya predsedatelya tsenzovykh komissiy po proverke chistki lichnogo sostava chlenov RKP(b) Simbirskoy organizatsii* [Protocols of regional commission on the purge of City assembly party, Instruction of the chairman of census commissions on the control of the purge of the Russian Communist Party personnel of Simbirsk organization].

4. GAUO. F. 84 (Simbirskoe gubernskoe po zemskim i gorodskim delam prisutstvie MVD g. Simbirsk [City regional on zemstvo and city issues]). Op. 1. D. 1431. Delo o vyborah mirovyh sudey v gorode Simbirsk i utverzhdenii mirovyh uchastkov. Ob organizatsii vlasti v Simbirskoy gubernii [Case over the election of magistrates in the city of Simbirsk and the adoption of magistrate districts. Power organization in Simbirsk orvince].
5. GAUO. F. 137 (Simbirskaya gorodskaya uprava g. Simbirsk [Simbirsk city administration]). Op. 36. D. 157. Delo ob izbranii glasnykh v Simbirskuyu Gorodskuyu Dumu na osnovanii vremennykh pravil [Case over the election of councilors in Simbirsk City Duma on the ground of temporary rules].
6. GAUO. F. R-634 (Ispolnitelnyy komitet Ulyanovskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov g. Ulyanovskaya Ulyanovskoy oblasti [Executive committee of Ulyanovsk city council of people's deputies in the Ulyanovsk region]). Op. 1. D. 2. Protokoly zasedaniy, spiski i zayavleniya glasnykh Simbirskoy Gorodskoy Dumy [Journals, lists and claims of Simbirsk City Duma councilors].
7. GAUO. F. R-634. Op. 1. D. 20. Protokoly zasedaniy Gorispolkoma. Spiski deputatov Gorsoвета. L. 17—19 [Journals of Executive Committee of the City Soviet of People's Deputies. Lists of deputies of the city council].
8. GAUO. F. R-634. Op. 1. D. 239. Statisticheskie svedeniya o kolichestve izbirateley i lits, lishennykh izbiratelnykh prav po g. Ulyanovsku [Statistical information on the amount of the voting public and nonvoters of Ulyanovsk].
9. Obichkin G., Gaponenko L. (1957) Dekrety Sovetskoй vlasti [Decrees of Soviet Power. Vol. I]. Moscow: Gos. Izdatelstvo politicheskoy literatury, 624 p.
10. Kabytov N. N. (2002) Vlast i obshchestvo Rossiyskoy provintsii v revolyutsii 1917 g. [Power and society of Russian province during the revolution of 1917]. Samara: "Samarskiy universitet", 324 p.
11. Konstitutsiya RSFSR 1918 g. [Constitution of RSFSR 1918. N 51. Article 82].
12. Lenin V. I. (1975) Polnoe sobranie sochineniy: v 54 t. [Collected works in 54 volumes. Issue 5]. Izdatelstvo Politicheskoy literatury: Moscow, Vol. 38, 579 p.
13. Postanovlenie VCIK Sovetov ot 2 dekabrya 1918 g. "O poryadke vyborov volostnykh i selskikh Sovetov (Instruktsiya)" [VTsIK councils decree from 2 December 1918 "On the procedure for elections of volost and village councils"]. SU RSFSR, 1918, N 86. St. 901.
14. Postanovlenie "O proizvodstve vyborov glasnykh gorodskikh dum i ob uchastkovykh gorodskikh upravleniyah" ot 15 aprelya 1917 g. [Decree "On the procedure for the elections of city dumas councilors and on the district city administrations]. Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitelstva, izdavaemoe pri Pravitelstvuyushchem senate. Department I, 1 May 1917. N 95. St. 529. p. 805—832.
15. Kobzev A. V., Lipatova N. V. (2017) Provintsial v Velikoy Rossiyskoy revolyutsii. Simbirskaya guberniya v yanvare 1917 — marte 1918 gg. [Provincial in Great Russian Revolution. Simbirsk province in January 1917 — March 1918]. Collected documents. Ulyanovsk, 384 p.
16. Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitelstva [Collection of decrees and provisions of temporary government. Issue 2. May 5 — January 24 1917]. P. 1, 1918, 698 p.
17. Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. (2004) Simbirsk i simbirskane v 1917 g. [Simbirsk and Simbirsk citizens in 1917: chrestomathy]. Ulyanovsk, UIGU, 77 p.
18. Tsirkulyarnoe postanovlenie Prezidiuma VCIK ot 8 fevralya 1921 g. "O regulyarnykh perevyborah Sovetov i o sozyve v ustanovlennyye sroki Syezdov Sovetov" [Circle provision of the Presidium VTsIK from 8 February 1921 "On the regular reelection of councils and the convention of councils as per schedule"]. SU RSFSR, 1921, N 11. St. 72.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Г. М. Сафина

Ульяновский
государственный
педагогический
университет
имени И. Н. Ульянова
(г. Ульяновск, Россия)
gms73@inbox.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ И РАБОТОДАТЕЛЯМИ

В статье рассматриваются социально-трудовые отношения в организации, которые представляют собой сложный комплекс социально-экономических и психофизиологических процессов, порождающих возникновение объективных и субъективных, внутренних и внешних противоречий, причем глобальная автоматизация и роботизация трудового процесса, активная миграция дешевой рабочей силы играют непростую роль. Экономическая наука призвана осмысливать, находить пути к разумному использованию природных и человеческих ресурсов с наибольшей пользой для общества, она не просто описывает экономические явления, но и показывает причинно-следственные закономерности, пути решения и позволяет сделать правильный выбор во многих жизненных ситуациях.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, глобальная автоматизация, наемный работник, монополизация, заработная плата.

Традиционно любой социум характеризуется как комплекс межличностных взаимоотношений, в составе которых лежат общие (но не всегда идентичные по своей интерпретации) для всех людей интересы. Здесь мы говорим и о структуре хозяйственной деятельности, значит, и о культурно-этической системе, а следовательно, и о политическом устройстве и т. д. Историческая практика показывает, что отправной точкой для формирования всех вышеуказанных основ любого общества являются человеческие потребности и возникающие в их результате задачи, вокруг которых консолидируется человеческая масса. Однако разногласия в такого рода целеполагании зачастую приводят людей к конфликтным ситуациям, обостряют отношения между отдельными личностями, сторонниками конкретных программ и защитниками определенных ценностей. Важно отметить, что данные конфронтации имеют обыкновение возникать в качестве реакции на острый общественный кризис, подрывающий стабильное функциониро-

вание общественного организма. Такие ситуации приводят социум к необходимости вырабатывать и реализовывать подходы к купированию (зачастую силовому) возникающих угроз.

Таким образом, опираясь в нашей работе на экономику как науку по рациональному использованию ресурсов в условиях их строгой ограниченности, мы попытаемся проанализировать работу трудового коллектива и выявить потенциально опасные для его нормальной работы ситуации. Иногда экономическую науку называют «мирской философией»: она обращена к проблемам повседневной жизни людей и стремится осмысливать их систематически и научными методами [5].

Приведем пример объяснения такого социального явления, как возникновение социального конфликта (забастовки, стачки) как противостояния между работниками и работодателями, с позиции экономической теории.

Конфликт собственников капитала и наемных работников существовал во все времена.

В постиндустриальном обществе, как предполагает ряд исследователей, он теряет свою остроту, но, по мнению других авторов, наличие противоречия экономических интересов во взаимодействии работника и работодателя не перестало существовать. Кроме того, появился еще ряд существенных причин, усиливающих роль этого конфликта, таких как глобальная автоматизация и роботизация трудового процесса, активная миграция дешевой рабочей силы [3].

Рассмотрим основные положения этого процесса. Исходя из признаков, рассматривающихся в сфере социально-экономических отношений, работодатель — это:

— во-первых, собственник средств производства;

— во-вторых, лицо (физическое или юридическое), получающее предпринимательский доход;

— в-третьих, лицо, заключающее с работником договор об использовании его труда как совокупности умственных и физических способностей.

Основная цель лица, получающего предпринимательский доход, — это максимизация прибыли или, по крайней мере, ее уровень, достаточный для эффективной деятельности предприятия.

Наемный рабочий не состоит в отношениях собственности со средствами производства, а лишь получает заработную плату за его эксплуатацию. Таким образом, с точки зрения экономики максимизация заработной платы и минимизация трудового вклада в производство для рабочего является основополагающей задачей.

Что такое «заработная плата» для работодателя? Это издержки, которые, согласно закону о максимизации прибыли, необходимо сокращать. Сам работник и его труд — это средства производства, создающие доход предпринимателя; очевидно, что чем больше, «производительнее» работник работает, тем выше доход нанимателя [2].

Иначе говоря, совершенным типом наемного рабочего для работодателя является тот, который трудится бесконечно и бесплатно. Напротив, идеальным работодателем для работника будет тот, который много платит и не требует ничего взамен. Посему любой трудовой договор в любой компании есть баланс между этими двумя установками, где достижение консенсуса есть главная цель перед началом трудовых отношений.

По определению А. И. Рофе, «рынок труда — это составная часть структуры рыночной

экономики, которая функционирует в ней наряду с другими рынками: сырья, материалов, товаров народного потребления, услуг, жилья, ценных бумаг и др.» [1, с. 12].

Теоретический фундамент учения о рынке труда был заложен представителями классической школы экономической науки. Так, основой учения шотландского экономиста Адама Смита (1723—1790) был тезис о свободной конкуренции как условии оптимального использования материальных, финансовых и людских ресурсов. Другой представитель классической школы — английский экономист Давид Рикардо (1772—1823) обосновал положение о зависимости размеров заработной платы от предложения труда. Современник Д. Рикардо — французский экономист Жан Батист Сэй (1767—1832) сформулировал рыночный закон взаимодействия спроса и предложения и достижения на этой основе равновесной цены на предмет купли-продажи, в том числе и на труд. В конце XIX и XX века теория рынка труда предстала в исследованиях таких выдающихся ученых-экономистов, как Альфред Маршалл (1842—1924), Джон Мейнард Кейнс (1883—1946), Пол Энтони Самуэльсон (1915—2009) и другие. Свой вклад в исследование проблем рынка труда внесли современные российские ученые И. Е. Заславский, Р. И. Капелюшников, С. А. Карташов, А. Э. Котляр, С. А. Кузьмин, И. С. Маслова, А. А. Никифорова, Ф. Т. Прокопов, Г. Г. Руденко и другие.

Многие социологи, экономисты и философы современности сходятся в едином мнении на предмет статуса работника в современной экономике. Его положение характеризуется не иначе как «товар», ценой которого выступает «заработная плата».

Законы экономики гласят, что цена на наемный труд состоит из соотношения спроса на такую форму труда и встречного предложения. Поэтому в теории взаимовыгодное соглашение достигается за счет удовлетворения спроса на работу со стороны наемного рабочего и спроса на труд со стороны работодателя.

На практике любой рынок, в том числе и рынок труда, в определенной степени монополизирован.

Монополизация может быть представлена со стороны работодателя — покупателя рабочей силы. В этом случае речь идет о монополии — рынке, где функционирует один крупный покупатель. Как пример можно привести «градообразующее» предприятие, крупное предприятие в небольшом населенном пункте. К чему стремится фирма-монополия? К минимизации цены.

Потенциальные наемные работники в этом случае вынуждены работать «за копейки» или искать работу в соседних регионах [4].

Монополизацию со стороны наемного работника представить сложнее.

В первом случае, скорее, можно говорить о человеке, обладающем уникальными способностями, редкими знаниями. Чтобы нанять такого на работу и, более того, удержать его, работодатель готов платить заработную плату выше (иногда значительно выше) среднерыночной. Но таких примеров немного.

Второй случай монополизации со стороны наемных работников — это создание крупного объединения, организации, которая будет защищать и продвигать (а иногда и навязывать) свои интересы, например, организация профсоюзов или организация забастовок с целью повышения зарплаты [6].

Рассмотрим данное явление на основе законов экономики. За пример возьмем майские забастовки пилотов скандинавских авиалиний (SAS), которые продолжались 7 дней. В авиа-

компаниях работают 1,3 тысячи пилотов, которые требовали повышения зарплаты на 13 %. В авиакомпании также было 200 вакантных мест пилотов, средняя зарплата — около 9000 долларов. Компания предлагает повышение в пределах 2,3 %. По требованиям пилотов, средняя зарплата должна быть 10 170 долларов, по предложению компании — 9315 долларов.

По статистическим данным, собранным согласно резюме пилотов по их ожиданиям размера зарплаты, и по предложениям авиакомпаний ситуация выглядит следующим образом: желающих работать за 8000—9000 долларов примерно 500 пилотов, за 9500 — 700 человек, за 10000 согласны работать 1000 пилотов, за более высокую зарплату — более 2500 человек. Эта ситуация проиллюстрирована на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, равновесная зарплата пилотов, согласно экономическим законам, находится в районе 9400 долларов, что составляет повышение на уровне 3,8 %. Законы экономики сработали — в результате договоренности зарплата пилотов была увеличена на 3,5 %.

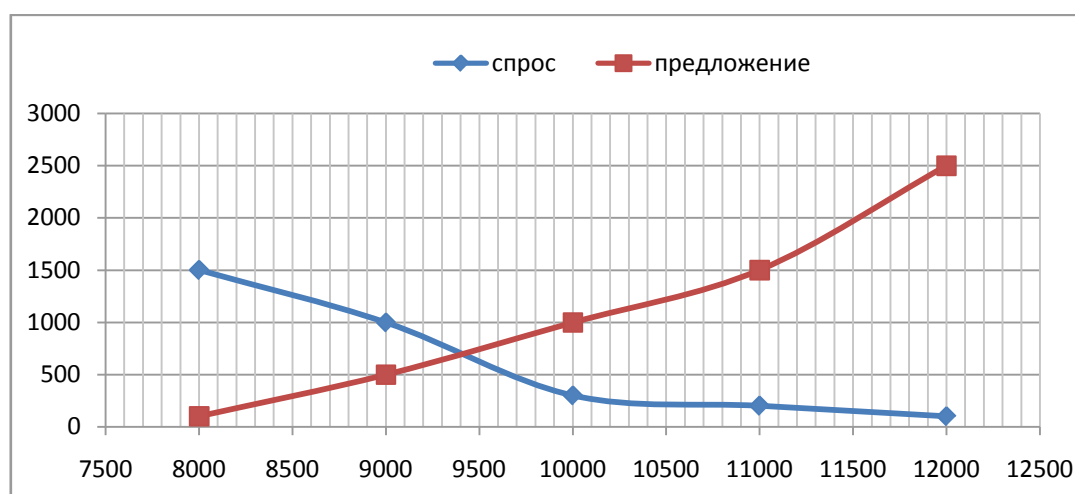

Рисунок 1. Спрос и предложение на рынке труда пилотов

Компания вследствие забастовки потеряла 1,06 млрд долларов и репутацию надежности, увеличение издержек для SAS составило почти 100 миллионов крон (€10.74 млн, \$12 млн).

В данном случае забастовка являлась примером монополизации рынка труда со стороны наемных работников, которые, добиваясь увеличения заработной платы (w) с уровня w_1 до уровня w_2 , могут воздействовать на предложение (S) с целью его уменьшения, что приведет к смещению графика из положения S_1 в положе-

ние S_2 (верхняя часть рисунка 2). Кроме увеличения заработной платы, на практике этот способ воздействия приведет также к снижению спроса на труд (DL), а это и рост безработицы, и обострение социальных конфликтов [7].

Есть и другой путь роста заработной платы — это стимулирование спроса на труд (нижняя часть рисунка 2).

Каким образом можно этого достигнуть? Очевидно, что спрос на труд является производным от спроса на рынке товаров и услуг.

Чем больше потребность в произведенном продукте, тем выше спрос на рабочую силу.

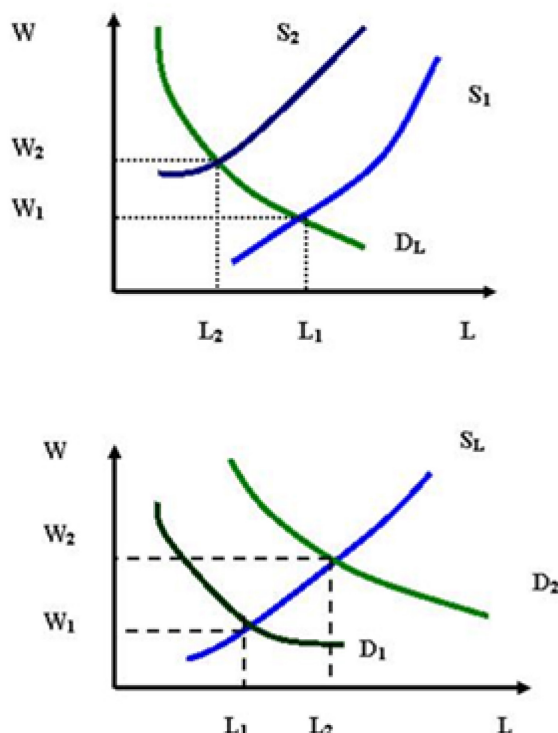

Рисунок 2. Влияние требования повышения зарплаты в ультимативной форме на спрос и предложение на рынке труда

Авиакомпании нужно развивать новые направления, новые виды перевозок и т. д. Следствием этого будет не только увеличение заработной платы, но и рост потребности в рабочей силе, создание новых рабочих мест.

Казалось, что ситуация успокоится и все вернется на уровень до 2015 года: даже в первой половине 2019 года показатели не выходили за пределы привычной динамики. Но начиная с сентября количество трудовых протестов стало резко расти, а за последние четыре месяца состоялось больше выступлений работников, чем за предыдущие восемь месяцев, в том числе 68 протестных акций только в одном октябре (из них 30 — это забастовки). Итог прошлого года — 403 протеста, один из самых высоких результатов десятилетия!

Количественный рост сопровождался двумя структурными сдвигами. Во-первых, лидерами протестов стали медики — 27 % всех акций состоялись в здравоохранении, и они опередили лидеров прежних лет, промышленность и транспорт. Протестность сместилась из неформального сектора в бюджетный. Во-вторых, изменилась структура причин. Значимость причины — чем-

пиона прошлых лет — невыплат — резко уменьшилась, и на первое место вышло недовольство низкой зарплатой (почти 40 % от числа всех акций).

Главный вклад в рекордное число внесли медики (58 %). Основная причина — невыплаты обещанных денег за работу с вирусными больными. Особую активность проявили медики из малых городов, районных центров, где раньше и не слышали ни о каких протестах. Видеофлешмоб оказался не просто новым, но весьма эффективным форматом. После публикации роликов в глубокую провинцию для урегулирования проблемы стали приезжать губернские начальники, активизировались прокуратура и следственный комитет.

Общая оценка ситуации за последние десять месяцев такова: число трудовых протестов растет, причем растет неравно, большими скачками. Меняется структура причин, лидерство переходит от одной отрасли к другой, появляются новые формы протеста, активность проявляют не только большие города, но и глубокая провинция. Большинство протестов спонтанные, а роль профсоюзов и правового регулирования невелика.

Есть все основания говорить о значительном росте напряженности в сфере труда. Видна многомесячная повсеместная спонтанная активность, вызванная разными причинами и проявляющаяся в разных формах. Но главное то, что в стране не создана и не планируется разработка новой адекватной правовой процедуры урегулирования трудовых конфликтов. А перспективы выглядят тревожно: безработица растет, предприятия или закрываются, или сокращают работников, доходы падают. Нетрудно предположить, что конфликтов будет больше, хотя и не все они перерастут в открытые протесты.

Президент РФ и Правительство внесли изменения в законодательство в связи со сложившейся ситуацией. 21 июля 2020 года Президент РФ В. Путин подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [8]. 21 июля 2020 года Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы» [9].

Изучение больших конфликтов показывает, что они возникают, когда количество мелких и локальных конфликтов достигает некой критической точки, после которой события развиваются лавинообразно, и их не может остановить никто.

Литература

1. Рофе А. И. Рынок труда : учебник / А. И. Рофе. — М. : КНОРУС, 2018. — 260 с.
2. Корейчук Б. В. Рынок труда: учебник / Б. В. Корейчук. — М. : Юрайт, 2019. — 263 с.
3. Рофе А. И. Экономика труда : учебник / А. И. Рофе. — М. : КНОРУС, 2010. — 400 с.
4. Смоленская С. В. Рынок труда: управление человеческими ресурсами : учебное пособие / С. В. Смоленская. — Ульяновск : УлГТУ, 2014. — 80 с.
5. Корейчук Б. В. Рынок труда : учебник для академического бакалавриата / Б. В. Корнейчук. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — 287 с.
6. Маховикова Г. А. Экономическая теория : учебник и практикум для академического бакалавриата / Г. А. Маховикова, Г. М. Гукасян, В. В. Амосова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2015. — 443 с.
7. URL: www.industrialconflicts.ru.
8. URL: <http://kremlin.ru>.
9. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

**ECONOMIC CAUSE OF LABOR CONFLICTS
BETWEEN EMPLOYEES AND EMPLOYERS****G. M. Safina**

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia)

gms73@inbox.ru

The article examines social and labor relations in an organization, which are a complex of socio-economic and psychophysiological processes that give rise to the emergence of objective and subjective, internal and external contradictions. Moreover, global automation and robotization of the labor process, active migration of cheap labor plays a problematic role. Economic science is meant to comprehend, to find ways to the rational use of natural and human resources with the greatest benefit for society, it not only describes economic phenomena, but also shows cause and effect patterns, solutions and allows you to make the right choice in many life situations. Social and labor relations in an organization are a complex of socio-economic and psychophysiological processes that give rise to the emergence of objective and subjective, internal and external contradictions.

Key words: social and labor relations, global automation, employee, monopolization, wages.

References

1. Rofo A. I. (2018) Rynok truda [Labour market: textbook]. Moscow: KNORUS, 260 p.
2. Koreychuk B. V. (2019) Rynok truda [Labour market: textbook]. Moscow: Yurajt, 263 p.
3. Rofo A. I. (2018) Ekonomika truda [Labour economics: textbook]. Moscow: KNORUS, 400 p.
4. Smolenskaya S. V. (2014) Rynok truda: upravlenie chelovecheskimi resursami [Labour market: human resources management: study guide]. Ulyanovsk: UIGTU, 80 p.
5. Koreychuk B. V. (2016) Rynok truda [Labour market: study guide for academic Bachelor's program]. Moscow: Yurajt, 287 p.
6. Makhovikova G. A., Gukasyan G. M., Amosova V. V. (2015) Ekonomicheskaya teoriya [Economics theory: study guide for academic Bachelor's program]. Moscow: Yurajt, 443 p.
7. URL: www.industrialconflicts.ru.
8. URL: <http://kremlin.ru>.
9. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. К. Ишкинйева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
liya.ishkinyayeva.73@mail.ru

«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» С. Т. АКСАКОВА В СВЕТЕ РОМАННОЙ И МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII СТОЛЕТИЯ

В статье раскрывается вопрос о системном наследовании С. Т. Аксаковым традиций XVIII столетия, о многообразии преемственных связей писателя с творчеством его предшественников. Исследуются связи мемуарно-автобиографической прозы Аксакова с предшествующей словесностью, устанавливаются традиции сентиментализма в мемуарной и автобиографической прозе Аксакова. В русских мемуарах складывались признаки исторического, социально-нравственного, психологического, воспитательного романа. В мемуарно-автобиографическом жанре сплетаются воедино непредсказуемость судьбы и возможности человеческой личности, ее чувство собственного достоинства и неутомимая сила обстоятельств, в результате чего создается многообразная, сложная и бесконечно интересная, неисчерпаемая по своим смыслам картина эпохи, появляется портрет героя времени. Композиционные и стилевые особенности автобиографической прозы С. Т. Аксакова и его «Семейной хроники» во многом определены не только предшествующей мемуарной традицией, но и литературой сентиментализма, в частности, жанрами автобиографической повести и семейного романа. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, являющаяся во многом продолжением мемуарной литературы XVIII века (и — глубже — летописной), вобрала в себя также иные традиции, связанные уже с роман-ным жанром.

Ключевые слова: С. Т. Аксаков, хроника семьи, наследие, роман, традиция, мемуарно-автобиографический жанр, композиция, литература, преемственные связи, сентиментализм, семейные записки, пасторальная проза.

Изучение жанровой природы «Семейной хроники» затрагивает саму сущность аксаковского творчества. И прижизненная критика, и позднейшие исследования нередко усматривали главное достоинство аксаковских произведений в фактографичности, достоверности их содержания, видели в них подлинную летопись прошлого, исторический документ.

В то же время «документальную» трилогию С. Т. Аксакова ни в коем случае нельзя воспринимать только как «эго-документ»: определяющую роль в ней играет не столько стихия *воспоминания*, сколько стихия *предания*, — отмечает В. А. Кошелев. — Именно благодаря этой

стихии автор приоткрывает перед нами тот мир человеческих взаимоотношений, который, кажется, уже утрачен. Для воссоздания его нужен не просто художественный дар, но и особые нравственные качества, и особенная, от веков сохраненная психология семейного предания» [19, с. 21—22]. Читателя не покидает установка на подлинность, а между тем с момента появления «Семейной хроники» сформировалась существующая и поныне традиция прочтения ее как художественного произведения.

Хотя сегодня можно встретить немало работ, где затрагиваются психолого-педагогические,

лингвистические, этнографические, культурологические и т. п. аспекты творчества С. Т. Аксакова, в литературоведении на первый план выходит художественная природа его сочинений.

Основываясь на этом, необходимо уяснить, с какой именно литературной, жанрово-стилевой традицией связаны «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

Добролюбов Н. А. ценил книги Аксакова как «простоудушно правдивые воспоминания», а не как художественные творения, укоряя при этом писателя в недостатке объективности, в идеализации прошлого, в подчеркивании патриархальной стороны отношений, в архаических симпатиях и т. п. «...Талант г. Аксакова слишком субъективен для метких общественных характеристик, — писал Добролюбов, — слишком полон лиризма для спокойной оценки людей и произведений, слишком наивен для острой и глубокой наблюдательности» [10, с. 452—453].

Добролюбовская оценка во многом обусловлена тем, что он рассматривает сочинения Аксакова в контексте русской сатирической литературы XVIII века, в соотнесенности не с «Детским чтением для сердца и разума», а с сатирическими журналами Н. И. Новикова, с документальной прозой [28, с. 63], тогда как «Семейная хроника» Аксакова тяготеет к эпическим жанрам.

Современные работы об Аксакове указывают на его связь с библейской, мифологической, древнерусской традицией. Н. Г. Николаева рассматривает «Семейную хронику» в контексте семейных записок XVIII—XIX веков. П. М. Тамаев пишет о стиле древнерусских памятников «Поучения» Владимира Мономаха и «Домостроя» в «Семейной хронике» [27, с. 61—71], отмечая при этом, что в памятниках древнерусской литературы («Поучение Владимира Мономаха») авторы обозначают судьбинный момент своего возраста, побудивший их взяться за перо. Жизненная ситуация рождает отцовское, духовное, княжеское слово, которое заключает в себе чувство печалования и заботы об остающихся без главы Дома. Слово в подобных повествованиях обращено к детям, ко всем подданным, современникам и потомкам. Произведение Владимира Мономаха исторично и, что самое главное, автобиографично. Автобиографизм поучения Мономаха состоит не только в словесных назиданиях, но и в воссоздании картин собственной жизни, поступков, деяний. Проза С. Т. Аксакова также автобиографична, адресована потомкам, в этом смысле ее можно уподобить произведениям древнерусского искусства.

Наибольший интерес в избранном аспекте представляет литературная традиция XVIII столетия. Именно в это время в России создаются предпосылки для утверждения мемуарно-биографических жанров, получивших общее название «записок». От десятилетия к десятилетию все глубже постигается взаимосвязь человека и истории, подготавливается появление русского реалистического романа XIX столетия — вершинного достижения мировой литературы.

Идеалы эпохи, отразившиеся в поэтике классицизма, «внимание к логике душевных движений, идея "личного благородства" обращали взгляд человека на самого себя» [23, с. 241]. В записках людей XVIII столетия просматривается нарастающее стремление осознать собственную индивидуальность, проследить ее становление, понять и исполнить свое общественное назначение, желание высказать свою оценку тех или иных событий, процессов, явлений, запечатленных в памяти. Князь Вяземский писал, что он «большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы... за несколько томов записок, за несколько несторских летописей тех событий, нравов и лиц, коими пренебрегает история» [7, с. 418].

Записки людей середины XVIII столетия поражают смешением событий разных масштабов и уровней — в жизни человека и государства. Так, в «Записках» В. А. Нащокина читаем: «1741. В том же году Июля 30, на первом часу дня родилась вторая у меня дочь Елисавет...

Того же году Августа 15 дня объявлена против Швеции война».

Или: «В начале 1743 года Государыня изволила быть в Петербурге.

В том же году Июня 18 дня во 2 часу дня родился у меня второй сын Петр...» и т. д. [17, с. 345].

«Записки» Я. П. Шаховского показывают состояние человека, на индивидуальную судьбу которого резко влияли быстротечные перемены в столице, «чехарда на троне».

Жизнь И. И. Неплюева, им самим описанная, уже отличается глубоким пониманием взаимосвязи человека и эпохи. Будучи воистину героем своего (петровского) времени, он понимал свою принадлежность именно к этому периоду российской истории. Когда Екатерина II не соглашалась уволить его от службы, прежде чем он не представит ей вместо самого себя другого с такими же достоинствами, Неплюев отвечал ей: «Нет, Осударыня (так! — Л. И.), мы Петра Великого ученики; проведены им сквозь огонь и воду; иначе воспитывались, иначе мыслили и вели се-

бя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться» [18, с. 87].

Сквозной темой целого ряда произведений мемуарно-биографического жанра становится просвещение и воспитание дворянства. Актуализирующаяся при этом проблема учителя приобретает порой гротесковые формы, демонстрируя иллюзорность надежд на преобразование общества, на формирование молодого поколения в духе просветительских идеалов.

Состояние домашнего образования и специальных учебных заведений после петровских реформ, нравы мелкого и среднего дворянства и купечества передает М. В. Данилов. Он обрисовывает довольно типичную ситуацию, сложившуюся во время его обучения в артиллерийской школе, где преподавателем математики был назначен некто Алабушев, содержащийся тогда «в смертном убийстве третий раз под арестом». «Видно, — замечает мемуарист, — что тогда был великий недостаток ученых людей в артиллерии, когда принуждены были взять и определить в школу учителем колодника и смертоубийцу» [13, с. 342].

Подобно этому, об учителе немецкого языка — сосланном в каторгу дворянине — рассказывает Г. Р. Державин, а о старой французенке-гувернантке, любительнице русской водки, сообщает в своих «Воспоминаниях» С. В. Капнист-Скалон.

Проблеме воспитания в 60—70-е годы XVIII века придавалось принципиальное значение. Новое поколение должно было быть подготовлено к более совершенной жизни, но оставшиеся свидетельства разительно контрастируют с утопическими замыслами русских просветителей, внося существенные коррективы в их концепцию мира и человека.

Свойственное русским мемуаристам желание нравственной пользы привело Д. И. Фонвизина в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» к принципиальному отказу от сатиры и актуализировало жанры проповеди и поучения. Заявленное как исповедь (в христианском понимании), произведение приобрело черты дидактических, учительных жанров, а сама эволюция писателя от сатирика к проповеднику, а также соединение исповеди и проповеди, поучение самораскрытием предсказали во многом направление духовных (и жанровых) поисков художников XIX столетия, прежде всего Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого.

Особая заслуга принадлежит известному мемуаристу А. Т. Болотову, который, обратив-

шись к эпохе своего детства, нарисовал широкую картину жизни русского провинциального дворянства XVIII века, «передал неповторимую атмосферу родительского дома, раскрыл индивидуальность своего “я” в раннем возрасте» [29, с. 10—11].

Если для первых русских мемуаристов конца XVII — начала XVIII века (А. А. Матвеев, И. А. Желябужский) главными были те события, свидетелями которых они оказывались, а не воспроизведение собственного жизненного пути (своеобразное продолжение русской летописной традиции), то у Д. Б. Мертваго, создававшего свои «Записки» в первой четверти XIX века, стержнем воспоминаний становится его собственная жизнь, его судьба, его личность, складывающаяся в непосредственном взаимодействии с историческими обстоятельствами и с идеалами эпохи [25, с. 1—18].

Первая глава «Записок» («Пугачевщина») появилась в «Русском вестнике» в 1857 году («Семейная хроника» вышла в 1856-м). Хранитель рукописи В. П. Безобразов обратился к С. Т. Аксакову с просьбой сообщить все то, что было лично известно ему о своем крестном отце, которого Аксаков называл «одним из достойнейших людей прошедшего времени» [6].

В духе XVIII столетия «Записки» Д. Б. Мертваго проникнуты идеалом добродетели, чистой совести и гражданского служения отечеству. Важнейшим фактором формирования личности мемуариста стали здесь исторические потрясения последней трети минувшего века. Публикатор «Записок» П. И. Бартенев писал: «...характер Д. Б. Мертваго, без сомнения, образовался под влиянием тех ужасов, которые суждено было ему испытать 11 лет от роду. Но в то же время честь веку, когда могли действовать такие непоколебимые, ничем не подкупные люди <...>. Записки написаны по дружескому совету Г. Р. Державина: сходство в характерах и в направлении обоих этих людей очевидно» [14, с. 335—336].

Русская мемуаристика XVIII — первой четверти XIX века насыщена крупными историческими событиями, чего нельзя сказать о воспоминаниях С. Т. Аксакова. Так, например, в 1807 году, когда уже шла решительная война с Наполеоном, по всей России впервые учредилась милиция; студенты и вообще молодежь оставляли университет и поступали в действующую армию, в том числе друг Аксакова Александр Панаев и его старший брат Иван Панаев. «Краснея, признаюсь, что мне тогда и в голову не приходило “лететь с мечом на поле брани...”», —

сообщает мемуарист [1, с. 161]. Но раскаяния в этом писатель не испытывает: с восторгом и упоением отправляется он в деревню, где ждали его «весна, охота, природа...», впервые увиденный и почувствованный им прилет птицы, который затмил совершенно на ту пору для Аксакова и «войну с Наполеоном, и университет с товарищами» [1, с. 163].

И в дальнейшем писатель не изменил себе. Е. И. Анненкова, со ссылкой на архивные материалы, цитирует письмо С. Т. Аксакова от 27 февраля 1848 года, вызванное революционными событиями во Франции: «Время у нас по-прежнему совершенно летнее... с каждым днем больше хочется в деревню, тем более что политические новости мне надоели и потеряли для меня свой окончательный интерес», и от 21 апреля того же года: «...Я уже совершенно оторвался от жизни московской и от всех ее важных и неважных, даже от любимых мною. Я весь перенесся теперь в совершенно другую сферу: в деревню, к природе, к ее возрождающей красоте! Мне в такой степени все другое сделалось чуждо и постыло, что иногда мне бывает стыдно моего равнодушия...» [2, с. 9—10].

«Семейная хроника» в большей мере связана с семейными записками (записки А. Т. Болотова, И. М. Долгорукова, М. В. Данилова, И. И. Дмитриева и др.). «Главное в семейных записках — это изображение истории семьи, охватывающей несколько поколений (а не только судьбу самого повествователя) и показанной в аспекте частной, внутрисемейной, домашней жизни» [21, с. 64—82]. Причем «автор старается вписать свой текст в существующую жанровую систему. "Записки" А. Т. Болотова названы "Жизнь и приключения А. Т. Болотова, писанные самим им для своих потомков", и И. М. Долгорукова — "Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни"» [21, с. 64—82].

Уже первые читатели «Семейной хроники» почувствовали и отметили не столько документальную, сколько художественно-обобщенную природу аксаковского творения. «В "Семейной хронике" С. Т. Аксаков оказывается по большей части совсем не летописцем, а полным и совершенным творцом типов и характеров, как любой повествователь или романист», — писал П. В. Анненков, подчеркивая, что аксаковские образы созданы «по законам художественности и свободного творчества» [3, с. 1], и считая «Семейную хронику» «чисто литературным произведением» [3, с. 2].

Единство исторического материала и его художественной обработки, знания природы и

художнического ее описания отмечал критик С. С. Дудышкин [11, с. 72]. «В Хронике материал был представлен не только с исторической верностью, но и в форме, способной удовлетворить художественным требованиям читателя», — писал рецензент А. В. Станкевич [26, с. 339].

Историк русского права Ф. М. Дмитриев в своих отзывах о сочинениях Аксакова отмечал психологизм писателя («способность проникать в самые скрытые изгибы человеческого сердца» [9, с. 465, 467]) и лиризм его природоописаний.

Аксаков называет свое повествование хроникой, но «не стремится, однако, придать повествованию идеальную последовательность и завершенность» [2, с. 28]. Его задача иная — передать эпизоды, характеризующиеся максимальным чувством полноты бытия.

«Многочисленные вставные рассказы о бывших ранее событиях, отсылки к будущим, эллипсы, обнаруживаемые в повествовательной структуре "Семейной хроники", позволяют утверждать, что повествователь все-таки не просто следует за ходом событий, он "сворачивает" одни сюжеты, иные, наоборот — развивает, он выделяет одни эпизоды, сопоставляет их с иными из прошлого и будущего, пропускает ряд событий, тем самым выстраивая некий сюжет "Семейной хроники", и в этом смысле название "хроника" оказывается формальностью» [21].

«Семейная хроника» С. Т. Аксакова, являющаяся во многом продолжением мемуарной литературы XVIII века (и — глубже — летописной), вобрала в себя также иные традиции, связанные уже с романом жанром. Н. Г. Николаева, рассматривающая «Семейную хронику» в контексте традиции мемуарных семейных записок XVIII—XIX вв., отмечает, что здесь «происходит трансформация нарративной структуры в сторону ее большей организованности, что позволяет говорить о процессе романизации документального жанра в "Семейной хронике" С. Т. Аксакова» [21].

Как отмечает А. А. Чуркин, к середине XIX века сформировалось множество разновидностей романного жанра, «каждая из которых имела свою тематику, стилистику, топику. Романы бытовой, авантюрный, эпистолярный, воспитания и многие другие имели сложившиеся наборы сюжетов, архетипов и мотивов. Все это создавало огромное романное поле контекстуальной традиции» [30, с. 114].

Встает вопрос: с какой именно разновидностью романного жанра связаны «Семейная хроника» и «Детские годы...»?

Исследователь русской мемуаристики Т. Н. Жуковская пишет: «Традиции сентиментализма, рамки сентиментального романа оказали огромное влияние на представителей документальной литературы. Сентименталисты впервые поставили в центр повествования внутреннего человека, показав его как человека чувствующего, канонизировав чувствительность, выявив оттенки переживаний» [12, с. 19]. Видимо, неслучайно изображение семейной жизни Аксаковым вызвало у Ю. Айхенвальда ассоциации с «Германом и Доротеей» Гете [4, с. 255].

«Главный, центральный смысл хроники Аксакова, — писал Андрей Платонов, — указывается в ее названии, в том, что она — *семейная*». Семья становится школой понимания таких сложнейших явлений, как жизнь и смерть. Мальчик боится своей мнимой смерти — мать боится за сына — и этим скрепляется естественное человеческое сочувствие — *со-чувствие*: совместное переживание бытия» [19, с. 22].

Думается, «Семейная хроника», как и «Детские годы...» С. Т. Аксакова, имеет прочную связь с литературой сентиментализма («жизнь, быт, простые обычные люди, их повседневные интересы, их горе и счастье — вот куда привели искусство с высот отвлеченной мысли сентименталисты» [8, с. 395]). В контексте культурно-исторических универсалий философия и эстетика сентиментализма занимают свое место. Как пишет М. В. Иванов, «в русской культуре сентиментализм художественно оформил бытие малой группы» [16, с. 73]. Если большая группа требует от человека исполнения той или иной конвенциональной социальной роли, то у малой группы (семья, деревня) иная функция. «В малой группе личность исполняет прежде всего межличностные социальные роли», в ней «значительно важнее учитывать именно индивидуальные особенности ее членов. Поэтому личные привычки, симпатии или антипатии, особенности характера и поведения часто играют более существенную роль, чем абстрактные требования этикета. Но зато и процесс взросления, создания дружеских и брачных пар, воспитание детей проходит более гибко, с учетом большего количества факторов индивидуальной ситуации» [16, с. 75].

Мемуаристика, как и всякая литература, создается в эстетических формах, соответствующих эпохе.

Аксаков рассказывает о предыстории брака своих родителей, о просвещенности, образованности своей матери и некоторой умственной незрелости отца в контексте просветитель-

ских идей века Разума, вдохновивших молодую девушку: «Ей представилась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, у которого не было недостатка ни в уме, ни в чувствах, погруженных в непробудный сон, который будет еще более любить ее, если это возможно, в благодарность за свое образование». Она надеялась, что «чтение хороших книг, общество умных людей, беспрестанные разговоры с нею вознаградят недостаток воспитания...» [1, с. 167]. Между тем, хотя и не слишком начитанный, будущий отец писателя обращается к несогласным на этот брак родителям в совершенно книжных выражениях: «...Не могу преступить воли вашей и покоряюсь ей; но не могу долго владеть бременем моей жизни без обожаемой мною Софьи Николаевны, а потому в непродолжительном времени смертоносная пуля скоро просверлит голову несчастного вашего сына» [1, с. 157—158]. К сему Аксаков делает примечание: «Очевидно, что некоторые выражения письма заимствованы из тогдашних романов, до которых Алексей Степаныч был охотник» [1, с. 158]. В подобных романах дети не имеют права противиться воле родителей, влюбленные должны быть преданны, верны и целомудренны, «родители должны помнить о законах сердца и "природы", жены и мужа жить в согласии» [15, с. 117].

Герои Аксакова, их «эмоционально-психологический портрет» [24, с. 10], воссозданы им в соотнесенности с литературной культурой конца XVIII столетия, с учетом присущих ей жанрово-стилевых тенденций и «мифотворческих парадигм» [5, с. 11], в том числе идиллического и сентиментального характера, которые становятся объектом авторского изображения.

Разумеется, Аксаков не был изолирован от современного ему литературного процесса. Он показал в «Семейной хронике» острые социальные конфликты, затронув тему крестьянства и «русского помещика», создав свои варианты этого типа. На одре болезни, несмотря на мучительный недуг, он «с живым участием и любовью приветствовал начало крестьянского освобождения». Но и здесь он оказался связан с литературой XVIII столетия. Так, в «Обитателе предместья» М. Н. Муравьева автор противопоставляет двух помещиков, увиденных им в течение одной недели, и тем самым создает уже определенную типологию: в записи от 27 сентября 1790 года рассказывается о графе Благотворове. «Я счастлив тем, что могу облегчать судьбу мне подобных» [20, с. 89], — объявляет свое жизненное кредо граф. В записи от 4 ок-

тября обитатель предместья показывает другую деревню, представившуюся его глазам: «Поля пренебреженные, хижины земледельческие развалившиеся, вросшие в землю, соломою крытые!» [20, с. 91]. И далее о владельце сей деревни: «Несчастье крестьян его не трогало. Он думал, что они рождены для его презрения...» [20, с. 92].

У Аксакова находим продолжение этой типологии: Алексей Степаныч Багров и Михайла Максимыч Куролесов.

При этом в глубинной структуре «Семейной хроники» присутствует и идиллическое начало — в поэтическом и нравственно обостренном чувстве природы. «...За неуклонными переменами-потерями, за недопустимыми общественными формами Аксаков постоянно находит глубинные ресурсы самой жизни, способные если не возместить утраты исторического развития, то противостоять им. Один из самых надежных — включенность человека в природный нескончаемый цикл» [2, с. 27].

Исследование и художественная типизация явлений действительности у Аксакова были увенчаны возвышенным стремлением к утверждению нравственной истины, к поискам согласия между людьми, к ясному пониманию места человека в мироздании, к выражению идеи добра и взаимопонимания. Не последнюю роль в этом сыграли религиозно-философские и есте-

ственно-научные труды писателей и ученых XVIII столетия.

Если семейная тема разрабатывалась преимущественно в жанре романа, если ход собственно исторических событий воссоздавался в жанре хроники, если мемуаристика XVIII века механически соединяла семью и историю, то в «Записках» Д. Б. Мертваго герой-мемуарист вписан в историю, а у Пушкина в «Капитанской дочке» семья и история представляют собой нераздельное единство.

У Аксакова, вслед за пушкинским пониманием истории как семейного предания, историей становится хроника семьи. При этом художественной задачей писателя было «не только воссоздание образа жизни большой патриархальной дворянской семьи, ее быта, ее устоев, но и *образа мышления* человека своей эпохи» [22, с. 48].

Таким образом, жанровая природа мемуарной прозы Аксакова, органично связанная с «записками» русских людей XVIII века и являющаяся продолжением этой традиции, в то же время вбирает в себя жанрово-сюжетные особенности сентиментального семейного романа, а также записок из «натуральной истории» с их стремлением, с одной стороны, к систематизации, а с другой — к передаче неповторимого своеобразия всей окружающей действительности.

Литература

1. Аксаков С. Т. Полное собрание сочинений : в 6 т. / С. Т. Аксаков. — СПб. : Н. Г. Мартынов, 1886.
2. Анненкова Е. И. Творческий путь Сергея Тимофеевича Аксакова / Е. И. Анненкова // Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 3 т. / С. Т. Аксаков. — М. : Худож. лит., 1986. — С. 5—31.
3. Анненков П. В. «Семейная хроника» и «Воспоминания» С. Аксакова / П. В. Анненков // Современник. — М., 1856. — № 3.
4. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Вып. 1 / Ю. И. Айхенвальд. — М. : Научное слово, 1908.
5. Вершинина Н. Л. Жанровая и стилевая структура русской беллетристики 1830—1840-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. Л. Вершинина. — Псков, 1997.
6. Воспоминания С. Т. Аксакова о Д. Б. Мертваго (письмо к В. П. Безобразову) // Записки Д. Б. Мертваго. 1760—1824. Изд-е Русского Архива. — М., 1867. — Стлб. X.
7. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / П. А. Вяземский. — М. : Искусство, 1984.
8. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. — М. : Аспект Пресс, 1998.
9. Дмитриев Ф. М. «Семейная хроника» и «Воспоминания» / Ф. М. Дмитриев // Русский вестник. — 1856. — Т. 2.
10. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 / Н. А. Добролюбов. — Л. : Гослитиздат, 1935.
11. Дудышкин С. С. «Семейная хроника» и «Воспоминания» С. Аксакова / С. С. Дудышкин // Отечественные записки. — 1856. — Т. CX, № 4. — Отд. 2.
12. Жуковская Т. Н. Русская мемуаристика первой трети XVIII века : учебное пособие по спецкурсу / Т. Н. Жуковская. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006.
13. Записки М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году // Жажда познания. — М. : Молодая гвардия, 1986.

14. Записки Д. Б. Мертваго. 1760—1824. Изд-е Русского Архива. — М., 1867.
15. Иванов М. В. Поэтика русской сентиментальной прозы / М. В. Иванов // Русская литература. — 1975. — № 1.
16. Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма / М. В. Иванов. — СПб. : ФКИЦ «Эйдос», 1996. — 336 с.
17. Из «Записок» В. А. Нащокина // Вслед подвигам Петровым. — М. : Молодая гвардия, 1988.
18. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности (от Петра и до нашего времени) / составлена А. Галаховым. Т. 1. — СПб. : В типографии Штаба Военно-учебного заведения, 1861.
19. Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода / В. А. Кошелев // Вторые Аксаковские чтения : сборник материалов Всероссийской научной конференции (21—24 сентября 2006 г.). — Ульяновск : УлГУ, 2006.
20. Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений. Ч. 1 / М. Н. Муравьев. — СПб. : В типографии Российской академии, 1819.
21. Николаева Н. Г. Трансформация жанра семейных записок XVIII—XIX вв. в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова / Н. Г. Николаева // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. — Новосибирск, 2004.
22. Рассадин А. П. Почему Багров-внук, а не Багров-сын / А. П. Рассадин // Вторые Аксаковские чтения : сборник материалов Всероссийской научной конференции (21—24 сентября 2006 г.). — Ульяновск : УлГУ, 2006.
23. Русский и западноевропейский классицизм : проза / [А. С. Курилов, А. А. Смирнов, Л. И. Сазонова и др. ; редкол.: А. С. Курилов (отв. ред.) и др.]. — М. : Наука, 1982.
24. Рыкова Е. К. Пути развития русской литературы в Екатерининскую эпоху: «свое» и «чужое» в литературе и на книжном рынке / Е. К. Рыкова. — Ульяновск : УлГТУ, 2008.
25. Сапченко Л. А. Человек эпохи в «Записках» Д. Б. Мертваго / Л. А. Сапченко // Литературное краеведение Поволжья : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. — Саратов : Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1997.
26. Станкевич А. В. Детские годы Багрова-внука / А. В. Станкевич // Атений. — 1858. — Ч. 2, № 14.
27. Тамаев П. М. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова как опыт «домашней» словесности / П. М. Тамаев // Вторые Аксаковские чтения : сборник материалов Всероссийской научной конференции (21—24 сентября 2006 г.). — Ульяновск : УлГУ, 2006.
28. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века / А. Г. Тартаковский. — М. : Наука, 1991.
29. Токарева Г. В. Русская автобиографическая литература в общественно-культурном контексте, конец XVIII — начало XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Токарева. — Л. : ЛГУ, 1985. — 22 с.
30. Чуркин А. А. Сюжет и герой в мемуарной прозе С. Т. Аксакова / А. А. Чуркин // Русская литература. — 2009. — № 3.

"FAMILY CHRONICLE" BY S. T. AKSAKOV IN THE LIGHT OF NOVELISTIC AND MEMOIR LITERATURE OF THE XVIII CENTURY

L. K. Ishkinayeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

liya.ishkinayeva.73@mail.ru

The article considers the systemic inheritance of the traditions of the 18th century by S. T. Aksakov, as well as the diversity of the writer's successive ties with the works of his predecessors. The author examines the links between Aksakov's memoir-autobiographical prose and previous literature, establishes the traditions of sentimentalism in Aksakov's memoir and autobiographical prose. In Russian memoirs, there were signs of a historical, socio-moral, psychological, educational novel. In the memoir-autobiographical genre, the unpredictability of fate and the possibilities of the human personality, its self-esteem and the inexorable force of circumstances are intertwined, as a result of which a diverse, complex and infinitely interesting picture of the era, inexhaustible in its meanings, is created, a portrait of a hero of the time appears. Compositional and stylistic features of S. T. Aksakov and his "Family Chronicle" are largely determined not only by the previous memoir tradition, but also by the literature of sentimentalism, in particular, by the genres of autobiographical stories and family novels. "Family Chronicle" by S. T. Aksakov, which is in many ways a continuation of the memoir literature of the 18th century (and — deeper — chronicle), also absorbed other traditions associated with the novel genre.

Key words: S. T. Aksakov, family chronicle, heritage, novel, tradition, memoir-autobiographical genre, composition, literature, successive ties, sentimentalism, family notes, pastoral prose.

References

1. Aksakov S. T. (1886) *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected works: in 6 volumes]. St. Petersburg: N. G. Martynov.
2. Annenkova E. I. (1986) *Tvorcheskii put Sergeya Timofeevicha Aksakova* [Creative career of Sergey Timofeevich Aksakov]. Collection of works: 3 volumes. Moscow: Khudozh. Lit., p. 5—31.
3. Annenkov P. V. (1856) "Semeynaya khronika" i "Vospominaniya" S. Aksakova [Family chronicle and memoirs of S. Aksakov]. *Sovremennik*, (3).
4. Aykhenvald Ju. I. (1908) *Siluety russkikh pisateley* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow: Nauchnoe slovo.
5. Vershinina N. L. (1997) *Zhanrovaya i stilevaya struktura russkoy belletristiki 1830—1840-kh godov* [Genre and stylistic structure of Russian belles-lettres]. Author's abstract. ... PhD. Pskov.
6. Vospominanie S. T. Aksakova o D. B. Mertvago (pismo k V. P. Bezobrazovu) [Recollections of S. T. Aksakov about D. B. Mertvago (a letter to V. P. Bezobrazov)]. *Zapiski D. B. Mertvago. 1760—1824*. Edition of Russian archive. Moscow, Stlb. X.
7. Vyazemskiy P. A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Esthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo.
8. Gukovskiy G. A. (1998) *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian literature of XVIII century]. Moscow: Aspekt Press.
9. Dmitriev F. M. (1856) "Semeynaya khronika" i "Vospominaniya" [Family chronicle and memoirs]. *Russkiy vestnik*, vol. 2.
10. Dobrolyubov N. A. (1935) *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected works: in 6 vol., Vol. 2]. L.: Goslitizdat.
11. Dudyshkin S. S. (1856) "Semeynaya khronika" i "Vospominaniya" S. Aksakova [Family chronicle and memoirs of S. Aksakov]. *Otechestvennye zapiski*, T. CX. № 4. Otd. 2.
12. Zhukovskaya T. N. (2006) *Russkaya memuaristika pervoy treti XVIII veka* [Russian memoiristics of the first third of XVIII century: study guide]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
13. *Zapiski M. V. Danilova, artillerii mayora, napisannye im v 1771 godu* [M. V. Danilov's notes, mayor's artilleries written by him in 1771]. *Zhazhda poznaniya*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1986.
14. *Zapiski D. B. Mertvago. 1760—1824* [D. B. Mertvago's notes. 1760—1824]. Izd-e Russkogo Arkhiva. Moscow, 1867.
15. Ivanov M. V. (1975) *Poetika russkoy sentimentalnoy prozy* [Poetics of Russian sentimental prose]. *Russkaya literatura*, (1).
16. Ivanov M. V. (1996) *Sudba russkogo sentimentalizma* [Fate of Russian sentimentalism]. St. Petersburg: FKTSI "Eydos", 336 p.
17. *Iz "Zapisok" V. A. Naschokina* [From the notes of V. A. Naschokin]. *Vsled podvigam Petrovym*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1988.
18. Galakhov A. (1861) *Istoricheskaya khrestomatija (tak!) novago perioda russkoy slovesnosti (ot Petra i do nashego vremeni)* [History chrestomathy of the new period of Russian literature. Vol. 1]. St. Petersburg: Tipografiya Shtaba Voenno-uchebnogo zavedeniya.
19. Koshelev V. A. (2006) *Aksakovy: mifologiya roda* [The Aksakovs: the mythology of family]. *Vtorye Aksakovskie chteniya: collected materials of All-Russian scientific conference, 21—24 September 2006*. Ulyanovsk: UIGU.
20. Muravyev M. N. (1819) *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected works. Part 1]. St. Petersburg: Tipografii Rossiyskoy akademii.
21. Nikolaeva N. G. (2004) *Transformatsiya zhanra semeynykh zapisok XVIII—XIX vv. v "Semeynoy khronike" S. T. Aksakova* [Transformation of the genre of family notes of XVIII-XIX centuries in "Family chronicle" by S. T. Aksakov]. *Materials for the Dictionary of plots and motivesw of Russian literature*, Issue 6. Novosibirsk.
22. Rassadin A. P. (2006) *Pochemu Bagrov-vnuk, a ne Bagrov-syn* [Why is Bagrov-grandson, but not Bagrov-son]. *Vtorye Aksakovskie chteniya: collected materials of All-Russian scientific conference, 21—24 September 2006*. Ulyanovsk: UIGU.
23. Kurilov A. S., Smirnov A. A., Sazonova L. I. (1982) *Russkiy i zapadnoevropeyskiy klassitsizm: proza* [Russian and West-European classicism: prose]. Moscow: Nauka.
24. Rykova E. K. (2008) *Puti razvitiya russkoy literatury v Ekaterinskuyu epokhu: "svoe" i "chuzhoe" v literature i na knizhnom rynke* [Development of Russian literature in Yekaterinburg era: own and the other in the literature and at the book market]. Ulyanovsk: UIGTU.
25. Sapchenko L. A. (1997) *Chelovek epokhi v "Zapiskakh" D. B. Mertvago* [The person of the era in "Notes" by D. B. Mertvago]. *Literaturnoe kraevedenie Povolzhya: inter-university collection of scientific works*, Issue 1. Publishing house of Saratov Teacher Training University.

26. Stankevich A. V. (1858) Detskie gody Bagrova-vnuka [Childhood of Bagrov's grandson]. Ateney. Part 2, (14).
27. Tamaev P. M. (2006) "Semeynaya khronika" S. T. Aksakova kak opyt "domashney" slovesnosti [Family chronicle of S. T. Aksakov as the experience of "home" literature]. Vtorye Aksakovskie chteniya: collected materials of All-Russian scientific conference, 21—24 September 2006. Ulyanovsk: UIGU.
28. Tartakovski A. G. (1991) Russkaya memuaristika XVIII — pervoy poloviny XIX veka [Russian memoiristics of XVIII — first half of XIX centuries]. Moscow: Nauka.
29. Tokareva G. V. (1985) Russkaya avtobiograficheskaya literatura v obschestvenno-kulturnom kontekste, konets XVIII — nachalo XIX veka [Russian autobiographical literature in the context of society and culture]. Author's abstract ... PhD in Philology. L.: LGU, 22 p.
30. Churkin A. A. (2009) Syuzhet i geroy v memuarnoy proze S. T. Aksakova [The plot and the character of the memoir prose by S. T. Aksakov]. Russkaya literatura, (3).

А. Г. Краева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kraevalex@list.ru

И. В. Михайлова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
44kd11@gmail.com

МУЗЫКА В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ*

Многослойность резко возрастающих вызовов и угроз сохранения и развития человека, человечества, биосферы и техносферы (цифровой реальности) последних десятилетий обусловила междисциплинарность, полидисциплинарность и трансдисциплинарность процессов, захлестнувших всю совокупность познавательных практик современной культуры. Объективный анализ данных указанного кластера исследований показывает, что именно трансдисциплинарность во многом определяет самые новационные тенденции развития современной культуры. Генерируя фундамент для конвергенции самых разных когнитивных практик, техники и технологий, а также исследований сложных когнитивных феноменов и концептуальных построений, трансдисциплинарность обуславливает всё нарастающую необходимость целенаправленного поиска рефлексивных оснований и систематизации методологических принципов творческой и когнитивной деятельности субъекта, что привело к смещению акцента внимания к проблематике рефлексии познавательной деятельности в сфере конкретных наук и эпистемологии.

Ключевые слова: искусство, художественные когнитивные способности, когнитивизация искусства, культурная нейронаука, рациональность.

* Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00118А «Инкорпорация идей нейронауки в эпистемологию искусства: генезис, когнитивные основания и значение для философии науки».

Всё нарастающая необходимость целенаправленного поиска рефлексивных оснований и систематизации методологических принципов творческой и когнитивной деятельности субъекта привела к когнитивизации искусства, что получило выражение не только в расширении онтологического локуса и самого когнитивного пространства искусства, но и в изменении сути, предмета, объекта и, собственно, самого статуса искусства в культуре рубежа XX—XXI веков. Нарастание рефлексивных тенденций как в творчестве самих художников, так и эпистемологов вызвано функциональным поворотом современного искусства от эстетической компоненты к *исследовательской*, когнитивной. В ходе реализации собственного когнитивного опыта в процессе экспликации неявных предпосылок, логики развития, системных оснований художественных концепций, которые не улавливаются художником в парадигмальных рамках сущест-

вующей художественно-теоретической системы, художественно-эпистемическое сообщество устремилось за рамки искусства в открытое пространство сложных трансдисциплинарных когнитивных взаимодействий. В итоге художественная когнитивная практика не только вступила в диалог с традиционно противопоставляемыми ей концептуальными системами иных сфер духовной культуры — философией, наукой, техникой, технологиями и кибернетикой, которые, в свою очередь, тоже переживают трансдисциплинарные перетрансформации разного уровня, но и выступила в роли методологического инструмента общекультурной рефлексии, очерчивая рамки «применимости» техники и технологических средств [7].

Стремление рассматривать художественную когнитивную практику в онтологическом пространстве трансдисциплинарности сделало возможным для искусствознания войти в тандем

нейронаучных исследований. Новейшие исследования в области нейропсихологии и социальной и культурной нейронауки позволяют пересмотреть традиционные представления о процессах, происходящих в мозге человека, темпоральном аспекте его существования, деятельности субъекта и всего когнитивного пространства культуры. Указанная тенденция позволяет говорить о ренессансе *деятельностного подхода*, который обретает новые измерения [4]. Оказавшись в ситуации сложных трансдисциплинарных когнитивных взаимодействий в культуре, «исподволь» внедряясь в парадигмальный каркас энактивизма, искусство, в том числе музыкальное, оказалось способным перекрыть брешь между науками о жизни (lifesciences), к которым относят теорию биологической эволюции, нейрофизиологию, теорию психомоторного действия, компьютерными технологиями и эпистемологией [8, с. 141]. На сегодняшний день по проблеме происхождения нашего чувства прекрасного в науке существует весьма широкий спектр точек зрения самой разной направленности — от «социальных» и «психологических» до биологических «эколого-эволюционных» гипотез. Значительно реже, но все же упоминается и «модель сенсорной эксплуатации» [14], являющаяся, по сути, предположением о «внутренних особенностях нервной системы» [9].

XX век ознаменовался покорением атомной энергии, а рубеж XX и XXI столетий был отмечен торжеством и бурным развитием информационных технологий. Между тем эстафета научного прогресса, на наш взгляд, ныне переходит к комплексу когнитивных исследований, и прежде всего к нейронауке. В 2014 году Нобелевская премия по физиологии и медицине была присуждена за открытие клеток навигационной системы мозга. Научная революция в нейронауке не могла не затронуть такую сферу человеческой активности, как музыка и музыкальная деятельность, благодаря чему новейшие достижения нейронауки начинают проливать новый свет на природу музыки и музыкального творчества. Еще в 2005 году ведущий мировой научный журнал Nature обратил внимание на то, что музыка может стать важным полигоном нейронаучных изысканий. Р. Заторре в статье с характерным названием «Музыка как питательная среда для нейронауки» подчеркивает, что музыка предполагает работу едва ли не всех когнитивных функций, а музыкальные упражнения способствуют заметному улучшению функционирования ряда нейронных сетей [22, р. 314]. Это касается прежде всего тех нейронных сетей,

которые обеспечивают языковую активность, и поэтому обучение музыке будет полезно, например, для детей, страдающих дислексией [17]. Вообще, занятия музыкой улучшают когнитивные способности и детей, и взрослых, что, в частности, выражается в росте их IQ [13].

Говоря о целесообразности обращения нейроэстетики к научному познанию, необходимо прежде всего иметь в виду те характеристики науки, которые объединяют её с искусством в единой когнитивной среде. Как сами ученые, так и науковеды отмечают взаимодополнительность, наблюдаемую между процессами научного и художественного творчества: «Как живопись XV—XVI веков обращается к перспективе, так наука этого периода — к геометрии... Подобно тому, как перспектива становится методом для изображения природы, геометрия становится методом познания природы» [9]. Сущность гносеологической функции критерия красоты заключается в изысканности, пластичности, тонкости теоретической концепции в процессе генерирования научных идей, что означает реализацию принципа минимальных исходных допущений (логических или математических процедур) для получения некоей совокупности выводов [10, с. 9]. Пуанкаре А., научные интересы которого простирались от математики и физики до философии и психологии творчества, ассимилировал изящную теорему с античной архитектурной конструкцией, где совершенство архитектурного замысла заключается в расчете небольшого числа колонн на массивный ордер. Основой же эстетического впечатления, вызываемого математической теорией, может служить ёмкость исходной теории и лаконичность выводов. Впечатление красоты создается приближением к идеалу, к картине, выведенной из одной принципиальной концепции. Воссоздание сложнейшей архитектоники космоса из отождествления гравитации и неевклидовой геометрии мира не может не потрясать концептуальным изяществом и красотой. А. Эйнштейн, характеризуя «естественные» постоянные, за которыми «закреплена» совокупность безразмерных соотношений между массами, зарядами, расстояниями, длительности различных процессов, отмечал: «Относительно этих последних мне бы хотелось высказать одно предложение, которое нельзя обосновать пока ни на чем другом, кроме веры в простоту и понятность природы. Предложение это следующее: таких произвольных постоянных не существует. Иначе говоря, природа устроена так, что ее законы в большой мере определяются уже чисто логическими тре-

бованиями настолько, что в выражения этих законов входят только постоянные, допускающие теоретическое определение (т. е. такие постоянные, что их численных значений нельзя менять, не разрушая теории)» [2, с. 74]. Исследования когнитивно-рефлексивных механизмов научного познания и художественного творчества, генерируемых эстетическими переживаниями, подталкивают к постановке вопроса об их общности и единстве точек роста. Нейроэстетика в данный момент весьма близко подходит к тому, что во многом обусловлено нейрофизиологическими процессами в мозге человека, но анализирует преимущественно опыт искусства. Примером тому являются так называемые «законы В. Рамачандрана» [12].

Определяя рефлексии как обращенность мышления на собственные интенции, предельные основания и конститутивные предпосылки, как фокусирование внимания на самом познавательном процессе, его методах и средствах, в целом в искусстве следует различать два уровня рефлексии — *художественную (когнитивную) и концептуальную*. При этом художественная (когнитивная) рефлексия — это внешний, большей частью интуитивный, предельный и далее неразложимый слой преломления художественного мышления субъекта, структурирующий данные чувственного восприятия, эмоционального контекста и экзистенциальных процессов в соответствии с их эстетической оценкой. *Когнитивный уровень рефлексии* в сфере искусства как механизм соотносится с процессами, протекающими на уровне активации нейронных связей (уровень нейрофизиологической активности на языке нейропсихологии), *концептуальный* — с уровнем мышления в понятиях, суждениях, умозаключениях. «Местом обитания» (локусом) первой является нейрофизиологический субстрат головного мозга, локусом второй — понятийное мышление, умственная деятельность. Концептуальный уровень рефлексии фиксирует интеллектуальную, исследовательскую, дискурсивную (внутритеоретическую и междисциплинарную) и философско-методологическую компоненты художественной деятельности, на котором сами рефлексивные процедуры обретают статус самостоятельного уровня художественно-когнитивной реальности. Он позволяет вскрыть неявные предпосылки, механизмы генерации и эволюции, логику развития, системные, целостные характеристики явлений художественной культуры в аспекте общекультурной эволюции познания, а также раскрыть концептуальную сущность художественных феноменов, которая

чаще всего имплицирована в процессе художественного восприятия.

Предположения о вероятном качественном значении числовых отношений, заключенных в природе звука, дают основания проводить аналогии, несомненно, рискованные, но весьма любопытные. Й. Кеплер, обратившись к музыкальной теории при написании «Гармонии мира» (1618), не интересовался эмпирическим восприятием звука, но, осмыслив музыкальный интервал как геометр, обнаружил, что гармоническими пропорциями консонансных интервалов, с помощью циркуля и линейки можно конструировать полигоны. Тогда же он заметил постоянное число 5 в пропорциях секст и терций: $3/5$, $5/8$, $4/5$, $5/6$, связал их через пентагон, который со времен Евклида строился пропорцией золотого сечения, и заключил, что в этих интервалах содержится идея продолжения создания, жизни, рода и т. д. В третьей книге того же труда, которая названа «Происхождение гармонических пропорций, а также природа и различия музыкальных интервалов», ученый обнаружил различные гармонические пропорции, подобные музыкальным, в угловых скоростях — поворотных точках траекторий планет, обуславливающих эллиптическую форму орбит, — их разные «музыкальные тона». В познании волновых свойств микромира де Бройлю помогла акустическая аналогия — закон колебаний и модель звучащей струны, свернутой в кольцо. Уравнение колеблющейся струны сходно с уравнением Э. Шрёдингера, определяющим внутриатомную волновую функцию электронов. А в конкретном решении уравнения Э. Шрёдингера для атома водорода волновая функция нумеруется целым числом, соответствующим целому числу узлов при колебании звучащей струны, то есть числу гармоник ее основного тона. Оно оказалось главным квантовым числом, которым нумеруются орбиты электронов в модели атома Н. Бора. Статистическая интерпретация волновой функции в исследованиях М. Борна представляет собой волны в квантовых объектах как волны вероятности — процесса вероятности «распределения частиц», абсолютно точно пульсирующего на уровне микромира, силы которого подчиняются особым, строгим законам квантовой механики. Тот же закон «волн вероятности» демонстрирует своим распространением и звук как физическое явление механических волн на структурном макроуровне. В современной эпистемологии всё более настойчиво звучит призыв к выявлению и оправданию форм и результатов *необходимого* «присутствия» субъекта в знании,

его структурных и операциональных компонентах [6].

Исследования по нейронауке и нейрофизиологии подводят к мысли о необходимости анализа когнитивно-рефлективных механизмов активности субъекта познания в свете концепции психологизма в аспекте психологической и онтогенетической нагруженности результата познания [3]. Открытия современной нейронауки однозначно свидетельствуют о существовании ряда архетипов, которые образовались в процессе длительной эволюции живых организмов. Наследование музыкальных способностей имеет ярко выраженную генетическую природу: примерно на 85 % музыкальность определяется генетически. Как было установлено при изучении десятков пар моно- и дизиготных близнецов, музыкальное восприятие связано с геном AVPR1A хромосомы 12q, а музыкальная память и возможность к хоровому пению и танцам — с геном SLC6A4 хромосомы 17q, который является переносчиком важного нейромедиатора серотонина. При этом способность воспроизводить и следовать определенному ритму связывается с геном FOXP2 [21]. Считается, что те же самые гены участвуют в формировании модусов социального поведения.

В мозге естественным (т. е. от природы, с рождения) образом, характером деятельности субъекта, а в процессе жизни и его культурным окружением формируются определенные «модули», которые ответственны и за речь, овладение языком, и за музыкальные способности. В конечном счете набор такого рода модулей обеспечивает жизненно важные функции живых организмов [16]. Эти системы включают когнитивные модули (нейродинамические архетипы), которые, вообще говоря, призваны фиксировать объекты, попадающие в поле зрения организма; конкретные действия организма; быстро осознавать количество объектов — «чувство числа» (numbersonsense); обеспечивать ориентацию в пространстве; осуществлять коммуникацию с ближайшими партнерами и осознавать отличия «нас» от «других» («мы» versus «они»). Нейропсихологи высказывают убеждение, что сколь угодно сложные виды материальной и духовной деятельности, включая музыкальную, строятся на фундаменте этих достаточно простых систем (модулей).

В отечественном искусствоведении существует понятие музыкального «модуса» [11, с. 194], который можно расценивать как наиболее близкий эквивалент нейрокогнитивного модуля, относящегося к лимбической и паралимбической сис-

темам мозга, управляющим эмоциями [18, р. 177]. Музыкальный «модус» фактически является музыкально-языковой структурой, которая обобщает и «закрепляет» психико-эмоциональные состояния, закрепленные в качестве историко-культурных типов и норм. Такой музыкальный модуль — это выражение нейродинамического когнитивного архетипа, конкретного состояния, за которым исторически закреплена некая социокультурно идентифицированная константа, которая детерминирована определенной этническо-культурной атмосферой. Роль такой константы, на наш взгляд, выполняет музыкальная интонация. Автор учения о музыкальной интонации Б. В. Асафьев утверждал, что «речевая и часто музыкальная интонация — ветви одного звукового потока» [1, с. 28]. Б. В. Асафьев предложил понятие «интонационного словаря эпохи», имея в виду определенную сферу значений интонаций, появившихся или преобладающих в определенную эпоху в стиле, жанре, этнических традициях. К примеру, ниспадающая интонация стоны, вопросительная, утвердительная, фанфарная имеют в традиции сложившееся значение. Сходство музыкальной и речевой интонаций проявляется в наличии опорных звуков, в расположении главного опорного звука в нижнем регистре голосового диапазона, чередовании волнообразных подъемов и спусков звуковысотного движения с нисходящим движением как итогом смыслового высказывания. Роднят музыкальную интонацию с речевой и грамматические правила — наличие пауз, цезур, вопросно-ответная структура и т. п. Напряжения, идущие вверх, ослабления, идущие вниз, — характерный прием в интонационном высказывании.

Именно в своего рода *этнических музыкальных модулях*, которые можно определить как сложные системные образования — некий особый синтез этнических интонационных, тональных, ритмических, фактурных, формообразующих особенностей, наиболее ярко проявляется музыкальная ментальность. Особенности их генезиса имеют нейронаучное объяснение. Идея культурной обусловленности художественно-когнитивной практики и её обратного воздействия на мозг состоит в том, что культура оказывает существенное воздействие на объективные биохимические процессы, протекающие в мозге, и на изменение генетического материала человека, которые, в свою очередь, могут predispose их носителей к формированию и поддержке определенных социальных и культурных сред, напрямую связанных с характером

восприятия, рассуждения и особенностями познавательной деятельности человека в целом [4, с. 137]. Исследования в области культурной нейронауки в аспекте изучения феномена ментальности демонстрируют различие когнитивных стратегий, свойственных носителям различных культур.

Этнические музыкальные модули наиболее ярко представляют музыкальную ментальность и проявляют нейробиологический характер их генезиса. Логоцистский тип мышления, свойственный западноевропейской культуре, нашёл воплощение в музыкальной культуре в принципе *детерминированности и рациональности музыкального мышления*, который выражается в строгой определенности, замкнутости и завершенности, экстравертности — стремлении воплотить и отрефлексировать в форме художественных образов реальные исторические события, явления жизни конкретного исторического субъекта. Восточный музыкальный менталитет основан на *континуально-циклическом мышлении*, в основе которого лежит принцип круга как воплощения бесконечности, чувственно-образный, эмоциональный стиль мышления, медитационность, основанная на связи с буддийскими и исламскими религиозными традициями, символика числа, органическая взаимосвязь с немusикальными космологическими явлениями, интровертность в состоянии самопогружения как воплощения восточного принципа «всё во всём». На уровне архитектоники и стиля, соответственно, западноевропейская музыкальная традиция характеризуется принципом тональной организации звукового материала, развёрнутой системой гармоний и ладов с тональным тяготением (с разрешением неустойчивых ступеней в устойчивые), закреплённой в гомофонно-гармоническом, позже — в полифоническом музыкальном мышлении, что отражено в строго фиксированном языке нотных знаков — пятилинейной нотации. Сильнейшим рациональным упорядочивающим началом западноевропейской музыкальной традиции является тактовая, акцентная ритмическая структура, соотношение сильных и слабых долей, завершенность формы.

Восточная музыка во времени развивается вертикально, статично: прежде всего стоит сказать о совершенном отсутствии многоголосия в музыке восточной традиции, то есть понятия музыкальной фактуры (системы многоголосия) не существует. Восточная музыка в своих первоисточниках принципиально монодична (одноголосна), что связано с совершенно особым вос-

точным стилем мышления и особенностями культовой (религиозной) музыкальной традиции. Музыкальная рефлексия также направлена «вглубь» — в одной длительности может развиваться целое событие, музыка звучит пространственно, вертикально, звучание имеет вектор. Вероятно, различие западной, европейской и восточной музыки обусловлено доминированием на Западе аналитического, а на Востоке холистического мышления [19], которое в случае первого отдаёт безусловное предпочтение индивидуальности, а следовательно, ценит «многоголосие» точек зрения, а в случае второго — принадлежность определенному сообществу, которое цементируется общей, кооперативной деятельностью, придающей этому сообществу целостность, важную для его самосохранения и самоидентификации.

В любой культуре музыка может использоваться и как терапевтическое средство при различных психоневрологических патологиях [20, р. 15]. Вероятно, такой эффект обусловлен тем, что определенные разновидности музыки могут способствовать генерации в организме дофамина — нейромедиатора, связанного с чувством удовольствия (удовлетворения).

Ныне считается, что для естественного языка не существует какого-то выделенного модуля в мозге. Функционирование языка зависит от работы других модулей, на которые накладывают ограничение сенсомоторные факторы, когнитивные пределы в процессе обучения и личностного развития (скажем, допустимый объем памяти), особенности категоризации и упорядочения поступающей информации, исторически заданные, предопределенные пределы деятельности и лимитирующие ее инструментальное сопровождение [15, р. 1135—1136].

Если иметь в виду действие конкретных нейронных модулей, то стоит вспомнить о навигационной системе мозга, открытие которой отмечено Нобелевской премией. Эта система позволяет составлять своего рода нейрокогнитивные карты окружающей обстановки, в которых распознается положение организма в пространстве, и обеспечивать движение согласно особенностям этой обстановки. Данные карты имеют выраженный динамический характер, поскольку группы нейронов возбуждаются лишь тогда, когда организм оказывается в определенных участках своего ареала обитания. Можно предположить, что аналогично эти модули ведут себя и в случае музыкальной активности [3].

Литература

1. Асафьев Б. В. Речевая интонация / Б. В. Асафьев. — М. — Л. : Музыка, 1965. — 136 с. — С. 28.
2. Бауэр Д. Этот загадочный мозжечок / Д. Бауэр, Л. Парсонс // В мире науки. — 2003. — № 10. — С. 72—77.
3. Бажанов В. А. Дилемма психологизма и антипсихологизма / В. А. Бажанов // Эпистемология и философия науки. — 2016. — Т. 49, № 3. — С. 6—16.
4. Бажанов В. А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения / В. А. Бажанов // Эпистемология и философия науки. — 2015. — Т. XLV, № 3. — С. 133—149.
5. Бажанов В. А. Музыка в фокусе современной нейронауки / В. А. Бажанов, А. Г. Краева // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 40. — С. 7—21.
6. Бажанов В. А. Симметрия и лабиринт в музыкальном искусстве / В. А. Бажанов, А. Г. Краева // Симметрия и лабиринт : материалы 9-го международного конгресса по проблеме симметрии (Крит, Греция, 9—15 сентября 2013 г.). — 2013. — С. 198—203.
7. Булатов Д. Новое состояние живого: к вопросу о технобиологическом искусстве / Д. Булатов // Гуманитарная информатика. — 2012. — № 6. — С. 55—64.
8. Ерохин С. В. Теория и практика научного искусства / С. В. Ерохин. — М. : МИЭЭ, 2012. — С. 141.
9. Ерохин С. В. Терминология актуальной эстетики и искусствознания: «научное искусство» / С. В. Ерохин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Ч. I. — 2012. — № 1(15). — С. 55—58.
10. Кузнецов Б. Г. Современная наука и философия: пути фундаментальных исследований и перспективы философии / Б. Г. Кузнецов. — М. : Наука, 2005. — С. 9.
11. Назайкинский Е. В. Логика музыкальной композиции / Е. В. Назайкинский. — М. : Музыка, 1982. — 319 с.
12. Рамачандран В. С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / В. С. Рамачандран. — М. : Картера пресс, 2012. — 602 с.
13. Amer T., Kalender B., Hasher L., Trehub S. E., Wong Y. Do Older Professional Musicians Have Cognitive Advantages? // PLOS One. 2013. Vol. 8. N 8. Paper e71630. DOI: 10.1371/journal.pone.0071630.
14. Cartwright J. Evolution and Human Behaviour. Houndmills: MacMillan, 2000. 127 p.
15. Chater N., Christiansen M. Language Acquisition Meets Language Evolution // Cognitive science. 2010. Vol. 34. P. 1131—1157. DOI: 10.1111/j.1551-6709.2009.01049.x.
16. Kinzler K. D., Spelke E. S. Core Systems in Human Cognition // Progress in Brain Research / Eds. von Hofsen C., Rosander K. 2007. Vol. 164. P. 257—264.
17. Molnar-Szakacs I., Overy K. Music and Mirror Neurons: From Motion to 'emotion' // SCAN. 2006. N 1. P. 235—241. DOI: 10.1039/scan/bsl029.
18. Nadal M., Pearce M. T. The Copenhagen Neuroaesthetics conference: Prospects and pitfalls for an emerging field // Brain and Cognition. 2011. Vol. 76. P. 172—183.
19. Nisbett R. E. The geography of thought. How Asians and Westerners Think Differently ... and Why. N. Y., L.: The Free press, 2003.
20. Sachs M. E., Damasio A., Habibi A. The pleasures of sad music: a systematic review // Frontiers in Human Neuroscience. 2015. Vol. 9. Article 404. DOI: 10.3389/fnhum.2015.00404. P. 15.
21. Tan Y. T., McPherson G. E., Peretz I., Berkovic S. F., Wilson S. J. The Genetic Basis of Music Ability // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. N 658. P. 13—14.
22. Zatorre R. Music, the Food of Neuroscience? // Nature. 2005. Vol. 434. P. 312—315.

MUSIC IN THE COGNITIVE SPACE OF TRANSDISCIPLINARITY***A. G. Kraeva**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kraevalex@list.ru

I. V. Mikhailova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

44kd11@gmail.com

The multi-layer of rapidly increasing challenges and threats to the preservation and development of man, mankind, the biosphere and the technosphere (digital reality) of the last decades has led to interdisciplinarity, polydisciplinarity and transdisciplinary processes that have swept the entire set of cognitive practices of modern culture. An objective analysis of the data from this cluster of studies shows that it is transdisciplinarity that largely determines the most innovative trends in the development of modern culture. Generating the foundation for the convergence of a wide variety of cognitive practices, techniques and technologies, as well as the study of complex cognitive phenomena and conceptual constructions, transdisciplinarity conditions the ever-growing need for a purposeful search for reflexive foundations and systematization of the methodological principles of the subject's creative and cognitive activity, which has led to a shift in the focus of attention to problems of reflection of cognitive activity in the field of specific sciences and epistemology.

Key words: art, artistic cognitive abilities, cognitization of art, cultural neuroscience, rationality.

* Grant-supported by the Russian Foundation for Basic Research N 19-011-00118a "Incorporation of the ideas of neuroscience into the epistemology of art: genesis, cognitive foundations and significance for the philosophy of science".

References

1. Asafyev B. V. (1965) Rechevaya intonatsiya [Speech intonation]. L.: Muzyka, p. 28.
2. Bauer D., Parsons L. (2003) Etot zagadochnyj mozzhechok [This enigmatic little brain]. V mire nauki, (10), p. 72—77.
3. Bazhanov V. A. (2016) Dilemma psikhologizma i antipsikhologizma [Dilemma of psychologism and antipsychologism]. Epistemologiya i filosofiya nauki, vol. 49, (3), p. 6—16.
4. Bazhanov V. A. (2015) Sovremennaya kulturnaya neyronauka i priroda subjekta poznaniya: logiko-epistemologicheskie izmereniya [Modern cultural neuroscience and the nature of perception subject: logical-epistemological dimension]. Epistemologiya i filosofiya nauki, vol. XLV, (3), p. 133—149.
5. Bazhanov V. A., Kraeva A. G. (2017) Muzyka v fokuse sovremennoy neyronauki [Music with regard of modern neuroscience]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, (40), p. 7—21.
6. Bazhanov V. A., Kraeva A. G. (2013) Simmetriya i labirint v muzykalnom iskusstve [Symmetry and labyrinth in musical art]. Simmetriya i labirint: materials of 9th international congress on the problem of symmetry (Crete, Greece, 9—15 September 2013), p. 198—203.
7. Bulatov D. (2012) Novoe sostoyanie zhivogo: k voprosu o tekhnobiologicheskom iskusstve [New condition of live: about technological-biological in art]. Gumanitarnaya informatika, (6), p. 55—64.
8. Erohin S. V. (2012) Teoriya i praktika nauchnogo iskusstva [Theory and practice of scientific art]. Moscow: MIEE, p. 141.
9. Erohin S. V. (2012) Terminologiya aktualnoy estetiki i iskusstvovedeniya: "nauchnoe iskusstvo" [Terminology of current esthetics and art knowledge: "scientific art"]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 1(15): in 2 parts. Part I, p. 55—58.
10. Kuznetsov B. G. (2005) Sovremennaya nauka i filosofiya: puti fundamentalnykh issledovaniy i perspektivy filosofii [Modern science and philosophy: ways of basic research and perspectives of philosophy]. Moscow: Nauka, p. 9.
11. Nazaykinskiy E. V. (1982) Logika muzykalnoy kompozitsii [Logic of musical composition]. Moscow: Muzyka, 319 p.
12. Ramachandran V. S. (2012) Mozg rasskazyvaet. Chto delaet nas lyudmi [Brain tells. What makes us people]. Moscow: Kartera press, 602 p.
13. Amer T., Kalender B., Hasher L., Trehub S. E., Wong Y. Do Older Professional Musicians Have Cognitive Advantages? // PLOS One. 2013. Vol. 8, N 8. Paper e71630. DOI: 10.1371/journal.pone.0071630.
14. Cartwright J. Evolution and Human Behaviour. Houndmills: MacMillan, 2000. 127 p.

15. Chater N., Christiansen M. Language Acquisition Meets Language Evolution // *Cognitive science*. 2010. Vol. 34. P. 1131—1157. DOI: 10.1111/j.1551-6709.2009.01049.x.
16. Kinzler K. D., Spelke E. S. Core Systems in Human Cognition // *Progress in Brain Research* / Eds. von Hofsen C., Rosander K. 2007. Vol. 164. P. 257—264.
17. Molnar-Szakacs I., Overy K. Music and Mirror Neurons: From Motion to 'emotion' // *SCAN*. 2006. N 1. P. 235—241. DOI: 10.1039/scan/bsl029.
18. Nadal M., Pearce M. T. The Copenhagen Neuroaesthetics conference: Prospects and pitfalls for an emerging field // *Brain and Cognition*. 2011. Vol. 76. P. 172—183.
19. Nisbett R. E. *The geography of thought. How Asians and Westerners Think Differently ... and Why*. N. Y., L.: The Free press, 2003.
20. Sachs M. E., Damasio A., Habibi A. The pleasures of sad music: a systematic review // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. Vol. 9. Article 404. DOI: 10.3389/fnhum.2015.00404. P. 15.
21. Tan Y. T., McPherson G. E., Peretz I., Berkovic S. F., Wilson S. J. The Genetic Basis of Music Ability // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5, N 658. P. 13—14.
22. Zatorre R. Music, the Food of Neuroscience? // *Nature*. 2005. Vol. 434. P. 312—315.

А. В. Мартыненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В АНИМЕ

Статья посвящена обзору и систематизации особенностей графического языка визуальных образов в японской анимации (аниме). В статье рассматриваются истоки, жанровая специфика, принципы создания, отличающие этот вид мультипликации от своих иностранных аналогов, а также символизм отдельных элементов визуального ряда аниме. Обосновывается вывод о том, что аниме представляет собой самостоятельный вид массового искусства, лишь технически близкий анимации в классическом ее понимании; что популярность аниме за пределами Японии, несмотря на наличие ярко выраженных черт дальневосточного менталитета, во многом недоступного для понимания западным зрителем, обусловлена прежде всего жанровым и содержательным многообразием и ориентацией на широкий возрастной и разнообразный субкультурный контингент зрителей. Несмотря на популярность аниме как объекта изучения культурологами, социологами, психологами в нашей стране и за рубежом, а также ярко выраженную «масскульность» этого феномена, остается еще много загадок и неизученных аспектов в этом глубоко национальном виде искусства.

Ключевые слова: аниме, японская анимация, массовая культура, графический язык, визуальные образы.

Слово «аниме» (искаженное на японский лад «анимация») заимствовано японцами из английского языка. В Японии аниме означает любую анимацию (независимо от стиля, жанра и страны производства), но во всем мире аниме обозначает де-факто исключительно японскую анимацию, обладающую специфическими особенностями, принципиально отличающими ее от общепринятого во всем мире понимания этого феномена. «В отличие от анимации других стран, предназначенной в основном для просмотра детьми, большая часть выпускаемого аниме рассчитана на подростковую и взрослую аудиторию и во многом за счёт этого имеет высокую популярность в мире» [6].

В Японии до 1970-х годов использовался термин «манга-эйга» («манга-кино»), затем с конца 1970-х годов в японском языке закрепляется термин «аниме». «Главная особенность, отличающая мангу и аниме от их западных аналогов, — развитый символическо-графический язык, позволяющий несколькими штрихами передать довольно сложные эмоции или выразить характер героя» [3].

Первые эксперименты с анимацией проводились в Японии еще в 1910-е годы. Первые

полнометражные японские анимационные фильмы появились после Второй мировой войны как подражание диснеевским. В качестве сюжетной основы использовались японские и китайские сказки. Мангака (автор комиксов манга) Осаму Тэдзука внес в аниме первые концептуальные элементы, отличающие его от западных аналогов: им была выдвинута концепция «ограниченной анимации», главное в которой — не дорогостоящие съемки и технические трюки, а увлекательный сюжет. В целях экономии ресурсов аниме отказалось от детальной прорисовки персонажей, уменьшилось количество кадров в секунду, были минимизированы фон картинки, внешний пейзаж и т. д. [7, с. 106]. Кроме того, О. Тэдзука предложил отказаться от «диснееподобных» полнометражек и перейти к созданию ТВ-сериалов. Тем более что комиксы манга (как предшественники аниме) «сериальны» по существу, за что и любимы массовым японским зрителем: встреча с любимыми героями, с их ставшей привычной зрителю реальностью в контексте новых сюжетов и ситуаций снискала огромную популярность и массовый успех.

Выделяются три основные схемы организации сериала: концептуальная, сюжетная и кон-

цептуально-сюжетная. Концептуальная схема не особенно распространена в японской анимации (встречается, как правило, в детском аниме) и заключается в единстве героев, неизменности характеров и отношений, где каждая серия представляет собой отдельный сюжет. Такие сериалы можно начать смотреть с любой серии, не опасаясь что-нибудь пропустить. Примерами концептуальной схемы являются популярные сериалы «Син-тян и его карандаш» и «Дораэмон». В сюжетной схеме сериал объединяется единой историей, где серии представляют последовательные фрагменты цельного сюжета, а герои и их характеры развиваются. Такие сериалы, как правило, небольшие, но есть и исключения — так называемые «мыльные оперы». Концептуально-сюжетная схема объединяет в себе развитие истории и характеров сюжетной схемы с концепцией. Поток концептуальных серий периодически дополняется ключевыми сериями, в которых происходят необратимые события в жизни героев. Классический пример концептуально-сюжетного сериала — «Красавица-воин Сейлор Мун» [8].

Аниме-студии в Японии, как правило, небольшие, работающие по заказам продюсеров предприятия. С технической точки зрения все аниме достаточно консервативны. Главную творческую роль играют уникальный дизайн персонажей и антуража и озвучивание, которое доверяют сейю — актерам, специализирующимся на озвучивании аниме-лент. В озвучивании аниме есть своя специфика. Так, например, женские голоса непременно должны быть необычайно высокими (национальный стереотип женской привлекательности), песни исполняются не отдельными профессиональными певцами, а самими сейю. Кроме того, сейю проходят специальную подготовку, где их учат максимально использовать возможности своего голоса для наилучшей передачи характера и эмоций героев и исполнения песен. Актеры театра и кино считаются не подходящими для роли сейю без этой подготовки.

Предполагается, что аниме и манга ограничены определенными жанрами и набором графических стилей. На самом деле термины «аниме» и «манга» лишь определяют базу, на которой создаются очень многообразные произведения. Использование же специальных терминов оправдано следующими соображениями. Во-первых, японская анимация выделяется среди других традиций анимации и комиксов своей ярко выраженной спецификой. Во-вторых, Япония — страна с буддийско-синтоистской мен-

тальностью, что делает японскую массовую культуру во многом непонятной для широкого интернационального круга масскульта, «вскормленного» Голливудом. И, наконец, ни в одной другой стране индустрия анимации и комиксов не занимает такого значительного места, как в Японии.

80 % аниме-продукции — это детские сериалы. Оставшиеся 20 % — это наиболее известное за пределами Японии аниме для подростков, которые являются самой требовательной аудиторией. Для детей главное — не качество, а быстрые движения на экране, яркие краски и максимально выраженные эмоции. Взрослым также важно не столько качество, сколько сюжет. Подростку же принципиальны и высокое качество, и сюжет, что сочетать весьма непросто и очень дорого. Поэтому западные мультипликаторы, как правило, обходят стороной аудиторию от 12 до 18 лет. Эту нишу и заполнило аниме.

При всей своей национальной специфичности аниме завоевало широкую популярность не только в Японии, но и во всем мире. Связано это прежде всего с крайним разнообразием тем, жанров и необычайно узких целевых аудиторий, что крайне затрудняет классификацию аниме-лент.

В жанровом отношении «в реальности большинство аниме создается на стыке нескольких жанров. Особенно сейчас, когда аниме становится все более массовым» [5, с. 54]. Стилистика аниме может меняться даже на уровне одного и того же фильма.

В первой отечественной монографии, посвященной аниме-культуре, «Введение в японскую анимацию» автор Борис Иванов приводит классическую типологию жанров аниме:

1) Сёнэн-аниме-жанр — для целевой аудитории старших детей и подростков. Сюжетика преимущественно фэнтезийная (об иных мирах, управляемых магией), мистическая, киберпанковская и спортивная, реже научно-фантастическая и приключенческая, щедро одобренная комедийными мотивами. Ярким примером здесь может быть сериал «Макросс» («Роботек») или сериал «Chobits» («Чобиты»).

2) Сёдзё-аниме ориентировано на старших девочек и девушек-подростков. Сюжетика, как правило, связана с романтическими историями и поиском главной героиней своего места в обществе. Если в близком по возрастному рангу жанре «сёнэн» главный герой обычно должен изменить себя в лучшую сторону, то в «сёдзё» главная героиня должна смириться и осознать физиологические стороны процесса взросления и научиться их контролировать. Одним из ярких

примеров сёдзё-аниме можно назвать сериал «Прекрасный воин Сейлор-Мун».

3) Фэнтези, где действие происходит в мирах, не похожих на наш, наполненных магией и рукопашными схватками. Наиболее известным фэнтезийным сериалом является "Slayers" («Рубаки»).

4) Киберпанк — жанр сёнэн-аниме/манги, рассказывающий о мире будущего, жизнь которого полностью определяют компьютерные технологии. Идеологически близок к жанру «антиутопия». Особое место в жанре киберпанк занимают два сериала: «Последовательные эксперименты Лэйн» ("Serial experiments Lain") и «Дух во плоти» ("Ghost in the Shell").

5) Аниме по играм — созданные по мотивам игр, обычно приставочных или компьютерных. Самые популярные из них — это «Уличный боец» ("Street fighter") и «Последняя фантазия» ("Final fantasy").

6) Мистика, где наиболее популярна вампирская тематика. К примеру, такие аниме, как «Охотник на вампиров Ди», «Кровь: последний вампир».

7) Аниме на исторические темы, отличные от фэнтези. В первую очередь сюда можно отнести аниме на самурайскую тематику, такие как «Бродяга Кенсин» или «Манускрипт Ниндзя». Кроме того, для исторического жанра характерно переложение классической литературы на свой лад. Это такие сериалы, как «Граф Монте-Кристо» (по одноименному роману А. Дюма-отца) или «Стимбой» (по романам Ж. Верна).

8) Детские сериалы — для детей до 12 лет. Во-первых, это сериал «Карманные чудища» ("Pokemon", 1997), созданный по мотивам популярнейшей игры для карманной игровой приставки компании "Nintendo" и одноименной манги. Во-вторых, говоря о детских сериалах, нельзя не вспомнить студию «Гибли» и их знаменитые аниме «Унесенные призраками», «Ведьмина служба доставки Кики», «Мой сосед Тоторо» [5].

К списку жанров, выделенных Б. Ивановым на основании взаимодействия возрастного и сюжетного принципов, следует добавить еще два типа:

9) Эротическое аниме (хентай) — эротическое/порно аниме/манга. Дословно переводится как «извращенный». Наиболее известный фильм — «Легенда о Сверхчеловеке — Парень-бродяга». Поджанрами хентая считаются жанры яой и юри, повествующие о мужской и женской любви соответственно. Первое аниме о мужской любви — «Песня ветра и деревьев», «Юная революционерка Утена» — классика жанра юри.

10) Комедийный жанр чаще всего выступает поджанром и встречается в любом из вышеперечисленных жанров. Впрочем, существуют комедийно-пародийные аниме, такие как «Пуни Пуни Поэми» — комедийная пародия на жанр сёдзё-аниме, "Sex Demon Queen" — комедийная пародия на жанр хентай.

Особое место среди аниме-сериалов занимают сериалы «не для всех». Их, как правило, невозможно отнести к какому-либо одному жанру. Чаще всего это общепризнанные шедевры, из которых можно выделить только два противоположных типа отношения — либо восхищение, либо непримиримая нелюбовь. Среди таких аниме следует назвать «Евангелион нового поколения» ("Neon Genesis Evangelion"), «Х», «Крутые охотники» («Бакурэцу Хантер»), «Видение Эскафлона» («Тэнку но Эскафлон»), «Крейсер Надесико» («Кибо Сэнкан Надесико»), «Воины-марионетки Джей» ("Saber Marionette J"), «Гиперполиция» ("Hyper Police"), «Те, кто охотятся за эльфами» («Эльф во Карумоно Тати»).

Кроме того, можно выделить коммерческие (самостоятельный продукт), некоммерческие (художественные или идеологические, создаваемые для фестивалей и не имеющие целью собрать «кассу») и прикладные аниме (как часть рекламного ролика, видеоигры, видеоклипа, оформления фильма, ТВ-передачи) [1].

Элементы графического языка визуальных образов в аниме неоднократно описывались разными исследователями. Среди них, кроме «первопроходца» Б. А. Иванова, следует отметить В. И. Сидорчука и В. В. Харитонову, рассмотревших общие особенности японской анимации [10], А. И. Ефименко, проанализировавшего визуальные аспекты манги [4], В. А. Саклакову, рассматривавшую социокультурный аспект семиотических особенностей аниме [9], и других. Кроме того, интересным полем для изучения является распространенная в различных регионах России субкультура аниме, которая стала предметом исследования Н. П. Дедова, В. А. Кулаковой [2], В. Б. Хасьянова [11] и др.

Все исследователи отмечают тот факт, что японская анимация глубоко символична и использует ряд канонизированных приемов, что в целом не противоречит японской национальной эстетике, основанной на дзэн-буддизме и синтоизме. Систематизируя известные особенности графического языка образов аниме, можно выделить следующие черты:

1. Принцип «ограниченной анимации», провозглашенный еще О. Тэдзука и ставший ныне нормой, означает в аниме акцент на слож-

ный подробный дизайн персонажей и фонов, в то время как движение передается весьма «экономно» — 18 кадров в секунду вместо 24, что помогает сделать прорисовку точнее и больше внимания уделить деталям. Тщательная отделка деталей пейзажа, приятно сочетающаяся с различными цветами, поражает воображение и является собой уникальное достижение художников анимации. Собственно анимационная графика в аниме во многом шаблонна и канонизирована, поскольку выступает лишь средством для передачи идеи, но отнюдь не самоцелью.

2. Своеобразной общепризнанной «классикой» аниме-образа считаются «большие глаза» персонажей, точнее зрачки. На самом деле эта деталь не во всех аниме имеет место. Наиболее характерна эта черта образов для стиля сёнэн-аниме «каваи» («прелесть»), появившегося в начале 1990-х годов. С большими зрачками изображали девушек, которые тем самым должны быть сексуально привлекательными. С символической точки зрения следует указать на то, что глаза вообще являются центральным объектом лица в японской эстетике и выражают готовность персонажа к восприятию и созерцанию. Надо сказать, что в аниме особенности изображения лица не исчерпываются «большими глазами», они еще максимально детализированы, в отличие от остальных частей (рта, носа, скул).

3. Яркие разноцветные волосы, расположенные прядями, также являются особенностью аниме-образа, что призвано индивидуализировать героев. Японский антропологический тип подразумевает, как правило, черные волосы, поэтому разные цвета волос в аниме — это дань японскому стремлению подчеркнуть визуальную свою уникальность.

4. Еще одним необычным для российского зрителя явлением считается присутствие в аниме так называемых «Пушистиков», или «Неко» (Неко, от японского «Кошка»). Это милые существа, сочетающие в себе человеческие черты, чаще всего юной девушки, и звериные, чаще кошачьи, кроличьи или лисьи. Появление таких существ в комедийном и «сёнэн»-жанре привлекло еще большее количество поклонников в аниме. Их появление связано с особенностями японской мифологии и синтоизмом, а именно с наличием в ней животных-оборотней.

5. Рисунки аниме несут в себе философию передачи сложности и многообразия восприятий и трактовок внешнего мира. Классические каноны рисования детских мультфильмов с их простотой прорисовки образов и мира вокруг персонажа были начальным этапом при создании аниме.

Сейчас же аниме представляет собой сложное сплетение компьютерной технологии и философии созерцания (столь характерного для дзэн-буддийского мировосприятия) при создании образов аниме героев и окружающего их мира.

6. В аниме и манге эмоции передаются подчеркнуто гипертрофированно. Помимо изменения выражения лица или тона голоса персонажа используется ряд узнаваемых приёмов, напоминающих канонизированный символический язык традиционного японского театра. Например, персонаж говорит с закрытыми глазами — означает безапелляционность; герой падает в обморок, если поражен чем-то до глубины души; капельки пота на лбу — комическое затруднение и другие «пиктограммы».

7. Большое значение придается символике различных предметов и их использованию. Особенно часто встречаются, например, следующие предметы-символы:

- танец с веерами — традиционный самурайский танец победы;

- белая ленточка на голове (хатимаки) — символ полной концентрации на своем деле;

- еда в коробочке (бэнто) — специальная еда для тех, кто ест не дома [3].

8. Символический характер могут носить и действия персонажей:

- непроизвольное чихание — о персонаже в этот момент кто-то подумал;

- потоки слез из глаз — смеховой прием, персонаж горько плачет, но серьезно к причине его плача относиться не стоит;

- неожиданное падение персонажа навзничь — реакция на сказанную кем-то глупость;

- кровь из носа — юношеская смущенная реакция на сексуальную сцену или обнаженную девушку;

- отрезание волос — знак отказа персонажа от своей текущей жизни. После этого он «умирает» для своего прежнего круга общения и уходит в странствие, чтобы не возвращаться [3].

Таким образом, в отличие от американцев, для которых анимация — карикатура, для японцев она — символическая система. Аниме можно определить как самостоятельное искусство, входящее в сферу индустрии развлечений и обладающее при этом своим художественным языком. Влияние национальной культуры на аниме безусловно, что проявляется в наличии множества культурных особенностей. Анимация в Японии, так же как и манга, оказывает огромное влияние на все медийное пространство, в

том числе на кинематограф, телевидение, эстраду (актеров и молодых звезд эстрады гримируют в аниме-стиле, актеры играют в аниме-стиле). Японская анимация весьма своеобразна, так как основана на восточном символизме и проникнута духом дзэн-буддизма и синтоистской

мифологии; очень разнообразна в жанровом отношении, так как многие произведения создаются на стыке жанров и стилей, что максимально расширяет круг поклонников аниме, поскольку каждый может найти в ней что-то для себя.

Литература

1. Аниме и манга в России. Разновидности анимации. — URL: <http://www.animemanga.ru/Articles/animtype.shtml>.
2. Дедов Н. П. Влияние японской аниме-культуры на формирование субкультуры поведения российских подростков / Н. П. Дедов, В. А. Кулакова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2020. — Т. 9, № 1. — С. 133—139.
3. Денисова А. И. Семиотика в манга и аниме / А. И. Денисова // Вестник ТГУ. — 2014. — Выпуск 12(140). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-v-manga-i-anime/viewer>.
4. Ефименко А. И. Японское визуальное искусство манга и современный читатель / А. И. Ефименко // Книга в современном мире : материалы Международной научной конференции / Министерство образования и науки Российской Федерации ; Воронежский государственный университет. — 2013. — С. 64—72.
5. Иванов Б. А. Введение в японскую анимацию / Б. А. Иванов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2001.
6. История аниме. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1221968>.
7. Катасонова Е. Л. Анимэ: от Тэдзука до Миядзаки; Мир анимэ: единство многообразия / Е. Л. Катасонова // Японцы в реальном и виртуальных мирах: Очерки современной японской массовой культуры. — М. : Восточная литература, 2012. — С. 105—132.
8. Манга и аниме. Статьи об аниме и манге. Строеение аниме ТВ-сериалов. — URL: http://www.cultline.ru/manga/anime_articles/615.
9. Саклакова В. А. Семиотические особенности жанра аниме: социокультурный аспект / В. А. Саклакова // Язык и этнос в пространстве диалога культур : материалы I Всероссийской студенческой научно-практической интернет-конференции / Северо-Кавказский федеральный университет. — Ставрополь, 2019. — С. 232—234.
10. Сидорчук В. И. Японская мультипликация. Особенности японской мультипликации / В. И. Сидорчук, В. В. Харитонов // Инновационные перспективы Донбасса : сборник материалов VII Международной научно-технической конференции в рамках II Международного научного форума Донецкой Народной Республики. — Донецк, 2016. — С. 449—453.
11. Хасьянов В. Б. Субкультура аниме как культурно-информационный феномен (на примере деятельности молодежных объединений Иркутской области) / В. Б. Хасьянов, А. С. Зайцев // Научный диалог. — 2014. — № 11(35): Психология. Педагогика. — С. 75—88.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF VISUAL IMAGES IN ANIME

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

avalmart@list.ru

The article is devoted to the review and systematization of the features of the graphic language of visual images in Japanese animation (anime). The article discusses the origins, genre specifics, principles of creation that distinguish this type of animation from its foreign counterparts, as well as the symbolism of individual elements of the visual series of anime. The author concludes that anime is an independent form of mass art, only technically close to animation in its classical sense; that the popularity of anime outside Japan, despite the presence of pronounced features of the Far Eastern mentality, largely inaccessible to Western viewers, is primarily due to genre and content diversity and orientation to a wide age and diverse subcultural contingent of viewers. Despite the popularity of anime as an object of study by cultural scientists, sociologists, psychologists in our country and abroad, as well as the pronounced "mass culture" of this phenomenon, there are still many mysteries and unexplored aspects in this deeply national art form.

Key words: anime, japanese animation, popular culture, graphic language, visual images.

References

1. Anime i manga v Rossii. Raznovidnosti animatsii [Anime and manga in Russia. Types of animation]. URL: <http://www.animemanga.ru/Articles/animtype.shtml>.
2. Dedov N. P., Kulakova V. A. (2020) Vliyaniye yaponskoy anime-kultury na formirovaniye subkultury povedeniya rossiyskikh podrostkov [The influence of Japanese anime cultures on the formation of the subculture of behavior of Russian teenagers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obrazy i sovremennyye issledovaniya*, vol. 9, (1), p. 133–139.
3. Denisova A. I. (2014) Semiotika v manga i anime [Semiotics in manga and anime]. *Vestnik of TSU*, 12(140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-v-manga-i-anime/viewer>.
4. Efimenko A. I. (2013) Yaponskoe vizualnoye iskusstvo manga i sovremennyy chitatel [Japanese visual art manga and modern reader]. Book in the modern world. Materials of the international scientific conference. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Voronezh State University, p. 64–72.
5. Ivanov B. A. (2001) Vvedeniye v yaponskuyu animatsiyu [Introduction to Japanese animation: 2nd edition, revised and expanded]. Moscow.
6. Istoriya anime [Anime history]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1221968>.
7. Katasonova E. L. (2012) Anime: ot Tedzuka do Miyadzaki; Mir anime: Edinstvo mnogoobraziya [Anime: from Tezuka to Miyazaki; The world of anime: Unity of diversity]. Japanese in real and virtual worlds: Essays of modern Japanese mass culture. Moscow: Vostochnaya literatura, p. 105–132.
8. Manga and anime. Statyi ob anime i mange. Stroeniye anime TV-serialov [Manga and anime. Articles about anime and manga. The structure of anime TV series]. URL: http://www.cultline.ru/manga/anime_articles/615.
9. Saklakova V. A. (2019) Semioticheskie osobennosti zhanra anime: sotsiokulturnyy aspekt [Semiotic features of the anime genre: socio-cultural aspect]. Language and ethnicity in the space of the dialogue of cultures. Materials of the I All-Russian Student scientific and Practical Internet conference. North Caucasus Federal University (Stavropol), p. 232–234.
10. Sidorchuk V. I., Kharitonova V. V. (2016) Yaponskaya multiplikatsiya. Osobennosti yaponskoy multiplikatsii [Japanese animation. The peculiarities of Japanese animation]. Collection of materials of the VII International Scientific and Technical Conference within the framework of the II International Scientific Forum of the Donetsk People's Republic "Innovative prospects of Donbass". Donetsk, p. 449–453.
11. Khasyanov V. B., Zaytsev A. S. (2014) Subkultura anime kak kulturno-informatsionnyy fenomen (na primere deyatelnosti molodezhnykh obyedineniy Irkutskoy oblasti) [Anime subculture as a cultural and informational phenomenon (on the example of the activities of youth associations of the Irkutsk region)]. *Nauchnyy dialog*, 11(35): Psychology. Pedagogy, p. 75–88.

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

Т. С. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
cherry07@mail.ru

ПУТИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЧАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Россия представляет собой многонациональное государство, на территории которого проживает более ста девяносто народностей. Однако, несмотря на всю её многонациональность, в России сложилась единая культурная общность. Базой для единой культурной общности стало активное взаимодействие народов разных этнических и языковых групп, их культурные ценности. Основой государственности нашей страны является общероссийское культурное единство, что выступает гарантом её целостности, при этом в Российской Федерации гарантируется сохранение народных культурных традиций на государственном уровне. В существовании российского культурного общества огромное значение имеют традиционные народные культуры. Поэтому сохранение устойчивости российской государственности напрямую зависит от сохранения, развития и передачи традиций народной культуры новым поколениям. Будущее нашей страны и судьба последующих поколений напрямую зависят от того, смогут ли многочисленные народы нашей страны сохранить и прирастить богатое культурное наследие своей народности.

Ключевые слова: многонациональное государство, единая культурная общность, традиции, народная культура, толерантность.

В мировом сообществе Россия поддерживает свой уникальный статус многонационального государства, так как ни в одной из стран мира не уживается на одной территории такое количество народностей. Д. С. Лихачев в своих трудах не раз подчеркивал, что «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей из простого населения народом, нацией» [4, с. 22]. Многонациональность России складывалась на протяжении многих веков, пройдя через свой самобытный путь национального и культурного развития. Всё это богатое прошлое сегодня можем наблюдать в общероссийском культурном единстве.

В настоящее время понятия «русский», «россиянин» не отражают принадлежность к какой-либо народности, а включают в себя все этнические общины, относящиеся к различным языковым семьям и группам, населяющие всю необъятную территорию нашей страны. Этниче-

ский и конфессиональный состав населения Российской Федерации неоднороден, что предопределяет специфику положения традиционной народной культуры в настоящий момент времени и предопределяет пути её развития в будущем.

Рассмотрим понятие традиционной культуры. Под традиционной культурой понимается элемент национальной культуры, который формирует национальное самосознание и является связующим звеном между поколениями.

Традиционная культура является частью художественной культуры общества и тесно связана с таким феноменом, как историческая память. Под исторической памятью понимаются народные традиции, особенности национального уклада, праздников, костюмов, ремесла и творческие занятия, присущие данному народу, национальные блюда и т. п.

Попраirie предыдущего опыта, забвение народных традиций, отчуждение от духовно-

нравственных ценностей, сформированных на протяжении десятилетиями и веками, как показывает печальный опыт нашей страны, приводит к кризису во всех сферах общественной жизни — политической, экономической, культурной и т. п. Соответственно, это повлекло за собой рост преступности, наркомании, детской беспризорности, снижение ценности института семьи, как следствие, увеличение разводов, межнациональную нетерпимость, что вылилось в духовно-нравственную деградацию общества и обесценивание в нем таких важных социальных институтов, как трудолюбие, сострадание и милосердие [11].

Россия — многонациональная страна, и без уважения культуры другого народа, чувства толерантности не сохранить её целостность.

В современном мире под влиянием массовой культуры и в результате забвения национальных традиций новыми поколениями происходит трансформация нравственности. Это сказывается на криминализации общества, всё чаще слышно про акты вандализма, экстремизма. Однако государственные органы по борьбе с преступностью не придают должного значения профилактике преступлений, а при воспитании детей и молодежи принижается значение влияния культуры.

Культурное воспитание играет огромную роль при формировании личности, оно прививает нравственные устои, терпимость к людям другой национальности и религии, уважение к обычаям других народов, а самое главное, воспитывает человека толерантным, не давая места для роста религиозной и национальной розни, другим преступным наклонностям. В культурном воспитании подрастающих поколений немаловажное значение имеет и традиционная культура.

Смена социально-экономического строя меняла также и отношение государства к культурной политике. Произошла коммерциализация культуры, это привело к тому, что культурные ценности, таланты стали товарами и услугами. Популярность приобрела массовая культура, которая приносит деньги, а шоу-бизнес стал одной из прибыльных отраслей [5].

В результате рыночных отношений нематериальное культурное наследие оттеснили на периферию как нерентабельное. И только общественное сознание некоторых граждан, осмысление всей глубины значения устных традиций, языка, обычаев, народных ремесел помогает воссоздавать его некоммерческими организациями, сохранять и передавать подрастающим поколениям.

Однако ценности культуры могут не только объединять и восстанавливать связь между поколениями, но и разъединять. Этот разрыв поколений происходит, если в передаваемых ценностях отсутствует единая духовная составляющая. Эти процессы можно наблюдать в 20-х и 90-х годах XX века, когда под натиском культурной революции происходит крушение ценностных связей между поколениями. Да и сегодня требуется активное восстановление и трепетное сохранение духовных связей между старшим и новым поколением, а иногда уже некоторые преемственности можно восстановить только на основании литературы и оставшихся памятников культуры. Необходимо преодолевать этот разрыв, действуя на уровне государства, помогая деятельности тех организаций, которые в своей работе приобщают молодежь к культурно-историческому наследию, традиционной народной культуре.

Нужно понимать, что в основе культуры современного общества лежит традиционная народная культура. Традиционная народная культура — это накопленный веками духовный опыт, благодаря которому формируются моральные нормы и ценности, создаются такие нравственные установки, которые способны регулировать социальные отношения во многих отраслях жизнедеятельности человека.

Осознание народами России собственной культурной самобытности укрепит национальный авторитет нашей страны на мировой арене. Необходимо обуздать культ потребления, перестать бессмысленно поглощать всё то, что продает нам запад, вспомнить о нашем богатейшем духовном наследии.

Опыт предшествующих поколений, их мудрость сохранились в традиционной народной культуре: сказках, песнях, легендах, былинах, сказаниях и в бытовых предметах и народных ремеслах [6, 7]. В основе народной художественной культуры лежат традиции, устойчивые формы жизни народа, отражающие особенности его национального характера и национальных представлений о мире. Народная культура развивается под воздействием принятых в данном обществе художественных норм, ценностей и идеалов.

Народная культура складывается на протяжении многих веков, вбирая в себя традиции данного народа, но красной нитью в народной художественной культуре проходит его своеобразие, его национальный характер. Народная художественная культура часто становится базисом для развития профессионального искус-

ства. Выражая национальный характер каждого народа, народная культура играет большую роль в деле нравственного воспитания, а также формирования положительных морально-этических установок у подрастающего поколения.

Народная культура соотносится с российским культурным наследием как часть с целым. Отечественное культурное наследие опирается на обычаи восточнославянских племен. Отечественное культурное наследие — это народное художественное творчество, складывающееся из песен, сказок, сказаний, потешек, пословиц, танца, пришедших к нам из старины. Они передавались из уст в уста, из-за чего постоянно изменялись. Первые письменные сборники появились только в XIX веке благодаря представителям творческой интеллигенции и русского дворянства, изучавшим и собиравшим традиции народной художественной культуры. До этого не было письменных источников, поскольку народная культура Руси на протяжении многих веков складывалась как бытовая, проходя через все сословия.

Народная художественная культура включает в себя совокупность художественных произведений различных жанров, специфических форм художественно-творческой деятельности, основными особенностями которой являются самобытность того или иного народа, своеобразные представления о мире, национальный характер.

Народная художественная культура не ограничивается только фольклором (сказками, песнями, танцами и т. п.), это явление намного глубже. В своих художественных образах она передает систему духовных ценностей своего народа, взгляд народа на мироздание, миропонимание, а также сложившиеся в этом этносе способы передачи и сохранения художественных ценностей. Через возрождение забытых праздников, старинных обрядов современное общество узнает о представлениях наших предков о мире, семье, материнстве, труде.

Народная культура формировалась на протяжении многих веков. В песнях, сказках и других формах выражения можно найти правила поведения в обществе, выживания в природной среде, способы сохранения физического и духовного состояния. Возрождение традиций народной культуры в условиях современного общества — одна из главных задач общества.

В настоящее время сохранению и распространению в обществе традиций русского и других народов, населяющих бескрайние просторы нашей страны, отводится особая роль, государ-

ство в этом направлении содействует специальному образованию. Так, например, в 2000-х годах Президентом была утверждена Национальная доктрина развития образования в России, где особое значение придается отечественному культурно-историческому и национально-культурному наследию. В Доктрине говорится о том, что эти направления должны быть положены в основу всего российского образования.

Для России, включающей в свой состав более 190 народностей, многообразие народного творчества, ремесел, обычаев и т. д., все грани народной художественной культуры — это не только бесценное культурное наследие, но и основное преимущество нашей страны перед мировым сообществом. Ведь культура народов России является основным фактором, консолидирующим всё российское общество, способствует выработке у российских граждан чувств толерантности и уважения к соседствующей рядом культуре [9, 3].

В Российской Федерации практически каждый регион имеет свои культурные национальные традиции, некоторые субъекты РФ объединяют в себе несколько малых народностей. В связи с этим в субъектах Российской Федерации разрабатываются и реализуются программы по сохранению и развитию народной культуры данного народа, которые носят комплексный характер, так как реализация единичных мер бессмысленна. Например, учеными-этнографами собираются фольклорные фонды. Домами культуры создаются специальные кружки, художественные коллективы, иногда целые центры и фольклорные дома. Организуются различные фольклорные фестивали и конкурсы, призванные привлечь молодежь к активной деятельности по сохранению и развитию традиций народной культуры.

Однако государство недооценивает значимость развития этнокультурной сферы для развития государства в целом и сохранения стабильности в обществе. Внимание государства к проблемам сохранения и развития народной культуры в Российской Федерации выражается путем принятия нормативно-правовых актов, утверждения программ развития, закрепления в конституции прав народов и т. д. [6, 8].

Следует перечислить такие основные законодательные и нормативные документы, как:

— Конституция, гарантирующая свободу художественного творчества, право граждан на участие в культурной жизни и на доступ к культурным ценностям, а также заботу о сохранении исторического и культурного наследия, памятников истории и культуры;

— Основы Законодательства РФ о культуре (2020 г.);

— Федеральная программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации»;

— региональные межведомственные проекты и программы возрождения народной художественной культуры (Архангельск, Белгород, Владимир, Вологда, Тверь, Нижний Новгород и другие регионы).

Участие государства в сохранении и развитии традиций народной культуры также можно проследить в поддержке научных исследований народного художественного творчества.

В них участвуют государственные учреждения:

— научно-исследовательские институты (Государственный институт искусствознания, Российский научно-исследовательский институт культурологии, Научно-исследовательский институт этнологии и антропологии Академии наук РФ, Российский институт культурного и природного наследия и другие);

— средние и высшие учебные заведения культуры и искусств, консерватории, музыкально-педагогические вузы;

— Государственный Российский Дом народного творчества и дома народного творчества во всех регионах страны;

— Государственный республиканский центр русского фольклора;

— центры традиционной культуры, дома фольклора, национальные культурные центры и т. д.

В настоящее время в России ведется единая база данных, с помощью которой создается система по поиску фольклорных явлений и процессов, осуществляется их учет [12].

Одним из ярких и познавательных путей развития народного художественного творчества является организация фестивалей, биеннале, конкурсов народного творчества. Этот способ сохранения и развития традиций народной культуры считается самым популярным среди молодежи. Самые известные фестивали, популярные в международном сообществе:

— международные фольклорные фестивали;

— Международный фестиваль народной музыки «Садко»;

— Ежегодный международный фольклорный фестиваль «Жемчужина Севера», который проводится в Архангельской области;

— Международный фестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона, проходит в г. Красноярске;

— Международный фестиваль тюркских народов (Москва и 10 городов Поволжья);

— Ежегодный международный фестиваль детского танца «Ритмы планеты», проводится в г. Хабаровске;

— Всероссийский фестиваль детского творчества народов Севера «Вслед за солнцем».

Россия организует и проводит как местные и региональные конференции по проблемам сохранения и популяризации традиций народной культуры, так и всероссийские конференции. Несколько раз в России проводились международные научные и научно-практические конференции по вопросам, связанным с сохранением и развитием народной культуры.

Существуют также периодические издания, направленные на распространение традиций народной культуры, например, журналы «Народное творчество», «Этносфера», «Живая старина» и другие. К способу распространения народной художественной культуры с наибольшим охватом населения относится телевидение, в частности, такие передачи, как «Русский дом», «Играй, гармонь!» [8].

Однако на телевидении и в средствах массовой информации проблемам сохранения и развития культуры народов нашей страны не уделяется должного внимания в силу коммерческого предоставления эфирного времени и борьбы за рейтинги, даже на социальных каналах проблемы развития культуры народов нашей страны освещаются не на постоянной основе.

Перед государством стоит не только задача финансирования мероприятий по сохранению и распространению традиций народной культуры, поддержания этой деятельности изданием правовых актов, но и в стремлении повысить престиж профессий, связанных с народной культурой, популяризации этих профессий среди молодежи, стимулирования интереса к процессу сохранения и развития культурного наследия. Необходимо оказывать помощь опытным мастерам в передаче своего опыта, а молодому поколению привить увлеченность и желание перенимать опыт традиционной культуры народов России.

В целях повышения эффективности в деле сохранения культурного наследия разрабатываются долговременные стратегии, а также формируются концепции по сохранению нематериального культурного наследия, создаются равные условия для творческой деятельности всех этнокультурных групп.

В государственной поддержке нуждаются все направления деятельности по сохранению и развитию традиций народной культуры:

— воспитание и сохранение уникальных творческих кадров, как деятелей искусства, так и мастеров, обладающих навыками профессий, связанных с народной культурой;

— воспитание чувства патриотизма, преданности своему народу и своему Отечеству [4].

В обществе появилась необходимость в разработке целого ряда мероприятий по развитию существующих механизмов и созданию новых, адаптированных к современным реалиям, в области поддержки и развития традиционных культур, их популяризации, сохранении нематериального культурного наследия всех народов нашей страны.

К этим мерам можно отнести:

— разработку современной законодательной базы в сфере государственной поддержки сохранения и передачи нематериальной культуры народов России;

— создание централизованной концепции по сохранению культурного наследия народов, населяющих территорию нашей страны;

— разработку нормативно-правовых актов по охране и защите культурного наследия;

— эффективную защиту авторских прав творческих людей, работающих в сфере сохранения народных художественных традиций;

— материальную поддержку творческих коллективов, помощь в продвижении проектов, связанных с народной культурой, на региональном, федеральном и международном уровне;

— обновление материально-технической базы национально-культурных и фольклорно-этнографических центров, особенно в сельской местности;

— освещение на телевидении и в средствах массовой информации положительного опыта традиционной народной культуры, а также деятельности по сохранению и распространению народной культуры государственными и негосударственными организациями;

— создание государственных и региональных телерадиокомпаний, циклов передач, основной целью которых будет распространение нематериального культурного наследия народов России;

— правовую поддержку народных мастеров, хранителей народных эпосов и других членов общества, осуществляющих сохранение и распространение традиционной народной культуры как на местном, региональном уровне, так и на уровне государства [2, 3].

Сохранение уникальных самобытных традиций, культурного разнообразия, недопущение абсолютной культурной ассимиляции приобретает всё большее значение в развитии современного общества и государства, так как с утратой исторической памяти утрачивается государственность в целом, что приводит к гибели великих цивилизаций.

Таким образом, возрождение, сохранение и распространение традиционной культуры разных народов нашей страны крайне важны в современном обществе. Исторический опыт нашей страны показал, что, разрывая духовную связь с прошлыми поколениями, невозможно построить ни стабильного государства, ни полноценного толерантного общества. Только возродив духовную связь, восстановив традиции народной культуры, можно говорить о чувстве патриотизма, об уважении культурных традиций других народов, о национальном самосознании и самобытной культуре всей нашей страны. Поэтому важно сохранять и распространять традиции культуры народов не только на уровне библиотек, но и на уровне государства в целом, привлекая для этого государственные и негосударственные органы, коммерческие и некоммерческие организации, учреждения культуры и образования [9].

Основные пути по сохранению традиций народной культуры на современном этапе развития нашей страны — это правовое регулирование, разработка комплекса мер по сохранению и развитию культурного наследия на уровне государства и субъектов Российской Федерации, научные исследования на базе институтов, формирование единой базы культурного наследия, проведение фестивалей народной культуры разных уровней, научных конференций, связанных с проблемами сохранения и развития народной художественной культуры, создание журналов и телепередач и многое другое.

Литература

1. Балихина Н. В. Сохраним народные традиции / Н. В. Балихина // Юношеские библиотеки России. Вып. 2. — М., 1997. — С. 30—37.
2. Виноградов Г. С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири / Г. С. Виноградов. — М., 2009. — 896 с.
3. Костомаров Н. О жизни, быте и нравах русского народа / Н. Костомаров. — М. : Просвещение, 1996. — 575 с.
4. Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. — М. : Сов. Россия, 1984. — 52 с.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.) / Ю. М. Лотман. — СПб., 1998. — 412 с.
6. Морозов И. А. Забавы вокруг печки: русские народные традиции в играх / И. А. Морозов. — М. : Роман-газета, 1994. — 95 с.
7. Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций. — М., 1991. — 378 с.
8. Народное искусство в воспитании детей / под ред. д-ра пед. наук проф. Т. С. Комаровой. — М. : Рос. пед. агентство, 1997. — 209 с.
9. Русская бытовая сказка : бытовые сказки, а также байки, народные анекдоты, притчи, небылицы и присказки, бывшие между людьми в XVI—XX веках / отобрал из старых и новых книг и рукописей В. Бахтин. — Л. : Лениздат, 1987. — 509 с.
10. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собрано М. Забылиным. — Ростов н/Д., 1996. — 422 с.
11. Терещенко А. В. Быт русского народа / А. В. Терещенко. — М. : Русская книга, 1999. — 308 с.
12. Харлицкий Н. Русские праздники, народные обычаи, традиции, обряды : книга для чтения / Н. Харлицкий. — М. : Изд-во Рос. гос. ун-та Дружбы народов, 1996. — 130 с.

WAYS OF PRESERVING TRADITIONAL CULTURE AS PART OF ARTISTIC CULTURE

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

Russia is a multinational state; more than one hundred and ninety nationalities live in the territory of our country. However, despite all its multinationality, a single cultural community has developed in Russia. The basis for a single cultural community was the active interaction of peoples of different ethnic and linguistic groups, their cultural values. The basis of the statehood of our country is the all-Russian cultural unity, which is the guarantor of its integrity, while in the Russian Federation the preservation of folk cultural traditions at the state level is guaranteed. Traditional folk cultures play a huge role in the existence of the Russian cultural society. Therefore, the preservation of the stability of the Russian statehood directly depends on the preservation, development and transmission of the traditions of folk culture to new generations. The future of our country and the fate of future generations directly depend on whether the numerous peoples of our country will be able to preserve and grow the rich cultural heritage of their nationality.

Key words: multinational state, single cultural community, traditions, folk culture, tolerance.

References

1. Balikhina N. V. (1997) Sokhranim narodnye traditsii [Let us preserve national traditions]. Yunosheskie biblioteki Rossii, (2), p. 30—37.
2. Vinogradov G. S. (2009) Etnografiya detstva i russkaya narodnaya kultura v Sibiri [Ethnography of childhood and Russian folklife culture in Siberia]. Moscow, 896 p.
3. Kostomarov N. (1996) O zhizni, byte i nraakh russkogo naroda [About the life, daily routine and morals of Russian people]. Moscow: Prosveschenie, 575 p.
4. Likhachev D. S. (1984) Zаметки о русском [Notes about Russian]. Moscow: Sov. Rossiya, 52 p.

5. Lotman Yu. M. (1998) *Besedy o russkoj kulture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX v.)* [Conversation about Russian culture: lifestyle and traditions of Russian nobility (XVIII — beginning of XIX centuries)]. St. Petersburg, 412 p.
6. Morozov I. A. (1994) *Zabavy vokrug pechki: russkie narodnye traditsii v igrakh* [Fun and frolic around wood stove: Russian folk traditional games]. Moscow: Roman-gazeta, 95 p.
7. *Narodnoe iskusstvo i sovremennaya kultura. Problemy sokhraneniya i razvitiya traditsiy* [Russian art and modern culture. Problems of preserving and development of traditions]. Moscow, 1991, 378 p.
8. Komarova T. S. (1997) *Narodnoe iskusstvo v vospitanii detey* [Folk art with regard to children's education]. Moscow: Ros. ped. agentstvo, 209 p.
9. Bakhtin V. (1987) *Russkaya bytovaya skazka: bytovye skazki, a takzhe bayki, narodnye anekdoty, pritchi, nebylitsy i priskazki, byvshie mezhdu lyudmi v XVI—XX vekakh* [Russian fairy tale: household fairy tales, storytellings, folk anecdotes, apologues, fables of people in XVI—XX centuries]. L.: Lenizdat, 509 p.
10. Zabylin M. (1996) *Russkiy narod: ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya* [Russian people: customs, rites, legends, superstitions and poetry]. Rostov-on-Don, 422 p.
11. Tereschhenko A. V. (1999) *Byt russkogo naroda* [Household of Russian people]. Moscow: Russkaya kniga, 308 p.
12. Kharlitskiy N. (1996) *Russkie prazdniki, narodnye obychai, traditsii, obryady* [Russian holidays, customs, traditions, rites]. Moscow: RUDN University, 130 p.

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

Д. Н. Ефремова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
dasa-efremova@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современное общество все больше обращает внимание на необходимость создания доступной среды для людей с ограниченными возможностями по здоровью. В области культуры государство проводит политику поддержки социальных проектов, направленных на инклюзию в музее. По всей стране в музеях разрабатываются просветительские программы для существенного улучшения качества досуга и участия инвалидов в культурной жизни. Число людей с ограниченными возможностями здоровья растет год от года, среди них большой процент детей.

Приобщение к культуре — один из элементов социализации личности, поэтому так важно привлечение каждого члена общества в единое культурное пространство и поддержка проектов, направленных на создание доступной среды. Развитие инклюзии в музеях идет по нескольким направлениям: работа с людьми с физической, сенсорной (зрения, слуха) и психической (с особенностями ментального развития) инвалидностью. В зависимости от особенностей музей предлагает доступную программу и организует доступ к экспозиции. Важнейшее место в организации процесса занимают новые технологии: 3D-модели, интерактивные экспонаты, виртуальные туры, мероприятия в формате онлайн.

Ключевые слова: инклюзия, музей, социология, доступная среда, культура.

Социология как наука, изучающая общество, особое внимание обращает на качество функционирования общественных институтов и уровень жизни людей. В особой заботе нуждаются люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

В настоящее время в России насчитывается без малого 12 миллионов людей с инвалидностью, около 5,6 % из них — несовершеннолетние. При этом число детей с ОВЗ ежегодно увеличивается. По данным Федеральной службы государственной статистики, еще в 2013 году их было 567 825, а в 2019 — уже 670 006 человек [1].

В 2008 году вступил в силу важнейший международный документ — Конвенция ООН о правах инвалидов, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН. Конвенция призывает страны к решению задач безбарьерной среды — системы физической доступности для инвалидов общественных зданий, культурных мест отдыха, спортивных сооружений, транспорта. Россий-

ская Федерация ратифицировала этот документ в 2009 году. Это послужило стимулом к совершенствованию законодательства России в названной сфере, была принята государственная программа «Доступная среда». Задачами данной программы являются разработка нормативно-правовых документов, обеспечение условий доступности объектов социальной инфраструктуры, создание благоприятных условий для интеграции инвалидов в общество, повышение качества и уровня их жизни [2].

Доступ к общественным и культурным благам для людей с ОВЗ становится все более широким по всему миру. В нашей стране вопросам инклюзии стали уделять повышенное внимание, чему способствовало развитие науки и техники.

Инклюзия (от англ. *inclusion* — включение) — процесс увеличения степени участия всех граждан в социуме, и в первую очередь имеющих трудности в физическом развитии.

Принципы инклюзии базируются на гарантированном Конституцией праве любого граж-

данина РФ на образование и на других государственных и международных документах. В их число входят:

- статья № 28 Конвенции ООН о правах детей;
- статья № 43 Конституции РФ;
- Федеральный закон № 273 «Об образовании» от 29 декабря 2012 года;
- статья 19 Федерального закона № 181 «О соцзащите инвалидов РФ» от 24 ноября 1995 года.

Инклюзия — это процесс реального включения инвалидов в активную общественную жизнь, она в одинаковой степени необходима для всех членов общества. Согласно словарю С. И. Ожегова, «инвалид — человек, который полностью или частично лишен трудоспособности вследствие какой-либо аномалии, ранения, увечья, болезни» [3].

Инклюзия активно исследуется в работах таких авторов, как С. В. Алёхина, А. А. Кашицын, В. К. Антонова, В. В. Булгакова, М. С. Астоянц, Ю. А. Афонькина, И. Григорьева, Т. В. Егорова, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.

Физические ограничения не могут не влиять на качество жизни, но задача государства — максимально включить в процесс существования общества всех его членов. Для этого имеются различные проекты, реализуемые как государством, так и частными организациями. Направления проектов разнообразные — от юридической поддержки до программ по трудоустройству. Только в первом конкурсе 2022 года Фонда президентских грантов было подано 53 заявки по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан», ориентированные на людей с ОВЗ.

В пространстве учреждений культуры идет беспрестанная работа по устройству благоприятной среды для всех возможных посетителей, в том числе с ОВЗ.

Музей может считаться инклюзивным, если, во-первых, он доступен всем посетителям. Для доступа в музеи в современных выставочных пространствах устанавливаются пандусы и подъемники. В Ленинском мемориале для удобства инвалидов-колясочников сделаны лифты, а перед входом в музеи установлены специальные кнопки вызова сотрудников.

Во-вторых, все сотрудники музея обучены работе с людьми с инвалидностью. Например, Пушкинский музей регулярно проводит конкурс на обучение музейных сотрудников навыкам работы с людьми с различными ограничениями по здоровью.

В-третьих, организуется проведение в музее программ в соответствии с разными потребностями аудитории. Это могут быть экскурсии на жестовом языке или с использованием тактильных материалов или отдельные мероприятия для людей с особенностями ментального развития.

Пример инклюзии — в Самарском областном художественном музее представлены тактильные копии картин И. Е. Репина и Б. М. Кустодиева для слабовидящих посетителей.

Одним из ведущих практиков инклюзивных программ в нашей стране является Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В музее существуют инклюзивные программы к выставкам, проходит Международный инклюзивный фестиваль, мастер-классы для профессионалов и людей с ОВЗ, проводятся творческие занятия и социальные перформансы, тактильные экскурсии и программы на жестовом языке, звуковые мастер-классы. На сайте музея доступны аудиогиды с тифлокомментариями, видеогиды на жестовом языке по популярным выставкам и лекции с переводом на РЖЯ.

Международный опыт говорит о необходимости включения в процесс культурного познания всех членов общества, вне зависимости от возможных ограничений по здоровью.

Современный популярный метод работы с психологическими проблемами «арт-терапия» появился в музее в 1920-е гг. В знаменитой Третьяковской галерее невролог и психотерапевт Г. И. Россолимо проводил занятия с детьми с нарушениями развития, отмечая их интерес к картинам, он использовал наблюдения для психокоррекции. Работа с людьми с особенностями ментального развития происходит и сегодня. Во многих музеях им готовы предложить специальные программы — экскурсии и мастер-классы.

В зарубежных странах над вопросом о доступности культурных ценностей для людей с ОВЗ задумались еще раньше. С 1845 года в Ганновере действует школа для слепых, сегодня уже в Музее искусств представлено около 6000 экспонатов: рельефные изображения, пишущие и читающие устройства, ящики геометрии для обучения слепых и др. Гидами здесь работают незрячие и слабовидящие люди.

Во всем мире насчитывается около 285 миллионов незрячих и слабовидящих людей, для их социализации необходимо делать искусство более доступным. Для этого по всему миру в музеях сегодня внедряются аудиогиды, 3D-печать произведений искусства, шрифт Брайля в тради-

ционные формы искусства. В музее Гуггенхайма работают тактильные туры, в ходе которых посетители могут трогать известные работы.

В Ульяновске в Доме-музее В. И. Ленина для незрячих людей разработаны особые экскурсии с применением 3D-моделей дома, Дома, где родился В. И. Ульянов (Ленин), и предметов из экспозиции музея.

Говоря о людях с ограниченными возможностями здоровья по слуху, можно отметить, что, по данным Министерства здравоохранения и социального развития, их количество в России растёт и уже составляет более 13 миллионов человек. Однако, по заявлениям Всероссийского общества глухих (ВОГ), примерно восемь-девять миллионов человек по всей России имеют различные нарушения слуха.

Согласно выборочной статистике и данным ВОЗ, в России на данный момент насчитывается порядка миллиона детей и подростков с нарушением слуха. Взаимодействие с окружающим миром, как правило, осуществляется при помощи сурдоперевода [4]. Для удобства людей с ОВЗ по слуху в музеях существуют специализированные экскурсии и занятия. Есть возможность заказать экскурсию с сурдопереводом. Для ориентации в музеях устанавливают указатели, аудиогиды разрабатывают в текстовом формате.

В современных музеях представлены интерактивные экспонаты, доступные всем желающим. На витринах или по ходу следования маршрута размещаются метки с QR-кодами. Напри-

мер, в Самарском литературно-мемориальном музее имени М. Горького в каждой комнате размещены таблички с QR-кодами, позволяющими узнать подробности об экспозиции.

Во время пандемии сотрудники Государственного исторического музея проводили онлайн-экскурсии в сопровождении сурдопереводчика.

Онлайн-формат работы музея открывает возможности для знакомства для всех категорий желающих. На сайтах музеев все более популярными становятся виртуальные туры, тифло-экскурсии и экскурсии с сурдопереводом. Например, в ютубе и на сайтах музеев доступны экскурсии по Эрмитажу, экскурсии с тифлокомментированием по территории Государственного музея-заповедника «Царицыно», Музей-мемориал Победы опубликовал экскурсии с субтитрами для слабослышащих людей.

Социальная инклюзия в настоящее время является одним из приоритетных направлений государственной политики. Идеология инклюзии сформировалась в результате осознания ценности человеческого многообразия и отличий между людьми.

Государство поддерживает и финансирует социальные программы, нацеленные на создание доступной среды. В музеях действует особая система скидок и разработаны специализированные научно-просветительские и развлекательные программы для разных категорий людей с ОВЗ. Инклюзия становится неотъемлемой частью культурного и социального прогресса во всем мире.

Литература

1. Организация инклюзивного образования детей с ОВЗ в 2020 году. Ответы на частые вопросы // Московский центр дистанционного образования. — URL: <https://mgaps.ru/news/146> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Булгакова В. В. Теоретические и методологические аспекты социокультурной интеграции инвалидов в музейной среде / В. В. Булгакова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 30. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-metodologicheskie-aspekty-sotsiokulturnoy-integratsii-invalidov-v-muzeynoy-srede> (дата обращения: 04.10.2021).
3. Что такое инклюзия? // Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. — URL: <https://www.sgu.ru/structure/social/inclusive/chto-takoe-inklyuziya> (дата обращения: 05.10.2021).
4. Родионова Д. Д. Актуализация культурного наследия музейными средствами для посетителей с ограниченными возможностями здоровья по слуху / Д. Д. Родионова, С. И. Гусев, Я. И. Толкалова // Человек и культура. — 2021. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kulturnogo-naslediya-muzeynymi-sredstvami-dlya-posetiteley-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-po-sluhu> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Посетителям с инвалидностью // Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. — URL: <https://pushkinmuseum.art/museum4all> (дата обращения: 05.10.2021).
6. Проекты // Фонд президентских грантов. — URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards> (дата обращения: 05.10.2021).
7. Кашицын А. А. Социальный потенциал инклюзивных практик в музейном пространстве / А. А. Кашицын // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. — 2019. — № 27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-potentsial-inklyuzivnyh-praktik-v-muzeynom-prostranstve> (дата обращения: 05.10.2021).

THE DEVELOPMENT OF INCLUSION IN THE MUSEUM SPACE

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

D. N. Efremova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
dasa-efremova@mail.ru

Modern society pays more and more attention to the necessity for creation of an accessible environment for people with disabilities. In the field of culture, the state pursues a policy of supporting social projects aimed at inclusion in the museum.

Throughout the country, museums are developing educational programs to significantly improve the quality of leisure and the participation of people with disabilities in cultural life. The number of people with disabilities is growing from year to year, including a large percentage of children. Introduction to culture is one of the elements of socialization of the individual, therefore it is so important to attract each member of society to a single cultural space and support projects aimed at creating an accessible environment. Development of inclusion in museums in several areas: work with people with physical, sensory (vision, hearing) and mental (with mental developmental disabilities) disabilities. Depending on the features, the museum offers an accessible program and organizes access to the exposition. The most important place in the organization of the process is occupied by new technologies: 3D models, interactive exhibits, virtual tours, online events.

Key words: inclusion, museum, sociology, people with disabilities, culture.

References

1. Organizatsiya inklyuzivnogo obrazovaniya detey s OVZ v 2020 godu. Otveti na chastye voprosy [Organisation of inclusive education of children with disabilities in 2020. Answers to frequently asked questions]. Moscow centre of distance learning. URL: <https://mgaps.ru/news/146> (access date: 05.10.2021).
2. Bulgakova V. V. (2015) Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty sotsiokulturnoy integratsii invalidov v muzey-noy srede [Theoretical and methodological aspects of social and cultural integration in the museum area]. Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts, (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-metodologicheskie-aspekty-sotsiokulturnoy-integratsii-invalidov-v-muzeynoy-srede> (access date: 04.10.2021).
3. Chto takoe inklyuziya? [What is inclusion?]. Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskij. URL: <https://www.sgu.ru/structure/social/inclusive/chto-takoe-inklyuziya> (access date: 05.10.2021).
4. Rodionova D. D., Gusev S. I., Tolkalova J. I. (2021) Aktualizatsiya kulturnogo naslediya muzeynymi sredstvami dlya posetiteley s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya po sluhu [Actualization of cultural heritage by means of museum for the customers with deaf disabilities]. Chelovek i kultura, (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kulturnogo-naslediya-muzeynymi-sredstvami-dlya-posetiteley-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-po-sluhu> (access date: 29.09.2021).
5. Posetiteli s invalidnostyu [For customers with disabilities]. State museum of fine arts named after A. S. Pushkin. URL: <https://pushkinmuseum.art/museum4all> (access date: 05.10.2021).
6. Proekty [Projects]. Presidential Grants Fund. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards> (access date: 05.10.2021).
7. Kashitsyn A. A. (2019) Sotsialnyj potentsial inklyuzivnykh praktik v muzeynom prostranstve [Social potential of inclusive practices the museum area]. Vestnik HGU named after N. F. Katanova, (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyj-potentsial-inklyuzivnykh-praktik-v-muzeynom-prostranstve> (access date: 05.10.2021).

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Э. В. Егорова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Eleanor_63@mail.ru

Е. И. Крашенинникова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
katekrash98@mail.ru

С. В. Ускова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
suskova00@mail.ru

КОРОНАВИРУС И ОБЩЕСТВО

Коронавирусная инфекция, или COVID-19, полностью изменила ход жизни всего мира с марта 2020 года. Однако до сих пор нет четкого представления о влиянии коронавируса на наше общество и культуру. Данное исследование направлено на рассмотрение социального и культурного воздействия коронавирусной инфекции для лучшего понимания пандемии COVID-19. Коронавирус, являясь острым респираторным заболеванием, имеет огромное влияние на мировую обстановку. Учитывая современную глобальную пандемию COVID-19, необходимо понимать последствия пандемий/эпидемий, охватывающих все сферы нашей жизни на общество и культуру. Главное отличие данного периода новой коронавирусной инфекции — это то, что общество проживает его фактически онлайн.

Ключевые слова: коронавирус, общество, COVID-19.

ВВЕДЕНИЕ

Новая коронавирусная инфекция впервые была зафиксирована в Китае, официальной датой начала эпидемии считается 1 декабря 2019 года, когда был установлен первый пациент с необычными симптомами. 22 января власти Китая заговорили о мутации коронавируса и глобальной эпидемии, было отмечено, что большинство случаев заражения вирусом проходило воздушно-капельным путем. 30 января Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку коронавируса 2019-nCoV «чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение».

Новая коронавирусная инфекция вызвала высокий уровень страха и тревоги во всем мире. Отсутствие достоверной информации о смертельной эпидемии стало причиной возникновения стереотипов, что приводило к разобщению и дискриминации [1, 3, 9, 15]. COVID-19 стал одной из самых обсуждаемых тем в средствах массовой информации. Будучи мощным инструментом воздействия на общество, СМИ сыграли значительную роль в стигматизации, обвиняя больных в том, что они подвергают опасности здоровых людей, пропагандируя изоляцию и навязывая моральные и политические программы [4]. Стигматизация распространилась и на медицинских работников. Во время пандемии ресурсы больниц были ограничены, многие сотрудники помещены на карантин, другим приходилось работать сверх нормы в дополнительные смены, чтобы справиться с большим количеством пациентов [7].

В период пандемии и всеобщей изоляции увеличилось время использования Интернета. Аудитория сайтов традиционных СМИ в интернете в период самоизоляции выросла суммарно на 150 млн человек благодаря росту интереса россиян к новостям [2].

Современный кризис COVID-19 носит смешанный характер «коронавируса» и «пандемии». Для лучшего понимания развития ситуации, связанной с пандемией, необходимо рассмотреть не только эпидемиологию и клинические характеристики новой коронавирусной инфекции, но и влияние COVID-19 на общество и культуру, поскольку в период пандемии также происходят процессы стигматизации, дискриминации, политизации и др.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования авторами был проанализирован материал, представленный в открытом доступе на новостных порталах *Интер-*

факс, РБК, BBC News Русская служба. Тематическая выборка проводилась с использованием терминов «коронавирус» и «общество» в поисковом запросе.

Хронологические рамки исследования ограничены апрелем 2020 года — февралем 2021 года. Методы исследования включали общенаучные методы синтеза, сравнения, описания, наблюдения и др. Методы анализа, синтеза и сравнения использовались при изучении теоретического материала по теме. Данные были получены из статей методом сплошной выборки. Контекстный анализ был необходим для анализа эмпирических данных. Количественный метод был необходим для статистической обработки материала. Данные методы позволяют всесторонне исследовать вопрос о новой коронавирусной инфекции и ее взаимодействии с обществом и культурой.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В период пандемии все страны мира столкнулись с различными социокультурными проблемами в борьбе с новым вирусом [12]. В условиях неподготовленности правительств, непоследовательной осведомленности общественности, напряженных систем здравоохранения, а также социального неравенства, с которым сталкиваются определенные сообщества, происходит деструктивное воздействие коронавируса на общество.

В исследуемой выборке было представлено большое количество статей, посвященных критике государственного управления, что говорит о том, что государственное вмешательство или его отсутствие может кардинально изменить воздействие вспышки болезни на общество. Основными рассматриваемыми темами стали такие проблемы, как культурные и политические конфликты, нехватка персонала и ресурсов, отсутствие поддержки медицинских работников во время вирусных вспышек, усиление мер борьбы с пандемией, что демонстрирует неготовность мира к глобальной пандемии.

«Есть среди них и те, кого просто не устраивают принятые правительством меры. Все эти люди хотят одного — положить конец принятым правительством мерам борьбы с пандемией. Люди на шествии не соблюдали мер социального дистанцирования, на них не были надеты маски» [5].

«COVID-19 вычленил силу и слабость различных политических систем. Он ускорил и усилил столкновения различных идеологий и соперничество между Западом и Востоком» [6].

Проведенный анализ показывает, что существовало высокое недоверие к правительству, которое усиливалось цинизмом, гневом и тревогой [16]. Остро встал вопрос о необходимости усиления готовности к реагированию на условия пандемии и к вспышкам инфекционных заболеваний в дальнейшем. В странах, где была продемонстрирована высокая политическая готовность, своевременная передача информации и сотрудничество между правительством и гражданами привели к эффективному реагированию и борьбе с коронавирусной инфекцией. Профилактические меры правительства по улучшению и стабилизации обстановки в период COVID-19 включали конкретные планы по защите уязвимых групп населения; закрытие границ, «президентские каникулы» в период пандемии, введение локдауна, поддержка малого бизнеса и предприятий, вакцинация и многие другие благотворно сказались на сдерживании роста заболеваний [17].

Одной из острых тем в период пандемии стала стигматизация, которая провоцировала возникновение обвинений и стереотипов вокруг распространения COVID-19. Коронавирус, возможно, также запомнится как болезнь, которая разделила общество по расе, возрасту и социальному классу. Так, после создания вакцины от коронавирусной инфекции началась волна вакцинации. Появились сертификаты о вакцинировании, так называемые QR-коды, что привело к разделению общества на «привитых» и «непривитых».

«Нет вакцины — нет работы: готово ли общество к COVID-дискриминации» [10].

«Ряд субъектов РФ уже ввел QR-коды по аналогии с Москвой. Теперь только привитые и "кодированные" граждане смогут посещать массовые мероприятия и заведения общепита» [13].

Кроме того, коронавирус превратился в повод для расистских шуток про Китай, с которого началось распространение инфекции. Один из примеров — гуляющее в Twitter выражение "Kung Flu" (сочетание гриппа и боевого искусства кун-фу). За пределами интернета ситуация серьезнее: по данным правозащитной организации Asian Americans Advancing Justice, которая отслеживает дискриминацию в отношении выходцев из Азии в США, по мере распространения коронавируса по стране растет и число нападений на почве ненависти в отношении китайцев [8]. В результате стали возникать стереотипы о китайской культуре, связанные с заболеваниями. Также люди, находящиеся на ка-

рантине во время вспышки COVID-19, испытали стигматизацию, отторжение, тщательную проверку и изоляцию как во время, так и после карантина.

Воздействие средств массовой информации усилило профилактические меры во время вспышки COVID-19. СМИ были названы вторым по важности источником распространения информации о COVID-19 [14]. Информирование населения о профилактике новой коронавирусной инфекции привело к повышению уровня индивидуальных профилактических мер, таких как мытье рук и обрабатывание рук спиртосодержащим антисептиком, ношение защитных масок, вакцинация.

«Врачи всегда говорят: любую болезнь проще предупредить, чем лечить. ...Коронавирус — не исключение. Впрочем, каких-либо особых методов неспецифической профилактики у него нет — все то же, что при гриппе и ОРВИ. Но для защиты от заражения или тяжелых форм инфекции, если все-таки заболеете, существуют вакцины. Только в нашей стране применяется три официально зарегистрированных препарата» [11].

Следовательно, эффективная работа средств массовой информации, их воздействие на общественное знание и восприятие, а также повышенная осведомленность общественности помогают эффективнее бороться с распространением новой коронавирусной инфекции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что современный мир не в полной мере готов к борьбе с новой коронавирусной инфекцией в масштабах пандемии. Системы поддержки общества реализуются не полностью, что затрудняет преодоление стресса, эмоциональных и психических проблем, этических проблем и экономических осложнений. Существующие культурные и структурные проблемы могут отрицательно сказаться на способности общества эффективно реагировать на пандемию. Более того, необходимо устранить проблемы разделения на социальные классы и социальное неравенство, вызванные карантином и изоляцией, а также расовую дискриминацию. Решение данных проблем поможет лучше подготовить общество справиться с пандемией. Несомненно, COVID-19 внес значительные изменения в нашу жизнь, однако многое еще предстоит изучить и понять в отношении воздействия вирусных инфекций на различные культуры и общества.

Литература

1. Стереотип в структуре политической коммуникации / С. А. Борисова, Э. В. Егорова, Н. А. Крашенинникова, О. И. Осетрова // В мире научных открытий. — 2015. — № 7-2(67). — С. 642—653.
2. В условиях пандемии Интернетом стали пользоваться 78 % россиян // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/world/795295>.
3. Егорова Э. В. Субъективное семантическое пространство и категориальная структура индивидуального сознания в речевой репрезентации форм «страха» / Э. В. Егорова, Е. И. Крашенинникова, К. В. Погодина // *Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции* / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — Ульяновск, 2019. — С. 52—57.
4. Егорова Э. В. Искажение реальности в политическом медиадискурсе / Э. В. Егорова, О. И. Осетрова // *Магия ИИНО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй научно-практической конференции*. — М., 2015. — С. 157—161.
5. Коронавирус в России: власти грозят усилением масочного режима в Москве // BBC News Русская служба. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53588504>.
6. Камфнер Дж. Твердая рука в эпоху пандемии. Убьет ли вирус демократию? / Дж. Камфнер // BBC News Русская служба. — URL: https://www.bbc.com/russian/extra/0h72xp3m2e/pandemic_and_democracy-Russian.
7. Кравченко К. Ориентир языковой политики в области профессионального образования студентов медицинских вузов / К. Кравченко, Э. В. Егорова // *Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики : материалы V Всероссийской научно-практической конференции* / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — Ульяновск, 2020. — С. 155—159.
8. Минак К. «Не будет, как на Титанике»: коронавирус стал болезнью, которая разделила общество / К. Минак // *Forbes*. — URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395659-ne-budet-kak-na-titanike-koronavirus-stal-boleznyu-kotoraya-razdelila-obshchestvo>.
9. Николаева А. Ю. Восприятие мира и тревожность студентов в условиях пандемии COVID-19 / А. Ю. Николаева, А. Н. Захарова // *Состояние и перспективы развития инновационных технологий в России и за рубежом : материалы VI Международной научно-практической конференции*. — Чебоксары, 2021. — С. 108—114.
10. Ноэль Я. Нет вакцины — нет работы: готово ли общество к COVID-дискриминации / Я. Ноэль // РБК. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60d376759a79475d0a5fd29d>.
11. Профилактика коронавируса у человека 2021 // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/zdorove/koronavirus/profilaktika-koronavirusa-u-cheloveka>.
12. Сологуб Н. Н. Социальная политика в некоторых странах мира в условиях пандемии / Н. Н. Сологуб // *Актуальные проблемы финансирования и налогообложения АПК в условиях глобализации экономики : сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Пензенского государственного аграрного университета*. — Пенза, 2021. — С. 123—128.
13. Шторм А. Где введут локдауны, QR-коды и обязательную вакцинацию / А. Шторм // *Pravda.ru*. — URL: <https://www.pravda.ru/health/1646101-lockdown/>.
14. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Krasheninnikova N. A. Emotional and Expressive Connotation of Regional Media Vocabulary // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021. N 1. P. 237—245.
15. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Krasheninnikova N. A. Stereotyping about Russia in the English-language Electronic Media (on the Material of Publications of the Beginning of Russian-Ukrainian Conflict, November 2013) // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019. N 2. P. 73—81.
16. Goloshumova G. S., Albakova Z. A. M., Marshev K. V., Kidinov A. V., Gustova E. A., Salakhova V. B., Krasheninnikova N. A. The Interrelation of Environmental and Social Factors and Man's Mental Health // *Ekoloji*. 2019. Vol. 28. N 107. P. 6013—6016.
17. Grinenko A. V., Gegel L. A., Poleshchuk I. A., Tutaeva D. R., Pronina E. V., Shchukina T. V., Egorova E. V. A Governing and Political Orientation in the Field of Education // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2019. Vol. 13. N 1. P. 149—154.

CORONAVIRUS AND SOCIETY

E. V. Egorova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kna.73@mail.ru

E. I. Krasheninnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
katekrash98@mail.ru

S. V. Uskova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
suskova00@mail.ru

Coronavirus infection, or COVID-19, has completely changed the course of life around the world since March 2020. However, there is still no clear understanding of the impact of the coronavirus on our society and culture. This study aims to examine the social and cultural impact of coronavirus infection in order to better understand the COVID-19 pandemic. Coronavirus, as an acute respiratory illness, has a huge impact on the world situation. Given the current global COVID-19 pandemic, it is imperative to understand the impact of pandemics/epidemics across all areas of our lives on society and culture. The main difference between this period of the new coronavirus infection is that society is actually living it online.

Key words: coronavirus, society, COVID-19.

References

1. Borisova S. A., Egorova E. V., Krasheninnikova N. A., Osetrova O. I. (2015) Stereotip v strukture politicheskoy kommunikatsii [Stereotype in the structure of political communication]. V mire nauchnykh otkrytiy, 7-2(67), p. 642—653.
2. V usloviyakh pandemii internetom stali polzovatsya 78 % rossiyan [In the terms of the pandemic, 78 % of Russian people began to use the Internet]. Interfaks. URL: <https://www.interfax.ru/world/795295>.
3. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Pogodina K. V. (2019) Subektivnoe semanticheskoe prostranstvo i kategorialnaya struktura individualnogo soznaniya v rechevoy reprezentatsii form "strakha" [Subjective semantic space and categorial structure of individual consciousness in speech representation of forms "fear"]. Lingua Academica: Aktualnye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki. Materials of IV All-Russian scientific and practical conference. Ulyanovsk, p. 52—57.
4. Egorova E. V., Osetrova O. I. (2015) Iskazhenie realnosti v politicheskom mediadiskurse [Warping of reality in political media course]. Magiya INNO: novoe v issledovanii yazyka i metodike ego prepodavaniya. Materials of II scientific and practical conference. Moscow, p. 157—161.
5. Koronavirus v Rossii: vlasti grozyat usileniem masochnogo rezhima v Moskve [Coronavirus in Russia: authorities threaten to boost mask regime in Moscow]. BBC News Russkaya sluzhba. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53588504>.
6. Kamfner Dzh. Tverdaya ruka v epokhu pandemii. Ubjet li virus demokratiyu? [Firm hand in the era of pandemic. Will the virus destroy the democracy?]. BBC News Russkaya sluzhba. URL: https://www.bbc.com/russian/extra/0h72xp3m2e/pandemic_and_democracy-Russian.
7. Kravchenko K., Egorova E. V. (2020) Orientir yazykovoy politiki v oblasti professionalnogo obrazovaniya studentov meditsinskikh vuzov [Language policy guidelines in the field of vocational education of medical students]. Lingua Academica: Aktualnye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki. Materials of V All-Russian scientific and practical conference. Ulyanovsk, p. 155—159.
8. Minak K. "Ne budet, kak na Titanike": koronavirus stal boleznyu, kotoraya razdelila obshchestvo [Titanic is not going to happen: coronavirus became a disease that disjoint the society]. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395659-ne-budet-kak-na-titanike-koronavirus-stal-boleznyu-kotoraya-razdelila-obshchestvo>.
9. Nikolaeva A. Yu., Zakharova A. N. (2021) Vospriyatie mira i trevozhnost studentov v usloviyakh pandemii COVID-19 [Perception of the world and the anxiety of students amid pandemic COVID-19]. Sostoyanie i perspektivy razvitiya innovatsionnykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Materials of VI international scientific and practical conference. Cheboksary, pp. 108-114.
10. Noel Ya. Net vaksiny — net raboty: gotovo li obshchestvo k COVID-diskriminatsii [No vaccine — no work: if the society is ready for the COVID discrimination]. RBK. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60d376759a79475d0a5fd29d>.

11. Profilaktika koronavirusa u cheloveka 2021 [Prevention of Coronavirus 2021]. Komsomolskaya pravda. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/zdorove/koronavirus/profilaktika-koronavirusa-u-cheloveka>.
12. Sologub N. N. (2021) Sotsialnaya politika v nekotorykh stranakh mira v usloviyakh pandemii [Social policy in some countries of the world amid pandemic]. Aktualnye problemy finansirovaniya i nalogooblozheniya APK v usloviyakh globalizatsii ekonomiki. Collection of articles of VIII All-Russian scientific and practical conference, dedicated to the 70th anniversary of Penza State Agrarian University. Penza, p. 123—128.
13. Shtorm A. Gde vvedut lokdauny, QR-kody i obyazatelnyuyu vaktsinatsiyu [Where lockdowns, QR-codes and mandatory vaccination will be imposed]. Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/health/1646101-lockdown>.
14. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Krasheninnikova N. A. Emotional and Expressive Connotation of Regional Media Vocabulary // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2021. N 1. P. 237—245.
15. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Krasheninnikova N. A. Stereotyping about Russia in the English-language Electronic Media (on the Material of Publications of the Beginning of Russian-Ukrainian Conflict, November 2013) // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2019. N 2. P. 73—81.
16. Goloshumova G. S., Albakova Z. A. M., Marshev K. V., Kidinov A. V., Gustova E. A., Salakhova V. B., Krasheninnikova N. A. The Interrelation of Environmental and Social Factors and Man's Mental Health // Ekoloji. 2019. Vol. 28, N 107. P. 6013—6016.
17. Grinenko A. V., Gegel L. A., Poleshchuk I. A., Tutaeva D. R., Pronina E. V., Shchukina T. V., Egorova E. V. A Governing and Political Orientation in the Field of Education // EurAsian Journal of BioSciences. 2019. Vol. 13, N 1. P. 149—154.

Е. Г. Ходжаян

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elxo@yandex.ru

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Развитие представлений о культуре определяет новые и специфические черты в зависимости от целей исследования. Соотношение понятий «культура» и «общество» наилучшим образом позволяет достичь представления о системности бытия. Социология формулирует культуру как присущий существующему обществу жизненный стиль, мышление, поступки, ценностно-нормативная картина мира. В глобальном понимании значения культуры сводится к цивилизации. Долгое время в действующем законодательстве современной России понятие культуры отсутствовало. В Основах государственной культурной политики культура представляется общностью формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, которые оказывают влияние на сохранение, производство, трансляцию и распространение этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и других духовных ценностей. Научные дискуссии в настоящее время посвящены вопросам соотношения фактора культуры и эффективности институциональных реформ. Актуальными задачами государства в рамках культурной политики являются продвижение социально оправданных учреждений культуры, поддержка общественного партнерства, формирование ценностных основ духовной жизни, сохранение культурного наследия, а также организация предпринимательской деятельности. Концентрация на ценностно-смысловых параметрах общественного порядка, изменяющих отношение к культуре и увеличивающих ее значение для развития социума, позволяет подготовить в стране основу наращивания культурного капитала как пространства распространения лучших социокультурных практик. Существующая стратегия ресурсного обеспечения реализации приоритетных задач в социальной сфере ориентирует власть на развитие инновационных форм деятельности, включая привлечение представителей предпринимательского сообщества к решению существующих социально значимых проблем.

Ключевые слова: подходы к изучению культуры, общество, культурные ресурсы территории, социология культуры, социальное предпринимательство и проектные технологии в культуре.

ВВЕДЕНИЕ

Культура прежде всего — это сфера духовного, а не материального [4]. В отличие от экономической сферы жизни общества, содержание которой связано главным образом с производством вещей, материальных благ, т. е. с материальным производством, содержанием духовной сферы является деятельность по производству, потреблению, передаче духовных ценностей.

Продукты культуры материализуются в человеческий капитал, который отражает способность человека как объекта инвестиций оставаться прибыльным в ходе осуществления креативной экономической деятельности и воплощает таланты, а кроме того, профессию, обучение, нравственно-духовный облик человека, что

в совокупности приводит к развитию его особых врожденных способностей.

Осмысление роли культуры в условиях перехода к экономике инновационного типа ставит перед государством задачи модернизации работы в целях сохранения самобытности российской культуры, поддержания для культурных благ равных условий доступа, формирования и развития духовно-нравственного потенциала человека, чем обуславливает высокий уровень используемых в государственном регулировании инструментов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении значительного промежутка времени превалирующий тип культуры опреде-

лялся господствующим общественным строем. Сегодня значение культуры для социума в значительной степени обуславливается ее взаимодействием с разными сферами общественной жизни и в первую очередь взаимодействием культуры и экономики.

Сферу культуры с точки зрения ее экономической интерпретации можно рассматривать в двух аспектах.

Первый из них представляет собой деятельность, направленную на создание определенного продукта — картин, музыки, спектаклей, фильмов и т. д., который может выступать в качестве товара.

Второй аспект состоит в определенном влиянии потребления этих продуктов на нравственный и духовный облик человека, формирование у него благоприятного отношения к окружающему миру, позитивного поведения в обществе в целом и в процессе хозяйственной деятельности в частности.

Экономика определяет культурное богатство общества совокупностью всех продуктов культуры, где каждый выступает базовым элементом. Они обладают особыми эмоционально определяемыми характеристиками, что позволяет им реализовать не материальные, а интеллектуальные, эстетические и духовные потребности людей, поскольку для любого здравомыслящего человека эти ценности важны не меньше материальных.

Современному обществу свойственно многообразное представление о культуре. Общеизвестным фактом является то, что количество существующих определений данного понятия исчисляется сотнями. Тем более сложно дать определение понятию «культура» сквозь призму экономических характеристик. Приходится констатировать отсутствие в экономической науке системного представления о культуре и ее факторах [4].

Научные дискуссии в настоящее время посвящены вопросам соотношения фактора культуры и эффективности институциональных реформ (В. Т. Рязанов, Р. М. Нуреев, Е. Г. Ясин). Отсылки к таким известным социологам, как М. Вебер, Д. Норт, Ф. Фукуяма, Л. Харрисон, С. Хантингтон, помогают одним (к примеру, А. Кончаловский) сформировать предположение о неменяющихся институтах, ценностях культуры, одновременно признавая их достаточно важными, влияющими на многие стороны общественной жизни. Другие, среди которых Е. Г. Ясин, развивая концепции К. Маркса, Р. Инглхарта, Д. Белла, относят указанные категории к изме-

няющимся от воздействия различных переменных, например экономических (цит. по: [12]).

Причиной обращения культурологов к междисциплинарному подходу [14] является отражение интеграционных тенденций исследования единого объекта современной науки. Существование взаимообусловленной совокупности научных исследований позволяет представить культуру многогранной, но единой системой. Сложившиеся взаимосвязи с другими науками дают возможность развить представление о культурных феноменах и социальной стороне выдающихся успехов, которыми богато культурное наследие.

Таким образом, за рамками разработки новаторских подходов к разрешению научных проблем современности и используемого при этом тезауруса оценка эффективности научного знания сегодня затруднительна. Под междисциплинарным подходом в работе понимается социологическое исследование культуры как явления, но с должным вниманием к разработкам прочих направлений в науке и их методов.

В современном российском обществе значительную часть рыночного регулирования сферы культуры осуществляет государство, и именно государство имеет основополагающее значение в вопросе развития культуры [18]. Тем не менее стихийный характер течения многих процессов в данной сфере рождает споры о необходимости управления формирующими культуру и ее продукт институтами и роли государственного регулирования [7, 12].

Государственная культурная политика может быть охарактеризована совокупностью действий, производимых институтами культуры, которые поддерживают воспроизводство актуальных форм культурных активностей в пределах ведомственной компетенции, ограниченного бюджета, кадрового функционала и соответствующих времени методик.

Стратегический подход к проектированию культурной среды различается в зависимости от модели культурной политики. Так, четко сформулированная идеологическая доминанта в СССР предопределила существование ценностного иерархического порядка культурных страт.

В XXI веке философия модернизации приводит к пересмотру роли и функции культурной политики, смещая акценты в сторону социального масштабирования современной культуры и поднимая вопрос формирования рынка культурной индустрии, направленной на воспитание общества как ее потребителя. Экономические показатели спроса и предложения на данном

рынке демонстрируют недостаточную скорость изменения мышления людей, участвующих в организации культурной жизни, в соответствии с воспитанием в иных социальных модальностях и координатах действий, а также недооценкой эффективности новых хозяйственных принципов в ряде отраслей культуры [3, с. 8—9].

Основным документом, который регулирует процессы культурного развития в Российской Федерации, а также формирования и совершенствования государственных и муниципальных программ, являются Основы государственной культурной политики [2].

Принятие данного документа стало значительным финальным аккордом Года культуры в России и было положительно воспринято многими деятелями культуры и политики. Основы носят универсальный характер и включают в себя элементы декларации, стратегии и программы.

Основами впервые в новейшей истории России ставится задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития.

Под культурой в Основах понимается совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.).

Новая система управления процессами культурного развития не отменяет, а встраивает в себя существующую систему управления сферой культуры. В настоящее время сфера культуры в России включает органы государственного управления и власти, государственные и негосударственные организации, в том числе научные организации, занимающиеся исследованиями в сфере культуры и созданием культурных благ.

В Основах отражено отношение к культуре как к миссии, общественному благу и историческому наследию, как к системе ценностей и нравственных идеалов.

Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России.

Стратегическое и тактическое управление процессами культурного творчества может быть представлено многоуровнево как совокупность действий, предпринимаемых в целях деятельности существующих и вновь создаваемых институтов культуры, обеспечивающих разнонаправленное воспроизводство качественной интеллектуальной продукции и культурно-просветительских услуг в условиях ограниченного наличия финансовых и творческих ресурсов с использованием инновационного инструментария.

Специфика государственной культурной политики отсылает к институциональным направлениям управленческого воздействия (цит. по: [18]). На сегодняшний день в России наблюдается переход от традиционного подхода к менеджменту культуры как исключительно деятельности по наиболее эффективному достижению цели осознанного урегулирования в этой сфере процессов и влиянию на социальную, экономическую, политическую и духовную сферы общества.

Результаты нематериального производства могут иметь разную форму. Законодательно определено, что культурные блага — это условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей [1].

Среди множества определений услуги целесообразно выделить определение Н. А. Восколович: «...процесс, деятельность, которую одна сторона... может предложить другой... с целью получения определенной выгоды (как в виде дохода, прибыли, так и в виде социального эффекта)» [5, с. 10], так как оно акцентирует внимание на двух моментах: услуга понимается как некоторая деятельность, а получение выгоды — как ее цель. При этом в качестве последней рассматривается не только прибыль, но и социальный эффект.

Для данного исследования также имеет значение определение С. Н. Горушкиной, которая под услугами культуры понимает «вид деятельности, направленный на доставку для общества и каждого индивидуума совокупности культурной информации, заключенной в материальные и духовные формы, способствующей развитию творчества и инноваций», поскольку оно акцентирует внимание на процессном характере услуги как «процессе преобразования различного рода ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных и прочих) в рыночное предложение нематериальных действий, направленных на удовлетворение иерархически возвышающихся потребностей человека» [6, с. 89].

Специфика технологии производства блага в сфере культуры выражается в наивысшей ценности символического наполнения производимого результата и повышении роли «смысловых» продуктов (производство смыслов, создание культурных кодов, ценностей, образцов) [10]. В том случае, если культуру представить как систему убеждений, ценностей, обычаев и т. д., разделяемых определенной группой, культурные взаимодействия между членами этой группы или между ними и другими группами могут моделироваться как трансакции или обмен символическими и материальными благами [16].

Потребности в культурных товарах и услугах отражаются в тех задачах, которые общество ставит перед учреждением культуры, рассматривая его как учреждение, способствующее социализации личности и ее адаптации к экономическим реалиям. На вершине иерархии целей учреждения культуры преобладают социально-культурные аспекты содержания деятельности:

- сохранение культурных ценностей и традиций; эстетическое и нравственное воспитание населения и, в частности, социально незащищенных слоев;

- поддержание культурного престижа нации, государства, города;

- развитие художественного творчества и других видов культурной деятельности как мощных областей жизни общества.

Сама по себе культура — это не просто культурные потребности и средства их реализации. Культурная жизнь формирует органический пространственный комплекс. Пространство культуры является частью существующей социально-экономической системы.

В этом смысле автор придерживается теории о культурном пространстве как объекте экономических отношений, в которой нашли отражение не только экономические, но и философские, культурологические, искусствоведческие, географические, исторические, политические грани культуры, и разделяет данную точку зрения в том, что рассмотрение сферы культурной деятельности в общем контексте открывает новые возможности ее теоретического познания и практической организации.

Изучению влияния культурной среды на способ хозяйствования посвящены работы ученых начиная с конца XVIII века — с момента установления самостоятельности экономики в рамках наук об обществе. Очевидным является тот факт, что культура создается, аккумулируется и транслируется реальными людьми, ин-

ститутами и организациями, функционирующими в рамках существующей социально-экономической системы. Однако исследования современных проблем культурного сектора стали возможны с развитием неоинституционального направления в экономике.

С 1 января 2019 года в России началась реализация национального проекта «Культура». Национальные проекты являются новой организационно-экономической формой государственного регулирования, основанной на соединении отраслевого и проектного методов управления, что обеспечивает интегральный эффект и межведомственную координацию хозяйственной деятельности. Реализация проектов во многом возложена на субъекты.

Традиционно согласуясь с отечественной спецификой, стратегия развития инновационно расширяет модель культурной политики, ставя перед ней задачи стимулирования творчества, что делает культуру динамичной и независимой силой влияния на процессы глобализации в мире. Вместе с тем эти изменения повышают востребованность национальной идентичности, поддерживают ее конкурентоспособность посредством обращения к культурным ценностям и символическим ресурсам при формировании имиджа страны. Центральное место по-прежнему занимают стратегии поддержания разнообразия самобытных культур, включающихся в диалог как основу коммуникативной парадигмы культурной политики разных государств и регионов [3].

Культура представляет собой такую сферу, где изолированно друг от друга командный, отраслевой и даже территориальный подход показывают свою необоснованность [9]. Культурная жизнь — это не просто совокупность культурных потребностей и средств их реализации, а новый органический уровень, пространственный комплекс с определенными связями с данными пространственными социально-экономическими условиями.

В числе прочих на вовлечение в социальные отрасли инвестиционных ресурсов и оптимизацию их структуры в народном хозяйстве нацелен институт социального предпринимательства.

Государственное финансирование социальных бизнес-проектов тесно связано с рыночной реализацией данных программ. Перспективы развития социального предпринимательства характеризуются инновационной деятельностью. Данный вид предпринимательства отличается от остальных разработкой перспективных направлений развития и отслеживанием областей

несостоятельности рынка, что помогает в поиске и принятии небанальных решений, благоприятно влияющих на общество в долгосрочной перспективе [11].

Процессы институционализации социального предпринимательства первоочередно заключаются в законодательном урегулировании феномена, что означает, кроме всего прочего, место, роль и функции данного института применительно к устройству общества, а также принципы согласованного взаимодействия с остальными элементами.

Не умаляя юридического и экономического аспекта социального предпринимательства, остановимся на социологической стороне этого феномена, что позволит нам найти элементы научной новизны, вскрыть научные связи и определить исследовательские перспективы [15]. База применения социологического подхода в изучении социально-экономических систем заключена в работах Р. Кантильона, Ж. Б. Сея, К. Маркса, М. Вебера, И. Шумпетера, В. Зомбарта, Г. Зиммеля, И. Валлерстайна, Д. Маклеланда, С. Хантингтона, З. Баумана и других [8].

Исследования предпринимательства в части его влияния на общественное развитие ведутся не так давно. Значение «третьего сектора», общественных организаций, действий местных сообществ возрастает с конца XX века, когда произошло осознание наличия недостатков существующих общественных систем, исправить которые не было возможности ни в частном, ни в государственном секторе.

Следует отметить, что единое представление о том, как именно социальное предпринимательство трансформирует экономические условия, о границах применения новых социальных возможностей в различных социально-культурных обстоятельствах, не сформировано.

Дальнейшее становление института социального предпринимательства возможно рассматривать в качестве инструмента концептуальной трансформации социальной политики и места в ней государства, социальной интеграции, обеспечения занятости и сокращения бедности, стимулирования населения, инновационного развития общества, разрешения проблем в области демографии, качества жизни, а также улучшения имиджа страны и ее позиций.

Социально-культурная составляющая российского общества может быть охарактеризована следующими устойчивыми и типичными ценностными ориентациями: низкая значимость материальных факторов благополучия и нацеленность на идеальную, духовную сферу; сомнения

в настоящем и направленность либо в прошлое, либо в будущее; превалирование социальных ориентаций над индивидуально-личностными; неразделенное, целостное духовное представление о жизни, мире и прочие [11].

Социальное предпринимательство в сфере культуры гармонично дополняет предпринимательскую инфраструктуру профессионального (художественного, театрального, музыкального) сообщества. Творческий бизнес может объединяться в кластеры, реализуя развивающую функцию по отношению к конкретной территории и проживающему на ней населению. Вслед за индустриальным освоением места происходит культурное, ориентированное на повышение уровня жизни людей.

Механизм активизации потенциала локального развития с сохранением точечной помощи центра может умножить региональные ресурсы, взаимно дополняя друг друга.

Задача становления российского социального предпринимательства в сфере культуры приобретает важное значение, так как оно создает инновационные возможности развития социальной и экономической инфраструктуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования обсуждались на XXVII, XXVIII международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» на базе региональной площадки «Вернадский — Ульяновская область» (2020, 2021), где в 2020 году доклад «Междисциплинарный подход в изучении культуры нового типа» занял 3 место и был удостоен грамоты на секции «Социология». Тезисы докладов были опубликованы в сборниках материалов международного молодежного научного форума.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В трактовке культуры существуют два основных подхода: содержательный (те ценности, которые содержат культурные блага, и их влияние на социально-экономические отношения) и функциональный (отраслевой). Учитывая специфический предмет исследования, применительно к феномену культуры нами реализован междисциплинарный подход, чем объясняется концептуальное дополнение теоретической основы экономики и социологии культуры теориями культурного капитала и символического обмена.

Однако культура — это не просто культурные потребности и средства их реализации, а культурная жизнь как отдельный органический

пространственный комплекс. Осмысление роли культуры в условиях перехода к экономике инновационного типа ставит перед учреждениями культуры задачи модернизации работы в целях сохранения самобытности российской культуры, формирования среды, в которой был бы возможен одинаковый доступ к благам культуры; культурной и духовной самореализации и развития личности и предъявляет повышенные требования к моделям управления учреждениями культуры.

Предложен системный подход в трактовке этого понятия, т. е. культура понимается как совокупность формальных и неформальных институтов, культурное пространство — как часть существующей социально-экономической системы.

В настоящее время прослеживается тенденция отношения к региону как к отдельной социально-экономической системе, субъекту со-

циально-экономических отношений. В такой трактовке можно рассматривать культуру региона как объект социально-экономических отношений.

В то время как среди предпринимательских инициатив превалирует решение социальных проблем, социальное предпринимательство в культуре оказывает влияние на пространственный образ среды, общественные настроения, ценностную конфигурацию — таким образом, культура капитализирует территорию.

В заключение добавим, что социальное предпринимательство характеризуется большими перспективами в плане изучения социологами. Научный интерес дополняет практический контекст трансформации структуры взаимодействия государства и НКО, а также повышения их роли для реализации социальной политики на всех уровнях [13].

Литература

1. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005213> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242192> (дата обращения: 03.10.2021).
3. Астафьева О. Н. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды / О. Н. Астафьева, А. Я. Флиер // Культурологический журнал. — 2013. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-modernizatsiya-formirovanie-novoy-kulturnoy-sredy> (дата обращения: 03.10.2021).
4. Бетехтина Д. А. Сфера культуры как особая область экономической деятельности / Д. А. Бетехтина // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 4(36). — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3415> (дата обращения: 03.10.2021).
5. Восколович Н. А. Экономика платных услуг : учебное пособие для вузов / Н. А. Восколович. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 399 с.
6. Горушкина С. Н. Услуги учреждений культуры как инструмент реализации государственной культурной политики : дис. ... канд. социол. наук : специальность 22.00.06 «Социология культуры» / С. Н. Горушкина ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — М., 2011. — 205 с.
7. Гусейнова Г. М. Инновационное развитие сферы культуры как фактор роста экономики страны / Г. М. Гусейнова, А. М. Гусейнов // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. — 2016. — № 4. — С. 137—143.
8. Долгорукова И. В. Социальное предпринимательство в современной России: теория и методология социологического анализа / И. В. Долгорукова // Социальная политика и социология. — 2016. — Т. 15, № 5(118). — С. 85—92. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27195757> (дата обращения: 03.10.2021).
9. Есаков В. А. Характер, цели, задачи и методы управления отраслью культуры в современных условиях / В. А. Есаков // Общественные науки и современность. — 2005. — № 3. — С. 52—60.
10. Игнатьева Е. Л. Экономика культуры : учебное пособие / Е. Л. Игнатьева. — М. : ГИТИС, 2006. — 210 с.
11. Макаренко М. А. Понятие социального предпринимательства и отличительные особенности социальных предпринимателей / М. А. Макаренко, А. А. Антонов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2015. — № 2. — С. 35—42. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnogo-predprinimatelstva-i-otlichitelnye-osobennosti-sotsialnyh-predprinimateley> (дата обращения: 03.10.2021).
12. Матецкая М. В. Институциональные преобразования в социально-культурной сфере России в рыночных условиях : дис. ... канд. экон. наук : специальности 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» / М. В. Матецкая ; Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб., 2007. — 196 с.
13. Сивкова Ю. Э. Особенности развития социального предпринимательства в российском контексте: специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : дис. ... канд. социол. наук / Ю. Э. Сивкова ; Са-

- ратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2017. — 148 с.
14. Синявина Н. В. Междисциплинарный подход как основа исследования в культурологии / Н. В. Синявина // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. — 2020. — № 1(36). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinnyy-podhod-kak-osnova-issledovaniya-v-kulturologii> (дата обращения: 03.10.2021).
 15. Судьин С. А. Социальное предпринимательство как предмет социологического анализа / С. А. Судьин, П. А. Яковлев // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2018. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 03.10.2021).
 16. Тросби Д. Экономика и культура / Д. Тросби. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. — 320 с.
 17. Филипповская Т. В. Актуальная экономическая теория и социология организаций и культуры / Т. В. Филипповская // Управленец. — 2015. — № 1(53). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnaya-ekonomicheskaya-teoriya-i-sotsiologiya-organizatsiy-i-kultury> (дата обращения: 03.10.2021).
 18. Ярошевская Т. Л. Культурная политика современной России / Т. Л. Ярошевская // Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления : сборник научных статей. — 2009. — Вып. 7. — С. 525—537.

CULTURE AND SOCIETY

E. G. Khodzhasyan

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

elxo@yandex.ru

The development of ideas about culture determines new and specific features depending on the goals of the study. The relationship between the concepts of culture and society is the best way to achieve the idea of the systemic nature of being. Sociology formulates culture as a life style, thinking, actions, value-normative worldview inherent in the existing society. In a global sense, the meaning of culture is reduced to civilization. The most optimally balanced change in society and culture. For a long time, the concept of culture was absent in the current legislation of modern Russia. In the Fundamentals of State Cultural Policy culture is a community of formal and informal institutions, phenomena and factors that influence the preservation, production, transmission and dissemination of ethical, aesthetic, intellectual, civic and other spiritual values. Scientific discussions are currently devoted to the relationship between the factor of culture and the effectiveness of institutional reforms. The current tasks of the state in the framework of cultural policy are the promotion of socially justified cultural institutions, support of public partnership, the formation of the value foundations of spiritual life, the protection of cultural heritage, as well as the organization of entrepreneurial activity. Concentration on the value-semantic parameters of the social order, which change attitudes towards culture and increase its importance for the development of society, makes it possible to prepare the basis for building up cultural capital in the country as a space for the dissemination of the best socio-cultural practices. The existing strategy of resource provision for the implementation of priority tasks in the social sphere orients the authorities towards the development of innovative forms of activity, including the involvement of representatives of the business community in solving existing socially significant problems.

Key words: approaches to the study of culture, society, cultural resources of the territory, sociology of culture, social entrepreneurship and project technologies in culture.

References

1. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 09.10.1992 N 3612-1 "Osnovy zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii o kulture" [Law of the Russian Federation of 09.10.1992 N 3612-1 "Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005213> (access date: 03.10.2021).
2. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24.12.2014 N 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kulturnoy politiki" [Russian Federation Presidential Decree of 24.12.2014 N 808 "On the approval of the foundations of state cultural policy"]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=172706&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.592575454301213#09565757094813521> (access date: 03.10.2021).
3. Astafyeva O. N., Flier A. Ya. (2013) Sotsiokulturnaya modernizatsiya: formirovanie novoy kulturnoy sredy [Socio-cultural modernization: the formation of a new cultural environment]. Kulturologicheskiy zhurnal, Vol. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-modernizatsiya-formirovanie-novoy-kulturnoy-sredy> (access date: 03.10.2021).

4. Betekhtina D. A. (2010) Sfera kultury kak osobaya oblast ekonomicheskoy deyatel'nosti [Sphere of Culture as a special area of economic activity]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, Vol. 4(36). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3415> (access date: 03.10.2021).
5. Voskolovich N. A. (2007) *Ekonomika platnykh uslug* [Economics of paid services: textbook for universities]. Moscow: YUNITI-DANA, 399 p.
6. Gorushkina S. N. (2011) *Uslugi uchrezhdeniy kultury kak instrument realizatsii gosudarstvennoy kulturnoy politiki* [Services of culture institutions as a tool for the implementation of state cultural policy: dis. ... PhD in Sociology]. Moscow: Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 205 p.
7. Guseynova G. M., Guseynov A. M. (2016) *Innovatsionnoe razvitiye sfery kultury kak faktor rosta ekonomiki strany* [Innovative development of the sphere of culture as a factor in the growth of the country's economy]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii*, Vol. 4, p. 137—143.
8. Dolgorukova I. V. (2016) *Sotsialnoe predprinimatel'stvo v sovremennoy Rossii: teoriya i metodologiya sotsiologicheskogo analiza* [Social entrepreneurship in modern Russia: theory and methodology of sociological analysis]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, Vol. 15, N 5(118), p. 85—92. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27195757> (access date: 03.10.2021).
9. Esakov V. A. (2005) *Kharakter, tseli, zadachi i metody upravleniya otraslyu kultury v sovremennykh usloviyakh* [The nature, goals, objectives and methods of managing the cultural sector in modern conditions]. *Obschestvennye nauki i sovremennost*, (3), p. 52—60.
10. Ignatyeva E. L. (2006) *Ekonomika kultury* [Economics of culture: a tutorial]. Moscow: GITIS, 210 p.
11. Makarchenko M. A., Antonov A. A. (2015) *Ponyatie sotsialnogo predprinimatel'stva i otlichitelnye osobennosti sotsialnykh predprinimateley* [The concept of social entrepreneurship and the distinctive features of social entrepreneurs]. *Nauchny zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment"*, (2), p. 35—42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnogo-predprinimatel'stva-i-otlichitelnye-osobennosti-sotsialnykh-predprinimateley> (access date: 03.10.2021).
12. Matetskaya M. V. (2007) *Institutsionalnye preobrazovaniya v sotsialno-kulturnoy sfere Rossii v rynochnykh usloviyakh* [Institutional transformations in the socio-cultural sphere of Russia in market conditions: dis. ... PhD in Economics]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 196 p.
13. Sivkova Yu. E. (2017) *Osobennosti razvitiya sotsialnogo predprinimatel'stva v rossiyskom kontekste* [Features of the development of social entrepreneurship in the russian context: dis. ... PhD in Sociology]. Saratov: Saratovskiy natsionalnyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, 148 p.
14. Sinyavina N. V. (2020) *Mezhdistsiplinarnyy podkhod kak osnova issledovaniya v kulturologii* [Interdisciplinary approach as the basis of research in cultural studies]. *Kultura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kultury i iskusstv*, 1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnyy-podhod-kak-osnova-issledovaniya-v-kulturologii> (access date: 03.10.2021).
15. Sudyin S. A., Yakovlev P. A. (2018) *Sotsialnoe predprinimatel'stvo kak predmet sotsiologicheskogo analiza* [Social entrepreneurship as a subject of sociological analysis]. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatel'stvo-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza> (access date: 03.10.2021).
16. Trosbi D. (2013) *Ekonomika i kultura* [Economics and culture]. Publishing house of High School of Economics, 320 p.
17. Filippovskaya T. V. (2015) *Aktualnaya ekonomicheskaya teoriya i sotsiologiya organizatsiy i kultury* [Actual economic theory and sociology of organizations and culture]. *Upravlenets*, 1(53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnaya-ekonomicheskaya-teoriya-i-sotsiologiya-organizatsiy-i-kultury> (access date: 03.10.2021).
18. Yaroshevskaya T. L. (2009) *Kulturnaya politika sovremennoy Rossii* [Cultural policy of modern Russia]. *Globalnyy ekonomicheskii krizis: realii i puti preodoleniya*, (7), p. 525—537.

ФИЛОЛОГИЯ

Н. А. Крашенинникова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kna.73@mail.ru

Е. И. Крашенинникова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
katekrash98@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Эквивалентность является одной из самых противоречивых и сложных тем переводческих исследований. Именно она имеет решающее значение при передаче реалий или культурно-маркированной лексики. В статье рассматриваются подходы к эквивалентности отечественных и зарубежных лингвистов. Существует много причин, по которым элементы языка могут вызывать трудности при переводе. Первое препятствие касается различий так называемых языковых картин мира или способов отражения в различных языках объективной реальности. Второе препятствие связано с переводом реалий или культурной непереводаемостью. Авторы приводят ряд терминов, предназначенных для описания реалий разными исследователями. Выбор термина конкретными учеными зависит от того, насколько сужается область рассматриваемого понятия. Авторы также указывают на разные типы эквивалентности и причины, влияющие на адекватность перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, культурно-маркированная лексика, перевод, переводаемость, реалии.

Трудно найти более противоречивую, сложную и, тем не менее, неизбежную тему в переводческих исследованиях, чем эквивалентность. Ряд современных теоретиков перевода полностью отвергает понятие эквивалентности [10, 11, 19]. Они считают, что эквивалентность и перевод — совершенно разные понятия и, следовательно, эквивалентность препятствует переводу, а не способствует ему. В то же время другие специалисты в области перевода и переводоведения утверждают, что эквивалентность имеет решающее значение при передаче реалий или культурно-маркированной лексики [2—4, 7, 12].

В середине XX века лингвисты стали чаще выражать недовольство достаточно неуловимым классическим противопоставлением «вольного» и «буквального» перевода. Они понимали, что необходима более четкая основа для описания переводческой деятельности. Пытаясь установить связь между языком оригинала и языком перевода, теоретики вскоре осознали необходимость разработки концепции эквивалентности [6, 9, 15, 16].

На тот момент перевод еще не рассматривался как отдельная дисциплина, и большая часть теоретических исследований в этой об-

ласти принадлежала лингвистам. Так, в 1959 году российский и американский лингвист Роман Якобсон написал одну из своих самых известных работ «О лингвистических аспектах перевода». В ней он придерживается очень широкого взгляда на перевод, проводя различие между внутриязыковым переводом (переименованием), межъязыковым переводом (собственно переводом) и межсемиотическим переводом (трансмутацией, т. е. интерпретацией словесных знаков посредством невербальных) [6]. Важно отметить, что межъязыковой перевод, или собственно перевод, определяется через понятие эквивалентности и «включает два эквивалентных сообщения в двух разных кодах».

Несмотря на частое использование терминов «эквивалентность» или «эквивалент», у Р. Якобсона отсутствует четкая формулировка этих понятий. Работа лингвиста была во многом новаторской в обсуждении проблемы эквивалентности и переводимости и вызвала длительные дебаты о самой природе эквивалентности. Известное высказывание ученого, что «языки очень существенно различаются в том, что они должны передавать, но не в том, что они могут передать», до сих пор является важным ориентиром при обсуждении межъязыковых различий.

Говоря об использовании эквивалентности в переводе, Ю. Найда считает, что в различных языках не существует полностью эквивалентных понятий, поэтому необходимо «искать наиболее близкий возможный эквивалент» [16]. Теоретик перевода выделяет два типа эквивалентности (или «две основные ориентации в переводе») — *формальную и динамическую эквивалентность* и определяет их следующим образом:

1. *Формальная эквивалентность* «акцентирует внимание на самом сообщении как по форме, так и по содержанию». В таком переводе, ориентированном на исходный текст, «нужно обращать внимание на то, чтобы сообщение на языке перевода как можно точнее соответствовало различным элементам языка оригинала». Примером формальной эквивалентности Ю. Найды является «дословный перевод», в котором переводчик внимательно следит за формой и содержанием оригинала (например, в учебных или исследовательских целях и т. д.).

2. *Динамическая эквивалентность*, позже названная «функциональной», основана на принципе эквивалентного эффекта. Другими словами, это такой перевод, «при котором сообщение текста оригинала передано на язык-получатель таким образом, что реакция получателя сообщения аналогична реакции получате-

лей в языке-отправителе» [17]. В этом случае переводчик учитывает лингвистическую и культурную компетенцию читателя и «стремится к полной естественности выражения».

Найда Ю. подчеркивает, что два типа эквивалентности следует рассматривать как два полюса перевода: существует ряд ступеней между строгой формальной эквивалентностью и полной динамической эквивалентностью [17, р. 160]. Эти два полюса представляются скорее теоретическими конструкциями, чем эмпирическими типами перевода, поскольку на уровне текста очень проблематично установить, что будет представлять собой идеальную формальную или динамическую эквивалентность. Особенно проблематичным является риторическое понятие «эквивалентного эффекта», на котором основана динамическая эквивалентность. Подобная идея об эквивалентности выражена у Ю. Найды и Дж. Тайбера несколько менее догматично, но довольно прямолинейно. Они утверждают, что реакция представителей разных культур на ответ никогда не может быть идентичной, тем не менее необходимо стремиться к высокой степени эквивалентности, иначе перевод не достигнет своей цели [17, р. 24].

Специалисты в области перевода отметили очевидные недостатки этого подхода [8]. По их мнению, довольно сложно, если не невозможно, объективно измерить реакцию читателей на конкретное высказывание или текст. С. Херви и Й. Хиггинс указывают на то, что трудно представить себе даже относительно объективную оценку «эквивалентного эффекта», поскольку реакция даже одного читателя на одно и то же сообщение может различаться в зависимости от времени, настроения и пр. [11, р. 22—23].

Таким образом, выводы, основанные на понятии «эквивалентного эффекта», становятся довольно умозрительными, а попытки достичь его всегда будут субъективны. Несмотря на критику некоторых спорных моментов в теории Ю. Найды, его вклад в изучение проблем перевода был признан важным во многих отношениях.

Примерно в то же время важный вклад в дискуссию об эквивалентности внес Дж. К. Кэтфорд в своей книге «Лингвистическая теория перевода». Согласно Дж. Кэтфорду, каждый язык уникален, как и значение, потому что значение является свойством языка: т. е. русские тексты имеют русское значение, а английские тексты имеют английские значения, поэтому текст оригинала и текст перевода не могут иметь одинаковое значение [9].

Тем не менее Дж. Кэтфорд использует понятие эквивалентности и предлагает следующее деление:

1. Формальное соответствие — гипотетические отображения между элементами абстрактных языковых систем.

2. Текстовая эквивалентность — реально наблюдаемые сопоставления между элементами исходных текстов и элементами целевых текстов [9].

Это противопоставление оказало влияние на теорию перевода, поскольку внесло некоторый порядок в запутанные и довольно расплывчатые определения эквивалентности. Например, швейцарский лингвист Вернер Коллер, приложивший много усилий для уточнения понятия эквивалентности, аналогичным образом проводит различие между соответствием и эквивалентностью подобно утверждениям Дж. Кэтфорда:

1. Соответствие описывает языковые явления в терминах контрастивной лингвистики, которая сравнивает две языковые системы.

2. Эквивалентность описывает отношения между элементами в конкретных парах текста оригинала и текста перевода и контекстах.

И Дж. Кэтфорд, и В. Коллер считают эквивалентность эмпирическим феноменом, а не идеальным стандартом для измерения качества перевода.

В конце XX века появляется большое количество исследований в области переводоведения, касающихся «эквивалентного / неэквивалентного, хорошего / плохого, правильного / неправильного». Эдвин Гентцлер среди прочих утверждает, что стандарты, с помощью которых часто анализировались тексты, «ограничивают другие возможности практики перевода, маргинализируют неортодоксальный перевод и ущемляют реальный межкультурный обмен» [10, р. 3—4]. Однако есть теоретики, которые с осторожностью используют термин «эквивалентность». Например, Мона Бейкер в книге «Другими словами: учебное пособие по переводу» предупреждает читателя, что она использует термин эквивалентность просто «для удобства, потому что большинство переводчиков привыкло к нему, а не потому, что он имеет какой-либо теоретический статус» [7, р. 5]. Тем не менее весь учебник построен вокруг понятия эквивалентности, автор говорит об «эквивалентности на уровне слов», «эквивалентности выше уровня слов», «грамматической эквивалентности», «текстовой эквивалентности», «прагматической эквивалентности».

Предписательное использование термина «эквивалентность» вызывало все больше критики и привело к радикальному сдвигу в сторону преимущественно описательного подхода к эквивалентности перевода. В последнее время все большую популярность приобретают такие термины, как локализация, интернализация и транскреация. Все они направлены на преобразование текста с целью правильной передачи его смысла с точки зрения культурных особенностей целевой аудитории.

Более того, в любом языке всегда есть элементы, которые требуют особой аккуратности при переводе, поскольку их намного труднее перевести, чем основной текст. Обычно такие элементы требуют осторожности и сознательного использования переводческих приемов. Лингвисты и специалисты в области перевода называют такие элементы по-разному: реалии, культурно-маркированная лексика и даже критические моменты перевода (*translation crisis points*) [19]. Современные западные лингвисты вводят понятие стратегического перевода. Так, согласно В. Лёршеру, «стратегический перевод — это перевод, в котором задействовано решение проблем, тогда как нестратегический перевод характеризуется беспроblemной автоматической заменой сегментов текста оригинала сегментами текста на языке перевода» [13].

Существует много причин, по которым элементы языка могут вызывать трудности при переводе. Первое препятствие касается различий так называемых языковых картин мира, или способов отражения в различных языках объективной реальности. Считается, что каждый язык создает собственную картину мира, при этом язык как бы навязывает следующему поколению такую картину мира, вынуждая его видеть окружающий мир сквозь концептуальную сетку данного языка. В этом случае на уровне лексики могут возникнуть проблемы, если понятие, существующее на языке оригинала, известно в сообществе языка перевода, но не зафиксировано в словаре, иначе говоря, не лексикализировано. Так, в английском языке существует слово *sibling*, не имеющее в русском языке однословного аналога, но переводящееся словами *родной брат или сестра*.

Второе препятствие связано с переводом реалий или культурной непереводимостью. Реалии — это предметы и явления, отражающие особенности жизни и быта определенного народа. Реалиями называют также слова и словосочетания, обозначающие эти предметы и явления. В данном случае переводчики сталкиваются

ся с экстралингвистической непереводаемостью, когда понятие, существующее в культуре языка оригинала, отсутствует в культуре языка перевода. Например, русское слово «щи» отсутствует как в американской, так и в британской культуре. Следовательно, нет и лексического элемента, который обозначал бы это понятие. Подобное противопоставление лингвистических и экстралингвистических проблем перевода признается многими теоретиками перевода.

Как уже было отмечено, в переводческой литературе существует большое разнообразие терминов для обозначения проблем, связанных с культурой:

- культурные слова или культурные термины (Питер Ньюмарк) [15];
- культурно-специфические элементы (Мона Бейкер) [7];
- культураны (Кристиан Норд) [18];
- алиенизмы, экзотизмы (В. П. Берков) [1];
- лакуны (Альфред Малблан) [14];
- локализмы (А. М. Финкель) [5];
- безэквивалентная лексика (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) [2];
- реалии (С. Влахов, С. Флорин) [3] и др.

Выбор термина конкретными учеными зависит от того, насколько сужается область рассматриваемого понятия. Другими словами, хотя приведенные выше термины могут показаться синонимами, они часто подразумевают несколько разные точки зрения на проблемы перевода, обусловленные культурой. Например, ученые могут включать или не включать имена собственные (антропонимы, топонимы), идиомы, аллюзии и т. д. при обсуждении лексики, относящейся к конкретной культуре.

В западной теории перевода термины, содержащие слово «культура», встречаются чаще всего, когда речь идет о проблемах экстралингвистического перевода, поэтому мы тоже будем придерживаться понятия «культурно-маркированная лексика» или «реалия».

Термин «реалии» был введен в русское переводоведение Андреем Федоровым и первоначально понимался как культурно-специфические объекты и явления. Для слов, обозначающих эти предметы, А. В. Федоров предложил термин «слова-реалии». Однако позже реалии стали все чаще использоваться для обозначения устойчивых к переводу лексических единиц [4]. С тех пор термин «реалии» был принят некоторыми западными учеными-переводчиками [12, 19], но так и не стал общепризнанным. Я. Педерсен критикует термин «реалии» за его расплывчатость и многозначность. Более того,

первоначальное значение слова (лат. «реальные вещи») вступает в противоречие с тем фактом, что слова, относящиеся к определенной культуре, могут иметь вымышленные ссылки. Чтобы разрешить этот парадокс, М. Лопонен предлагает термин «ирреалия» для вымышленных предметов вымышленного мира.

На наш взгляд, употребление термина «реалия» может быть обусловлено несколькими аргументами. Во-первых, это относительно устойчивый термин в теории советского / русского перевода и, как упоминалось выше, не совсем незнакомый западным ученым. Во-вторых, реалия обычно относится к более конкретному классу лексики по сравнению с такими широкими понятиями, как предметы, связанные с культурой, которые часто подразумевают всевозможные лексические элементы, несущие какие-либо специфические для культуры коннотации, включая названия произведений искусства, идиомы, аллюзии, каламбуры, диалекты и т. д. Реалии также не охватывают лексические элементы, относящиеся к вымышленным элементам. В-третьих, термин «реалия» удобно использовать в качестве ключевой концепции без необходимости вводить акроним.

Наиболее точно интерпретируют данное понятие С. Влахова и С. Флорина, которые определяют реалии как лексические единицы исходного языка, обозначающие предметы и явления, характерные для одного языкового сообщества (его повседневную жизнь, социальное и историческое развитие) и отсутствующие в другом. Следовательно, эти лексические элементы не имеют точных соответствий на целевом языке и требуют особой обработки при переводе. Такими словами и выражениями в русском языке, например, являются: самовар, аршин, копейка, щи, квас, дача, декабрист, НЭП, военный коммунизм и т. д. Другими словами, определение реалий, данное С. Влаховым и С. Флориным, очень похоже на то, которое западные ученые давали предметам, относящимся к определенной культуре, т. е. культурно-маркированной лексике. Так, Норд утверждает, что культурно-специфический феномен — это «явление, которое существует в определенной форме или функционирует только в одной из двух сравниваемых культур» [18, р. 34].

Проанализируем русское слово «дача» и попробуем установить, можно ли его рассматривать как реальность. В одноязычном словаре русского языка *дача* определяется как «загородный дом, используемый во время летних каникул». В качестве заимствования оно включено

в Оксфордский словарь английского языка: "Dacha (datcha): a country house or cottage in Russia, typically used as a second or holiday home" («Дача: загородный дом или коттедж в России, обычно используемый как второй дом или дом для отдыха») (<https://en.oxforddictionaries.com/definition/dacha>). Словарь американского наследия предлагает аналогичное определение: "A vacation cottage or country villain Russia or other parts of the former Soviet Union" («Загородный коттедж или загородная вилла в России или других частях бывшего Советского Союза») (<https://ahdictionary.com/word/search.html?q=dacha>).

Таким образом, русское слово «дача» уже вошло в английские словари, но по-прежнему несет в себе сильную культурную коннотацию: во всех определениях есть отсылка к России, а на практике это слово используется только для описания дачи в России (или в бывшем СССР). Причина, по которой это слово было заимствовано в другие языки в результате межкультурных контактов, вероятно, состоит в том, что оно было воспринято для описания концепции, существенно отличающейся от аналогичных явлений в англоязычных сообществах. Тем не менее это слово плохо усваивается в английской лексике. Если мы посмотрим, как трактуют *дачу* в различных переводах русской художественной

литературы на английский язык, то увидим большое количество разнообразных визуализаций наряду с *дачей*: загородный дом, загородная вилла, летний курорт, летняя вилла, вилла, вилла вне дома (примеры взяты из RuNCorpus <https://www.hf.uio.no/iln/tjenester/kunnskap/sprak/korpus/flersprakligekorpus/run>). Такое разнообразие переводческих решений свидетельствует о том, что ни один из переводчиков не рассматривает слово «дача» как уникальную культурно-специфическую концепцию.

Следует ли рассматривать *дачу* как культурно-специфическую, принадлежащую к категории реалий и, следовательно, проблемную при переводе? По каким критериям данное слово или словосочетание следует рассматривать как реальность? Несмотря на неоспоримые разрывы между разными культурами, можно утверждать, что люди воспринимают и классифицируют реальность в основном одинаково. Во всех культурах люди производят измерение величин, неважно чем: метрами, ярдами, лье и пр. Может ли разница между сопоставимыми явлениями в разных культурах рассматриваться переводчиками и специалистами по переводу как значимая и, следовательно, на которую стоит обратить внимание, до сих пор остается спорным вопросом.

Литература

1. Берков В. П. Норвежская лексикология / В. П. Берков. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 192 с.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Индрик, 2005. — 1040 с.
3. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Международные отношения, 1980. — 342 с.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностранных языков : учебное пособие / А. В. Федоров. — 5-е изд. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : ООО Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с.
5. Финкель А. М. Об автопереводе / А. М. Финкель // Теория и критика перевода. — Л. : Наука, 1962. — С. 104—125.
6. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М. : Международные отношения, 1978. — С. 16—24.
7. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation, 2nd edition, London: Routledge, 2011.
8. Broeck R. The Concept of Equivalence in Translation Theory: Some Critical Reflections, in J. S. Holmes, J. Lambert and R. van den Broeck (eds) Literature and Translation, Leuven: Academic, 1978.
9. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. Oxford: Oxford University Press, 1965.
10. Gentzler E. Contemporary Translation Theories, London & New York: Routledge; 2nd edition, Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
11. Hervey S., Higgins I. Thinking Translation. A Course in Translation Method: French-English, London: Routledge, 1992.
12. Leppihalme R. Realia, in Yves Gambier and Luc van Doorslaer (eds.) Handbook of Translation Studies, vol. 2, Amsterdam: John Benjamins, 2011.

13. Lörscher W. Translation Performance, Translation Process, and Transplation Strategies: A Psycholinguistic Investigation, Tübingen: Gunter Narr, 1991.
14. Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand, Paris: Didier, 1961.
15. Newmark P. Approaches to Translation, Oxford: Pergamon Press, 1981.
16. Nida E. Toward a Science of Translating, Leiden: Brill, 1964.
17. Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation, With Special Reference to Bible Translating, Leiden: Brill, 1969.
18. Nord Ch. Translation as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained, Manchester: St. Jerome, 1997.
19. Pedersen J. Subtitling Norms for Television: An Exploration Focusing on Extralinguistic Cultural References, Amsterdam: John Benjamins, 2011.

EQUIVALENCE PROBLEMS IN TRANSLATION RESEARCH

N. A. Krasheninnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kna.73@mail.ru

E. I. Krasheninnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
katekrash98@mail.ru

Equivalence is one of the most controversial and challenging topics in translation research. It is the equivalence that crucial in rendering linguistic realities or culturally-bound terms. The article discusses approaches of domestic and foreign linguists to the equivalence. There are many reasons why elements of a language can be difficult to translate. The first obstacle concerns the differences in the so-called linguistic world view, or the ways of reflecting objective reality in different languages. The second obstacle is related to translation of linguistic realities or cultural untranslatability. The authors give examples of terms that are intended to describe linguistic realities by different authors. The particular choice of a term depends on the scope of the concept under consideration. The authors also mention different types of equivalence and reasons that affect the adequacy of translation.

Key words: equivalence, culturally-marked vocabulary, translation, translatability, realities.

References

1. Berkov V. P. (2011) Norvezhskaya leksikologiya [Norwegian lexicology]. St. Petersburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU, 192 p.
2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (2005) Yazyk i kultura [Language and Culture]. Moscow: Indrik, 1040 p.
3. Vlahov S., Florin S. (1980) Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 342 p.
4. Fedorov A. V. (2002) Osnovy obschey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]: Dlya institutov i fakultetov inostr. yazykov. Study guide. 5-e izd. St. Petersburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. Moscow: OOO Publishing house "FILOLOGIYA TRI", 416 p.
5. Finkel A. M. (1962) Ob avtoperevode [On auto-translation]. Teoriya i kritika perevoda [Theory and criticism of translation]. Finkel. Leningrad: Nauka, p. 104—125.
6. Jakobson R. (1978) O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On the linguistic aspects of translation]. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike [Questions of the theory of translation in foreign linguistics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, p. 16—24.
7. Baker M. (2011) In Other Words: A Coursebook on Translation, 2nd edition, London: Routledge.
8. Broeck R. (1978) The Concept of Equivalence in Translation Theory: Some Critical Reflections, in J. S. Holmes, J. Lambert and R. van den Broeck (eds.) Literature and Translation, Leuven: Academic.
9. Catford J. C. (1965) A Linguistic Theory of Translation. Oxford: Oxford University Press.
10. Gentzler E. (2001) Contemporary Translation Theories, London & New York: Routledge; 2nd edition, Clevedon: Multilingual Matters.
11. Hervey S., Higgins I. (1992) Thinking Translation. A Course in Translation Method: French-English, London: Routledge.

12. Leppihalme R. (2011) *Realia*, in Yves Gambier and Luc van Doorslaer (eds) *Handbook of Translation Studies*, vol. 2, Amsterdam: John Benjamins.
13. Lörscher W. (1991) *Translation Performance, Translation Process, and Transplation Strategies: A Psycholinguistic Investigation*, Tübingen: Gunter Narr.
14. Malblanc A. (1961) *Stylistique comparée du français et de l'allemand*, Paris: Didier.
15. Newmark P. (1981) *Approaches to Translation*, Oxford: Pergamon Press.
16. Nida E. (1964) *Toward a Science of Translating*, Leiden: Brill.
17. Nida E., Taber Ch. (1969) *The Theory and Practice of Translation, With Special Reference to Bible Translating*, Leiden: Brill.
18. Nord Ch. (1997) *Translation as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*, Manchester: St. Jerome.
19. Pedersen J. (2011) *Subtitling Norms for Television: An Exploration Focusing on Extralinguistic Cultural References*, Amsterdam: John Benjamins.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ**Д. С. Точеный**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
natalygt1956@gmail.com

*УПУЩЕННЫЙ ШАНС***Рецензия****на книгу И. Е. Дронова****«СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ.****ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III»**

(М.: Духовное преображение, 2018. 736 с.)

Городничий: «У, шелкоперы, либералы
проклятые! Чертово семя! Узлом бы вас
всех завязал, в муку бы вас всех стер да
черту в подкладку! В шапку туды ему!»
Н. В. Гоголь. Комедия «Ревизор»

Деятельности предпоследнего российского
царя посвящена обширная и разнообразная на-

учная литература. Примечательно, что едва ли
не каждый исследователь, подводя итоги пре-
бывания на престоле этого колоритного и неор-
динарного лидера, употреблял весьма экспрес-
сивные определения и эпитеты (от самых вос-
торженных до крайне оскорбительных).

До революции деяния этого государя положительно оценил, пожалуй, только В. О. Ключевский. «Наука отведет Александру III, — говорил он, — подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее добиться победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества» [9, с. 6].

Остальные дореволюционные историки, в основном, естественно, стоявшие на либеральной платформе, отзывались о заслугах Александра III без восторга, прохладно, негативно. Они с явным удовольствием, порой со злорадством, перечисляли многочисленные провалы «недалекого самодержца» и нехотя, с трудом, обнаруживали редкие достижения России, коей руководил этот «косный, отсталый царь».

Наверное, наиболее полный список его грехов и успехов составил А. Корнилов, серьезный и талантливый служитель Клио буржуазно-демократического толка.

Во-первых, пишет названный либеральный исследователь истории России XIX века, Александр III, будучи в положении наследника престола (цесаревича), приобрел в обществе репутацию человека с гуманными и прогрессивными убеждениями. Но «на самом деле его политические взгляды были глубоко консервативными, что ярко сказалось в совещаниях о борьбе с революционным движением и о направлении внутренней политики в 1880 году. Он неизменно высказывался за неприкосновенность ничем не ограниченного самодержавия, как исконного устоя русского быта, и за организацию борьбы с революционными течениями при помощи широко поставленных репрессивных мер». И важным практическим шагом Александра III в этом направлении стало решение его правительства (от 14 августа 1881 года) о введении положения об усиленной охране, которое «совершенно игнорировало права и свободы обывателей и отдавало на произвол вооруженных чрезвычайными полномочиями административных властей целые области» [14, с. 163, 167].

Во-вторых, подчеркивает А. Корнилов, в мае 1882 года «ненавистный русскому обществу Д. А. Толстой был назначен министром внутренних дел. С этого момента курс царствования Александра III определился вполне и остался до конца неизменным. Руководящим принципом всей государственной деятельности была при-

знана вновь старая николаевская формула: самодержавие, православие, народность. Во внутренней политике получили полное господство реакционные стремления. Началась переделка всех великих преобразований 1860-х годов, из которых теперь систематически вытраивались следы демократических веяний и принципов» [14, с. 168].

В-третьих, с горечью отметил А. Корнилов, консервативность Александра III, плившего в фарватере обскуранта К. П. Победоносцева, выявилась в сфере народного просвещения. Новый министр И. Д. Делянов показал себя откровенным мракобесом. Он попытался передать все начальные школы в ведомство святейшего синода. И достиг бы полного успеха в своих черносотенных замыслах, но не изыскал для этого необходимого финансирования. «При Делянове же, — обратил внимание А. Корнилов, — сделана была (в 1887 году) попытка ограничить различными мерами доступ в гимназии и реальные училища детям низших сословий. В отношении университетов реакционерам удалось, благодаря, главным образом, энергичной пропаганде М. Н. Каткова, настоять на полном уничтожении либерального устава 1863 года и заменить его новым уставом 1884 года. Университетские советы лишены были всякой автономии, над студентами усилен полицейский надзор при помощи инспекции, введена форма, и в устранение всяких намеков на корпоративность студенты признаны были «отдельными» посетителями университета. Самые программы преподавания на юридическом и филологическом факультетах были существенно изменены в тенденциозном смысле» [14, с. 170, 171].

В-четвертых, А. Корнилов констатировал, что «под воздействием К. П. Победоносцева сравнительная веротерпимость, провозглашенная законом 3 мая 1883 года, уступила место систематическому преследованию сектантов-пашковцев, толстовцев, штундистов, духоборцев; дело доходило до отнятия детей у родителей. В 1894 году штундистам были вовсе запрещены молитвенные собрания. В Западном крае и Царстве Польском такие меры принимались к униатам, формально обращенным в православие, но не желавшим этому подчиниться» [14, с. 171].

Достижения Александра III, по мнению А. Корнилова, были более чем скромными. Во-первых, он «официально возвестил о состоявшемся сближении между самодержавной Россией и республиканской Францией. Союзом с ней и воздержанием от вооруженного вмешательства в дела балканских государств мир в

Европе был надолго обеспечен, вследствие чего Александр III и получил наименование Миротворца» [2, с. 173]. Во-вторых, «на очередь был выдвинут вопрос о внешних рынках, в поиске которых русское правительство стало все более устремлять свои взоры на восток. Является стремление к открытому морю, которое малопомалу приводит к мысли о целесообразности сооружения грандиозной сквозной железной дороги через всю Сибирь к портам Тихого океана. Постройка ее сопровождалась интенсивным развитием переселенческого движения в этот регион и стала самым крупным событием последних лет царствования Александра III» [14, с. 175].

Понятно, что советские исследователи, вооруженные идеями марксизма-ленинизма, сторонники концепции диктатуры пролетариата, клялись на чем свет стоит «коронованного тирана и палача». «Один из самых ограниченных представителей романовской династии, — так аттестовал Александра III университетский учебник по истории СССР, изданный в 1940 году. — До последних лет своего царствования он плохо разбирался в мало-мальски сложных вопросах государственного управления. Власть отца в семье, власть помещика над крестьянской деревней, власть царя-самодержца над всей страной — идея этой системы властей владела Александром III. Русская капиталистическая действительность отнюдь не согласовывалась с этими идеями. Тем беспощаднее ломал Александр III все то, в чем ему виделись следы «паршивого либерализма» (его выражение. — *авт.*), тем с большим нажимом он употреблял весь бюрократически-дворянский аппарат принуждения для возвращения к формам дореформенной жизни. Панически боявшийся революции, дрожавший за личную безопасность, он всюду подзревал заговорщиков. Александр III был одним из главных деятелей той разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, которая характеризует его царствование» [6, с. 599—600]. Так советские обществоведы гвоздили и честили антидемократический, крепостнический режим почти до последнего дня существования коммунистической тоталитарной системы.

Накануне распада Советского Союза В. А. Корнилов, один из авторов учебника по истории нашей страны, писал: «Период 80-х — начала 90-х годов XIX века характеризуется наступлением царизма на прогрессивные ростки, которые появились в результате реформ предшествующих десятилетий. Этот период отмечен серией реакционных преобразований, направленных на пересмотр сложившейся системы буржу-

азного законодательства, которые в отечественной историографии принято называть контрреформами» [7, с. 107]. Разумеется, В. А. Корнилов, как, впрочем, и любой советский историк, не мог отметить каких-либо полезных шагов в работе Александра III. Ситуация изменилась только после развала СССР.

В конце XX — начале XXI века у исследователей биографии Александра III выявилась разнородность мнений. Разумеется, многие из них остались на прежних позициях. Н. П. Зырянов, как и раньше, клеймил «мужиковатого» императора, «не лезшего в карман за бранным словом»: «Вопреки распространенному мнению, Александр III не был глуп. Но его мышление было слишком приземленным, отсутствовала фантазия, он не умел смотреть вдаль, в перспективу. Был он законченный консерватор и ретроград. Но, подобно многим медвежьим натурам, отличался осторожностью, был слегка трусоват...

Постепенный возврат к старому, укрепление сословного строя и самодержавия составляли суть внутренней политики Александра III. Ему казалось, что он возвращает страну с опасного пути на здоровые исторические основания. На самом деле это были обреченные на неуспех попытки направить вспять течение жизни.

Верноподданнические публикации именовали Александра III «Миротворцем». Действительно, ему удалось быстро стабилизировать обстановку после убийства своего отца. Но он не принес стране настоящего мира. Среди обманчивого спокойствия царствования Александра III были посеяны семена будущих бурь... По-видимому, он не ведал, что творил. Его крепостническая политика делала положение в деревне еще более взрывоопасным» [4, с. 438, 440].

Конечно, Н. П. Зырянов заслуживает определенной похвалы за то, что выявил едва ли не все минусы в правлении Александра III. Но ведь историк не должен забывать и о его достижениях, какими бы скромными они не казались.

К сожалению, и весьма квалифицированный коллектив авторов, написавший содержательную «Энциклопедию царей и императоров», недалеко ушел от Н. П. Зырянова. В ней в безапелляционном тоне выносятся суровый приговор герою нашей рецензии: «Политический режим, установившийся при Александре III, все больше походил на тоталитарный, хотя сам император так не думал. Напротив, он считал время своего правления самым гуманным и благоприятным для народа. Л. Н. Толстой давал дру- гую характеристику политике Александра III:

«Постыдная деятельность виселиц, розги, гонений». Государь постоянно вмешивался в судебные решения, корректировал приговоры, требовал полного единомыслия в печати. Он все больше претендовал на роль правителя, обладавшего неограниченной властью» [16, с. 266].

Безусловно, Александр III за многие решения и действия заслуживает серьезного порицания. Однако исследователь прошлого, тем более биограф государственного деятеля, не имеет права выполнять только функции прокурора. Он в одном лице должен совмещать и обязанности защитника. Ведь очевидно, что обвинять Александра III в создании тоталитарного режима нет никаких оснований. И Лев Толстой, великий гуманист, хватил через край. Все-таки в эпоху Александра III (за 13 лет) были арестованы лишь 4 тысячи человек, а казнены только 17. Честное слово, такие цифры могли бы насмешить и Ленина, и Сталина до колик в боку.

Отрадно, что наряду с работами, в которых Александр III изображался как записной злодей, в постсоветской России увидели свет труды, в коих император предстал многогранным государственным деятелем.

Миронов Б. Н. стал одним из первых, кто отказался от прямолинейной, трафаретной оценки царствования Александра III: «При нем была сделана попытка затормозить развитие государственности в сторону правового государства с конституцией и парламентом. Однако консервативный политический курс не изменил ни характера русской государственности, ни главной тенденции ее развития — государство продолжало эволюционировать, хотя и медленнее, чем в предыдущее царствование, в сторону конституционной монархии, а общество — в сторону гражданского общества» [10, с. 154]. Такой взвешенный аналитический вывод Б. Н. Миронова трудно оспорить. Его скоро подкрепили и другие историки, отошедшие от шаблонного приема демонизации русских царей.

«Александра III, — выносят вердикт Е. Волков и А. Конюченко, — отличали такие «мужичьи» черты, как проявлявшиеся порой грубость и несдержанность, с одной стороны, с другой — здравый смысл, любовь к старине, набожность. Ему были присущи такие качества, как благородство, доброта, честность, верность данному слову. Результаты его правления нельзя назвать однозначными... Оставался нерешенным ряд насущных проблем: социальное обеспечение малоимущих граждан, малограмотность низших слоев общества и т. д. В то же время было и множество положительных моментов. Экономи-

ка страны переживала подъем. Благополучие населения значительно улучшилось. Позитивные процессы, происходившие в стране, конечно, в значительной степени являлись следствием позитивной деятельности самого царя» [3, с. 326].

Тезис о противоречивости политики Александра III развивали и преподаватели Московского университета Н. Г. и В. А. Георгиевы. «В ней, — считают они, — проявлялись и реакционные, и прогрессивные тенденции. Его правительству не удалось окончательно уничтожить земства и городское самоуправление. Они остались центрами объединения либералов. Сохранилась система судопроизводства. Были понижены выкупные платежи и прекращено временнообязанное состояние крестьян. Законами о штрафах, о фабричной инспекции, о запрещении ночной работы для женщин и подростков было положено начало правительственной регламентации взаимоотношений между предпринимателями и рабочими. В целом в 80-х — первой половине 90-х годов XIX века была укрепленна государственность и достигнута определенная социальная стабильность. Вместе с тем в обществе нарастали симптомы противостояния консервативным тенденциям, характерным для правительственной политики» [12, с. 258]. Казалось, биографам Александра III и дальше следовало бы идти избранным путем: скрупулезно обдумывать, анализировать как победы, так и поражения объекта изучения. Но нет...

Некоторые исследователи (по не совсем понятным причинам) создали из симпатичного императора, обладавшего, по мнению С. Ю. Вите, «средними способностями», культ. В своих работах они почти начисто забыли даже о его мелких просчетах и стали ему петь только дифирамбы. В благостных тонах изложил биографию Александра III А. Боханов. К нашему удивлению, этот квалифицированный исследователь буквально утопил своего любимого императора в сиропе. Откроем из любопытства страницы книги, посвященные юности императора: «Молодой великий князь часто не успевал сделать домашние уроки, так как времени на это не хватало. Но каждый день надлежало приходиться к Мама и докладывать ей о своей успеваемости. Можно было что-то скрыть, не все сказать, может быть, она не узнала бы, но он никогда ничего не утаивал. Вообще не умел лукавить и самым страшным позором и оскорблением считал уличение в неискренности» [1, с. 25]. А вот как А. Боханов раскрыл глубоко патристические гастрономические вкусы молодого Александра III: «Гурманом он не был... Все эти жюльены, кон-

сое, трюфели, каперсы, галантины, фрикасе, устрицы, фритюры удовольствия не доставляли. Он предпочитал простую пищу: щи, уху, жареную рыбу, котлеты, кашу, жаркое, квашеную капусту, моченые яблоки, соленые огурцы, простоквашу. Самым вкусным и изысканным блюдом многие годы считал гурьевскую кашу (манная каша с яйцами, запеченная в духовке и подаваемая с орехами, фруктами, сметаной или сладким сиропом)». И так на протяжении всей книги А. Боханова: восхищение, умиление, апология всех движений души и тела Александра III. Робким диссонансом в этом океане радостной биографической сентиментальности явилось утверждение о том, что К. П. Победоносцев, наставник и советник императора, проводил политику, которая «не сулила никакой перспективы стране» [2, с. 258].

Так же вдохновенно, как А. Боханов, прославляет Александра III С. Перевезенцев. С неподдельным восторгом он величает его: «Судьба отвела ему всего тринадцать с половиной лет на царствование. Да-да, столь славный император и самодержец российский провел на престоле гораздо меньший срок, нежели все предшественники. Александр I правил более 25 лет, Николай I — почти 30 лет, Александр II — чуть больше 25 лет. И сын Александра III, последний русский император Николай II, царствовал почти 24 года... Однако сколь много было сделано за столь короткий исторический срок, отведенный Александру Александровичу!»

Жизнь Александра III, уверяет нас С. Перевезенцев, наполнена подвигами, благородными поступками, мудрыми решениями, блестящими достижениями во внутренней и внешней политике: «Именно этот император более чем на 20 лет задержал распространение марксизма в России, удержал от неминуемого падения в бездну революции! Консервативный поворот в правительственном курсе Александр III сопровождал непрерывной заботой об экономическом развитии России... Министры финансов Н. Х. Бунге, И. И. Вышнеградский и С. Ю. Витте начали крупные реформы, которые получили одобрение и поддержку царя... Русская национальная культура переживала один из лучших периодов, достигнув высочайшего уровня».

Не будем спорить с таким, в основном верным выводом С. Перевезенцева. Но с какой стати он ставит в заслугу Александру III указ о «кухаркиных детях», увольнение прогрессивных профессоров, упразднение университетской автономии, повышение платы за обучение в высших и средних учебных заведениях, введение

карательной цензуры и увеличение ценза для присяжных заседателей? И можно ли без иронии и даже сарказма объяснить тот факт, что такой солидный ученый, как С. Перевезенцев, замер в состоянии радостного благоговения, воззрившись на портрет Александра III работы Н. Шильдера: «Он единственный из всех государей XVIII—XIX столетий, который по старорусской традиции начал вновь носить бороду... Вот сколь дальновиден оказался Александр III! Опора на русскую традицию — сколь же благороден и благоденственен этот принцип для России!» [13, с. 548—557].

Работы А. Боханова и С. Перевезенцева удивляют и огорчают явной лакировкой фигуры Александра III.

Еще более поражает и удручает книга И. Е. Дронова «Сильный. Державный...». В ней этот царь предстает перед читателем рыцарем без страха и упрека, великим государственным деятелем, титаном, не имевшим себе равных среди всех лидеров дореволюционной России. Уже рассказом о появлении на свет маленького Саши, его детства и юности автор рецензируемой книги старается внушить, что мальчик сразу же показал себя необыкновенным человеческим существом. Подражая былинным сказителям, он ведет неторопливое повествование:

«Веками лелеялась в душе народа мечта о Святой Руси, о справедливом и добром, об истинно русском Батюшке-Царе. За 200 лет, начиная с Петровских реформ, Россия истосковалась по такому Царю. Немецкие принцы и принцессы, французские моды, английская политэкономия — вот то, что господствовало и насаждалось сверху в эти 200 лет; вот то, чем жила и дышала Верховная Власть, а все русское вытравлялось и загонялось в подполье. Казалось, скольжение России по пути обезличивающего «прогресса» никто и ничто не в силах остановить... Так казалось... Но Земля Русская, видно, не разучилась еще тогда рождать богатырей — и он родился, наконец, этот истинно русский Государь, — на радость верноподданным, на страх супостатам...» (с. 628).

Дронов И. Е. уверяет нас, что будущий император получил прекрасное воспитание: «Традиции семьи, тип религиозной культуры, национальные исторические предания, философия и самая личность всех воспитателей — все это вкупе, истекая из одного — русского источника и действуя соответственно в одном направлении, создавало духовное единство и цельность характера». Данное педагогическое кредо звучит очень весомо, но, увы, некоторые

его положения совершенно не отражали реальной действительности, в которой жил юный Александр.

О каком философском воспитании можно говорить применительно к молодому великому князю, развивавшемуся в условиях крепостнической эпохи? Сам И. Е. Дронов признает это: «Назначив в 1849 году во главе министерства народного просвещения князя П. А. Ширинско-го-Шихматова, любившего повторять, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен», император Николай I в том же году и своим внукам вполне сознательно и последовательно предпочел «фельдфебеля в Вольтеры дать», не без основания полагая, что боевой офицер гораздо успешнее, чем какой-нибудь серый «штафирка», ученый профессор, сумеет преподать русским великим князьям то «единое на потребу», «что прежде всего прочего необходимо усвоить будущим властителям Русского государства: веру в Бога, любовь к Отечеству, верность государю» (с. 12). Совершенно очевидно, что эти три качества будущий император приобрел в полной мере благодаря своим старательным наставникам — генерал-майору Н. В. Зиновьеву и полковнику Г. В. Гогелю. Названные талантливые педагоги, поясняет И. Е. Дронов, не мудрствовали лукаво. Оба — типичные военные николаевской эпохи с ее суровой простотой, они и воспитывали своего подопечного солдатом Империи, а не великосветским денди или парламентским краснобаем». Едва начав ходить, маленький великий князь уже учился маршировать. Ежедневные многочасовые строевые занятия, отработка ружейных и сабельных приемов, обучение пушечной пальбе вызывали радость. А вот изучение общеобразовательных предметов, особенно иностранных языков, у будущего императора шло туго.

Молодой великий князь не хотел штурмовать вершины науки. Его воспитатель генерал Б. А. Перовский был вынужден даже пожаловаться Александру II на то, что сын ленится, отлынивает от подготовки уроков и, «получая плохие оценки, во всем винит не себя, а учителя» (с. 60). Оправдывает И. Е. Дронов такое поведение и низкий уровень знаний у своего любимца весьма неуклюже: «Для него всегда определяющими были не ученая риторика и хитросплетение отвлеченных умозаключений, а его собственное разумение истины, основанное на любви к Отечеству и вере в Бога». О философии, политической экономии, зарубежной литературе, всеобщей истории Александр III имел более чем отдаленное представление. Не про-

являл интереса к Пушкину, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Тургеневу, Чехову. Естественно, что при таком ограниченном кругозоре он не мог, подобно отцу, проводить серьезные прогрессивные преобразования, его удел — только контрреформы, в лучшем случае — консервация существующих порядков.

Можно совершенно определенно сказать, что самым лучшим вариантом развития России в начале 80-х годов XIX века был путь, предложенный Александром II, — осуществление умеренных конституционных реформ, предполагавших привлечение представителей земств и городов к обсуждению общегосударственных вопросов. Оно позволило бы, согласимся с заключением Е. П. Толмачева, провести преобразования, во многом отвечавшие вековым требованиям демократии [15, с. 232].

Но трагическая (далеко не закономерная, случайная) гибель великого реформатора привела русское государство к ужасающим потрясениям в 1917—1920 гг. Кончина Александра II стала огромной потерей для России. К такому выводу склоняется большинство отечественных историков. Иное мнение высказал автор рецензируемой книги. В убийстве Александра II он увидел справедливое наказание «коронованного грешника» (с. 343). При этом И. Е. Дронов подчеркивает, что в 80-е годы XIX века такой точки зрения придерживались многие соратники Александра III.

В первые дни марта 1881 года перед новым императором встал вопрос: с кем идти дальше — примкнуть к многочисленному лагерю сторонников конституционной монархии или возглавить небольшую группу приверженцев неограниченной монархии? В стан либералов, руководимых графом Лорис-Меликовым, вошли большинство министров, великие князья, почти все редакторы петербургских газет, профессора, адвокаты. Им противостояли реакционеры, сплотившиеся вокруг влиятельного обер-прокурора Синода Победоносцева. Исход борьбы зависел от позиции Александра III. Царь после некоторых колебаний четко определил свою позицию, заявив градоначальнику Баранову: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» (с. 348). На отказ Александра III опубликовать проект Манифеста о представительстве земцев в Государственном Совете, утвержденный его отцом (незадолго до гибели) и подписанный им самим, Лорис-Меликов тоже отреагировал очень эмоционально: «Ничтожный человек! Он собственноручно уничтожил то, под чем сам же подписался!» [9, с. 126].

Не будем спорить с теми историками, которые считают, что Александр III был в высшей степени порядочным и честным человеком. Но вот по отношению к своему отцу он поступил вероломно, отказавшись выполнить его волю — перейти к конституционному пути развития. И Лорис-Меликов был прав, обвинив Александра III в совершении недостойного поступка. Поэтому И. Е. Дронов потратил немало сил, дабы обелить своего кумира. С одной стороны, он страстно доказывает, что наследник «свято исполнял волю отца», «что Александр III отнюдь не стремился переиначить преобразования отца по-своему, напротив, уже 29 апреля 1881 года было недвусмысленно заявлено о необратимости главных результатов реформ предыдущего царствования: освобождение крестьян, привлечение общественных представителей к делу местного самоуправления, суд. Все принципиальные основы новых учреждений сохранились в неприкосновенности» (с. 368).

С другой стороны, И. Е. Дронов из всех сил убеждает, что Александр III избрал абсолютно правильный консервативно-патриархальный путь развития России. Тезис, конечно, спорный и заслуживает внимания лишь как отправная точка для научно-теоретических дискуссий. Ведь многие страны Европы развивались весьма успешно в условиях парламентских систем. Однако автор рецензируемой книги, уклонившись от рассмотрения очевидной реальности, поет хвалу самобытности неограниченной монархии, возглавляемой Александром III. И какие живописные факты он использует!

Мы уже отмечали, какое сильное впечатление произвела борода Александра III на С. Перевезенцева. К сожалению, этот зрительный эффект он зафиксировал в одной короткой фразе, не раскрыв исторического значения этой детали портрета русского царя. Приятно, что «волосяному покрову на нижней части лица» [11, с. 50] Александра III И. Е. Дронов посвятил целый политический трактат: «Свое единство с коренной Россией государь подчеркивал с первых дней своего царствования. Все сразу обратили внимание на то, что Александр III стал первым императором, который по допетровскому русскому обычаю отпустил бороду. Это было знаковое историческое событие. Ведь западнические реформы Петра I начались некогда именно с «усекновения» бород, открыв почти двухвековой период господства иноземных мод, идей и порядков, тогда как все русское подвергалось осмеянию как признак косности и отсталости. В бытность свою наследником Александр

ру Александровичу самому пришлось испытать «гонение» за бороду, поскольку император Александр II запрещал военным ношение бород... Взойдя на престол, Александр III одним из первых своих указов покончил с нелепым наследием западнических реформ Петра» (с. 369).

Стараясь преувеличить роль Александра III в русской истории, И. Е. Дронов многие решения этого императора, не сыгравшие особой роли, тем не менее квалифицирует как весьма значимые. Например, он пишет: «Символично, что Александр III стал первым поистине всероссийским императором, поскольку ему впервые присягнула вся Россия, включая и 30 миллионов бывших крепостных крестьян, за которых раньше присягали их помещики-душевнодальцы» (с. 370). Интересно бы узнать, как проходила соответствующая церемония в селах и деревнях. Но пока никаких следов таковой истории не обнаружили.

Не стоит гиперболизировать и введение Александром III новых образцов армейской униформы в 1881 году, «выдержанной в русских традициях: мундиры в виде полукафтано́в, барашковые шапки, шаровары, цветные кушаки, сапоги бутылками» (с. 368). И. Е. Дронов расценивает это нововведение как крупное свершение требовательного монарха: «Мужичья форма, скроенная «по-русски и для русских», быстро прижилась и стала одним из ярких символов нового царствования» (с. 369). Но, наверное, не стоит впадать в эйфорию по поводу полукафтано́в и цветных кушаков. Русские воины под водительством Суворова и Кутузова и в прежней форме добивались триумфальных успехов и побед.

Кажется, что, прославляя Александра III, И. Е. Дронов теряет всякую меру и оказывает императору медвежью услугу. Так, историки, как правило, не упоминают или в лучшем случае вскользь говорят о том, что, будучи цесаревичем, он сыграл в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. второстепенную роль. «Вероятно, «обыденность ума» и отсутствие каких бы то ни было «военных талантов», — подчеркивают авторы книги «История России в портретах», — явились одной из причин того, что Александру II отсоветовали назначать наследника престола главнокомандующим. Ему была поручена скромная должность командира Рушукского отряда. Отряд почти не принимал участия в боевых операциях, представления к наградам офицеров отряда игнорировались» [5, с. 261]. Оценка же И. Е. Дронова просто ошеломительна: «Будущий царь-Миротворец в полный голос заявил о себе. Полководческое искусство Александра III напо-

минает тот эталон, который в образе М. И. Кутузова был воспет Львом Толстым в романе «Война и мир» (с. 277).

Дронов И. Е. не замечает, что непрерывное и неумеренное курение фимиама своему объекту поклонения вызывает недоумение и досаду читателя... 21 мая 1883 года Александр III выступил во время коронационных торжеств сначала перед волостными старшинами, представителями крестьянского сословия, а потом — перед депутацией предводителей дворянства. Первым он посоветовал «следовать советам помещиков», а вторым — «жить тихо и мирно». И вот как оценил эти — в общем-то бесцветные — речи И. Е. Дронов: «Немногословные выступления государя были истолкованы всеми верно-подданными как напоминание о необходимости каждому неукоснительно исполнять свой долг, как внушительный призыв к единению двух основных русских сословий, к забвению распри и взаимных претензий, намеренно раздуваемых злобными врагами Русского государства. Крестьянство и дворянство при Александре III подали в этот день друг другу руки. От крепости этого познания зависела и судьба самодержавной монархии, и судьба самой России» (с. 414—415).

Какая наивность Александра III (и автора рецензируемой книги тоже)! О каких пасторальных отношениях крестьян и дворян можно было тогда говорить, когда революция стучалась в дверь России, когда то тут, то там горели помещичьи имения и усадьбы? А в 1917—1920 гг. они были полностью уничтожены крестьянами.

Какие шаги следовало бы немедленно предпринять Александру III? Нам представляется, что лучший ответ на этот вопрос дала датская королева Луиза. Она писала своей дочери Дагмар (жене Александра III), откликаясь на казнь в Петербурге 3 апреля 1881 года убийц Александра II: «Я очень радовалась всему тому, что твой любимый Саша до сих пор предпринимал как самодержец. И то, что эти подлые убийцы были казнены, — это была совершенно необходимая и правильная мера, ибо помилование было бы истолковано как страсть и слабость.

Однако теперь, когда эти негодяи наказаны, настало, как мне кажется, время, когда наш любимый Саша должен провести в жизнь некоторые политические законопроекты, которые ушедший из жизни Император собирался дать своему народу и не успел и которые, возможно, могли спасти его драгоценную жизнь. К тому же они уже введены во всем цивилизованном мире. И теперь, возможно, в России будут восприняты с ликованием и благодарностью, а также будут работать на уничтожение подлого нигилизма. Я не хочу рекомендовать, чтобы дорогой Саша создал законодательный орган, но учреждение совещательного органа или Совета могло бы стать переходным органом к созданию первого парламентского представительства» [8, с. 125].

Датская королева Луиза рассуждала здраво и умно. То же самое в России говорили Александру III многие дальновидные люди: министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, председатель комитета министров П. А. Валуев, министр просвещения А. А. Сабуров, государственный секретарь А. А. Половцов, государственный контролер Д. М. Сольский, дядя Александра III великий князь Константин Николаевич, младшие братья Александра III Владимир Александрович и Алексей Александрович. Такая команда, будь на то воля Александра III, без особых затруднений могла провести все необходимые преобразования конституционного характера. И кто знает, может быть, Россия избежала бы трагических потрясений 1905 и 1917 гг. Общеввропейский опыт давал на то серьезные надежды.

Дронов И. Е. убежден, что Александр III, без всяких колебаний разогнавший «шайку паршивых либералов», сотворил чудо, смог вывести страну «из смуты и запустения к спокойствию и благоденствию»; но, к несчастью, и самого великого самодержца, и созданное им могучее Русское государство сгубили «антинациональные силы» (с. 628—629). Что же они собой представляли?

(Продолжение следует)

Литература

1. Боханов А. Император Александр III / А. Боханов. — М. : Русское слово, 1988. — 511 с.
2. Боханов А. Православная церковь в конце XIX века / А. Боханов // История России. С начала XIX века до начала XXI века. — М. : Астрель, 2003. — 683 с.
3. Волков Е. Русские императоры XIX века / Е. Волков, А. Конюченко. — Челябинск : Аркаим, 2003. — 335 с.
4. Зырянов Н. П. Александр III и его контрреформы / Н. П. Зырянов // История России. С начала XVIII века до конца XIX века. — М. : Издательство АСТ, 2001. — 543 с.

5. История России в портретах : в 2 т. Т. 1. — Смоленск : Русич, 1996. — 505 с.
6. История СССР. Россия в XIX веке. — М. : Соцэкгиз, 1940. — 762 с.
7. Корнилов В. А. Внутренняя политика царизма в 80—90-х гг. / В. А. Корнилов // История СССР. 1861—1917. — М. : Просвещение, 1990. — 463 с.
8. Кудрина Ю. Мария Федоровна / Ю. Кудрина. — М. : Молодая гвардия, 2009. — 516 с.
9. Майорова Е. И. Александр III / Е. И. Майорова. — М. : Вече, 2018. — 256 с.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России : в 2 т. Т. 2 / Б. Н. Миронов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. — 566 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Русский язык, 1981. — 797 с.
12. Орлов А. С. История России : учебник / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М. : Проспект, 2003. — 514 с.
13. Перевезенцев С. Россия. Великая судьба / С. Перевезенцев. — М. : Белый город, 2005. — 704 с.
14. Русский биографический словарь : в 20 т. Т. 1. — М. : Терра — Книжный клуб, 1998. — 512 с.
15. Толмачев Е. П. Александр II и его время : в 2 кн. Кн. 2 / Е. П. Толмачев. — М. : Терра — Книжный клуб, 1998. — 287 с.
16. Энциклопедия царей и императоров. Россия IX—XX вв. — М. : Росса, 2007. — 287 с.

A MISSED CHANCE

Review

on the book of I. E. Dronov

"STRONG, SOVEREIGN. LIFE AND REIGN OF EMPEROR ALEXANDER III"

(Moscow, 2018. 736 p.)

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

natalygt1956@gmail.com

References

1. Bokhanov A. (1988) Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander the Third]. Moscow: Russkoe Slovo, 511 p.
2. Bokhanov A. (2003) Pravoslavnaya tserkov v konce XIX veka [Orthodox Church at the end of the 19th century]. Moscow: Astrel, 683 p.
3. Volkov E. (2003) Russkie imperatory XIX veka [Russian emperors of the 19th century]. Moscow: Arkaim, 335 p.
4. Zyryanov N. (2001) Aleksandr III i ego kontrreformy [Alexander III and his counter-reforms]. Moscow, 543 p.
5. Istoriya Rossii v portretah [Russian history in portraits]. Smolensk, 505 p.
6. Istoriya SSSR. Rossiya v XIX veke [History of the USSR. Russia in the 19th century]. Moscow, 762 p.
7. Kornilov V. (1990) Vnutrennyaya politika tsarizma v 80—90-h gg. [Internal policy of tsarism in the 80—90s]. Moscow, 463 p.
8. Kudrina J. (2009) Maria Fedorovna [Maria Fedorovna]. Moscow, 516 p.
9. Mayorova E. (2018) Aleksandr III [Alexander the Third]. Moscow, 256 p.
10. Mironov B. (1998) Sotsialnaya istoriya Rossii [Social history of Russia]. St. Petersburg, 566 p.
11. Ozhegov S. (1981) Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 797 p.
12. Orlov A. (2003) Istoria Rossii [Russian History]. Moscow: Prospekt, 514 p.
13. Pereverzenцев S. (2005) Rossiya. Velikaya sudba [Russia. Great destiny]. Moscow, 704 p.
14. Russkiy biograficheskiy slovar [Russian biographical dictionary]. Moscow, 512 p.
15. Tolmachev E. (1998) Aleksandr II i ego vremya [Alexander II and his time]. Moscow, 287 p.
16. Entsiklopediya tsarey i imperatorov Rossiya IX—XX vv. [Encyclopedia of Kings and Emperors. Russia IX—XX centuries]. Moscow, 287 p.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ, ЮБИЛЕИ**Г. И. Петрова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
rio4@bk.ru

**ИЗДАТЕЛЬСТВУ
УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА — 30 ЛЕТ!**

Эффективная учебная и научная деятельность университета невозможна без надежной издательской поддержки. Для выпуска литературы, отвечающей требованиям государственных образовательных стандартов, в 1991 году на базе Ульяновского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова был создан Редакционно-издательский отдел (РИО). С момента своего основания РИО выпускал в год всего лишь 2–3 учебных пособия. Первые издания были напечатаны на пишущей машинке и размножены на ротапринте в городской типографии.

Университет развивался, открывались новые специальности, создавались кафедры и факультеты, и с каждым годом возрастала потребность в методической и учебной литературе. В 1994 году была организована лаборатория оперативной полиграфии (ЛОП, первый начальник — В. К. Шабанов), которая позволила публиковать учебные пособия и монографии на базе университета на ризографе и ксероксе.

Всего за 30 лет вышло в печать несколько тысяч наименований учебной и научной литературы. Библиотечный учебный фонд регулярно пополняется собственными изданиями, тематика которых охватывает практически все специальности.

В 2005 году в связи со значительным увеличением объема и разнообразия видов изданий на базе РИО был создан Издательский центр. Сегодня Издательский центр (директор Т. В. Максимова) включает редакционно-издательский отдел, лабораторию оперативной полиграфии и дизайн-студию.

Среди авторов — ученые с мировым именем: А. С. Андреев, Е. М. Белый, Т. П. Генинг, В. И. Гор-

бунов, Н. Т. Гурин, Т. Ю. Иванова, Н. И. Калаков, С. Г. Капканщиков, Б. М. Костишко, А. И. Кусельман, В. В. Машин, Ю. В. Полянсков, В. В. Учайкин, А. И. Фефилов, Б. П. Чураков и многие другие.

С 2010 года в университете издаются периодические журналы «Симбирский научный вестник» и «Ульяновский медико-биологический журнал». Качество их подготовки отвечает требованиям ВАК, журналы зарекомендовали себя не только в Ульяновском регионе, но и за его пределами.

В Издательском центре работают высокопрофессиональные специалисты, которые регулярно проходят переподготовку, обучаясь на курсах повышения квалификации в рамках общего плана Министерства науки и высшего образования РФ, обладают знаниями по теории и практике книгоиздательского дела, истории и культуре книжного издания и представляют вуз на высоком уровне.

30-летний опыт работы, профессионализм сотрудников позволили Издательскому центру завоевать высокий авторитет в Ульяновске и области, а также войти в систему вузовских издательств России в качестве конкурентоспособного участника и зарекомендовать себя как ведущую книгоиздательскую структуру.

Издательский центр ежегодно участвует в различных выставках и конкурсах. Высокие достижения центра отмечены наградами ежегодной Всероссийской выставки-конкурса «Симбирская книга», всероссийских и международных конкурсов «Университетская книга», конкурса Научно-методического совета Министерства образования и науки РФ «Лучшее учебное издание» и др.

Галина Александровна Углева

Сотрудники редакционно-издательского отдела (2021 г.)

По итогам Всероссийского конкурса «Университетская книга — 2021» Издательский центр Ульяновского государственного университета признан **издательством года** за поддержание лучших традиций книжного дела и популяризацию учебных и научных изданий.

Любое подразделение не будет работать слаженно и четко без надежного руководителя, каким является бессменный начальник РИО с момента его образования Галина Александровна Углева. Это грамотный, инициативный, компетентный руководитель, душой болеющий за дело. Г. А. Углева внесла весомый вклад в развитие издательского дела университета, благодаря ее упорству и стараниям маленький отдел превратился в современный издательский комплекс. Неутомимая энергия и организаторский талант, высокий профессионализм, умение создать творческую атмосферу в

коллективе снискали заслуженный авторитет и глубокое уважение коллег.

За многолетний добросовестный труд и заслуги в области образования Галина Александровна Углева награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», удостоена званий «Заслуженный работник средств массовой информации», «Ветеран труда». Кстати, Г. А. Углева в декабре отмечает свой юбилей.

Поздравляем всех сотрудников редакционно-издательского отдела и лично Галину Александровну Углеву с юбилейной датой!

Желаем развиваться и процветать, совершенствоваться и добиваться высоких результатов! Успехов, сплоченности коллектива, блестящих побед, широкого признания, новых интересных книг и проектов, талантливых авторов!

Литература

1. Издательский центр. — URL: <https://www.ulsu.ru/ru/sveden/struct/0b71db9e-f201-11de-8bdd-001a92e75bb4>.
2. Издательская деятельность Ульяновского государственного университета. — URL: <http://www.rsci.ru/books/publisher/191539.php>.
3. Отчет о результатах деятельности Ульяновского государственного университета за 2020 г. Анализ системы менеджмента качества со стороны руководства. — Ульяновск : УлГУ, 2021. — 378 с.

ULYANOVSK STATE UNIVERSITY PRESS TURNS 30 YEARS OLD!

References

1. Izdatelskiy tsentr [Publishing centre]. URL: <https://www.ulsu.ru/ru/sveden/struct/0b71db9e-f201-11de-8bdd-001a92e75bb4>.
2. Izdatelskaya deyatel'nost' Ulyanovskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing activity of Ulyanovsk State University]. URL: <http://www.rsci.ru/books/publisher/191539.php>.
3. Otchet o rezultatakh deyatel'nosti Ulyanovskogo gosudarstvennogo universiteta za 2020 g. Analiz sistemy menedzhmenta kachestva so storony rukovodstva [Performance statement of Ulyanovsk State University for 2020. Management system analysis by senior executives]. Ulyanovsk: UISU, 2021, 378 p.

НАШИ АВТОРЫ

Архипова Ирина Алексеевна — руководитель строительного профиля; Губернский колледж г. Сызрани; irsen-da@mail.ru; тел. 8-927-782-21-99.

Афанасьева Виктория Максимовна — бакалавр направления «Психология»; Ульяновский государственный университет; marly616@mail.ru; тел. 8-902-218-38-08.

Гемранова Анастасия Дмитриевна — старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-16.

Добрецов Андрей Валерьевич — концертмейстер высшей категории; ГБУДО г. Москвы «ДМШ имени А. Д. Артоболевской»; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Егорова Элеонора Валериевна — кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; Eleanor_63@mail.ru; тел. 8-906-390-86-86.

Ефремова Дарья Николаевна — магистрант направления «Социология культуры»; Ульяновский государственный университет; научный сотрудник; Ленинский мемориал (г. Ульяновск); dasa-efremova@mail.ru; тел. 8-906-140-76-75.

Ишкиняева Лилия Камилевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения; Ульяновский государственный университет; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Краева Александра Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии; Ульяновский государственный университет; kraevalex@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Крашенинникова Екатерина Ивановна — ассистент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет; katekrash98@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Arkhipova Irina Alekseevna — construction manager; Syzran Provincial Colledge; irsen-da@mail.ru; тел. 8-927-782-21-99.

Afanasyeva Viktoriya Maksimovna — bachelor, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; marly616@mail.ru; тел. 8-902-218-38-08.

Gemranova Anastasiya Dmitrievna — senior teacher; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-16.

Dobretsov Andrey Valeryevich — master-level leader of an orchestra; State-financed Institution of Further Education "Children's Music School named after A. D. Artobolevskaya"; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Egorova Eleonora Valerievna — Candidate of Philology, associate professor; Ulyanovsk State University; Eleanor_63@mail.ru; тел. 8-906-390-86-86.

Efremova Darya Nikolaevna — master's degree student, specialty "Sociology of Culture"; Ulyanovsk State University; research scientist; Lenin Memorial (Ulyanovsk); dasa-efremova@mail.ru; тел. 8-906-140-76-75.

Ishkinyayeva Lilia Kamilevna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of Journalism, Philology, Document Science and Library Studies; Ulyanovsk State University; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Kraeva Aleksandra Gennadievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; kraevalex@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Krashenninnikova Ekaterina Ivanovna — teaching assistant; Chair of English Language for Professional Activities; Ulyanovsk State University; katekrash98@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Крашенинникова Наталья Александровна — кандидат технических наук, доцент, директор Института международных отношений; Ульяновский государственный университет; kna.73@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Медведев Евгений Валентинович — доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса; Ульяновский государственный университет; адвокат; Ульяновская областная коллегия адвокатов; oxymoron@rambler.ru; тел. 8-927-814-53-00.

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; 7151mid@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — кандидат педагогических наук; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлова Ирина Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; 44kd11@gmail.com; тел. 8-902-120-66-78.

Окутина Наталья Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета; Ульяновский государственный университет; ocutina@mail.ru; тел. 8-902-217-62-10.

Петрова Гюзал Исхаковна — ведущий редактор Издательского центра; Ульяновский государственный университет; rio4@bk.ru; тел. 8(8422)67-50-30.

Платонова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет; vikinginya@yahoo.co.uk; тел. 8-927-804-81-53.

Самылина Ангелина Александровна — студентка; Ульяновский государственный университет; kategoldenblack@gmail.com; тел. 8-962-635-20-85.

Сафина Гульнара Минseitовна — кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления; Ульяновский государственный университет; gms73@inbox.ru; тел. 8-927-801-02-25.

Krasheninnikova Natalya Aleksandrovna — Candidate of Technical Sciences, associate professor, Director of the Institute of International Relations; Ulyanovsk State University; kna.73@mail.ru; tel. 8-903-339-98-88.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Public Relations, Advertising and Cultural Science; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Medvedev Evgeniy Valentinovich — Candidate of Legal Sciences, associate professor; Head of Chair of Criminal Law and Procedure; Ulyanovsk State University; attorney; Ulyanovsk Regional Bar Association; oxymoron@rambler.ru; tel. 8-927-814-53-00.

Mitin Sergey Nikolaevich — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-803-19-64.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; 7151mid@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — Candidate of Education; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Mikhailova Irina Viktorovna — Candidate of Psychology, associate professor, Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; 44kd11@gmail.com; tel. 8-902-120-66-78.

Okutina Natalya Nikolaevna — Candidate of Legal Sciences, associate professor; Chair of Criminal Law; Law Department; Ulyanovsk State University; ocutina@mail.ru; tel. 8-902-217-62-10.

Petrova Gyuzal Iskhakovna — leading editor of Publishing Center; Ulyanovsk State University; rio4@bk.ru; tel. 8(8422)67-50-30.

Platonova Elena Vladimirovna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of English Language for Professional Activities; Ulyanovsk State University; vikinginya@yahoo.co.uk; tel. 8-927-804-81-53.

Samyilina Angelina Aleksandrovna — student; Ulyanovsk State University; kategoldenblack@gmail.com; tel. 8-962-635-20-85.

Safina Gulnara Minseitovna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Economics and Management; Ulyanovsk State University; gms73@inbox.ru; tel. 8-927-801-02-25.

Седунова Анастасия Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; asedunova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Точеный Михаил Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; УВАУГА; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-26-811.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; natalytg1956@gmail.com; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Ускова Софья Вадимовна — студентка; Ульяновский государственный университет; suskova00@mail.ru; тел. 8-902-214-70-64.

Ходжаян Елена Гукасовна — старший преподаватель кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотекосведения; Ульяновский государственный университет; elxo@yandex.ru; тел. 8-906-144-52-75.

Sedunova Anastasia Sergeevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; asedunova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Tocheniy Mikhail Dmitrievich — Candidate of Law, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-26-811.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; natalytg1956@gmail.com; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Uskova Sofya Vadimovna — student; Ulyanovsk State University; suskova00@mail.ru; tel. 8-902-214-70-64.

Khodzhayan Elena Gukasovna — Senior teacher, Chair of Journalism, Philology, Document and Library Science; Ulyanovsk State University; elxo@yandex.ru; tel. 8-906-144-52-75.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.

ISSN 2224-1620

9 772224 162215

02 >